

МИР

№ 70 1927

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Издано
«П. П. СОЙНИ»
ЛЕНИНГРАД

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПОВЕСТЕЙ И РАССКАЗОВ

ВЫХОДИТ
ЕЖЕМЕСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ
ЦЕНА НА ГОД 5 РУБ.
С ДОСТ. И ПЕРЕС.

ГЛ. КОНТОРА И РЕДАКЦИЯ - ЛЕНИНГРАД, СТРЕМЯННАЯ 8
ИЗДАТЕЛЬСТВО «П. П. СОЙКИН»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10 — 1927 г.

«ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНО-ГО ФРОНТА», статья Р. Куллэ	2	«СОЗВЕЗДИЕ ДЫМТРЕСТА», — юмор. рассказ И. Ивановича, с иллюстр. В. Селиванова	70
«К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ». (О подаче голоса за распределение премий на Литературном Конкурсе)	4	«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ», — «Откровения науки и чуда техники».	
«ЛУЧИ ЖИЗНИ», — премированный на Литературном Конкурсе «Мира Приключений» рассказ (№ 784), иллюстр. Н. А. Ушина	6	«ПТИЦА РАСКРЫЛА ТАЙНУ СВОЕГО ПОЛЕТА», — очерк И. Р. с иллюстрациями	74
«ЗОЛОТО», — премированный на Литературном Конкурсе «Мира Приключений» рассказ (№ 19), иллюстр. И. А. Владимирова	21	«СЕКРЕТ ПАУКА», — очерк с иллюстрациями	76
«ТАЙНА ГОРЫ КАСТЕЛЬ», — премированный на Литературном Конкурсе «Мира Приключений» рассказ (№ 198), иллюстр. С. Э. Лузанова	35	«УСЫПЛЯЮЩИЕ ПУЛИ», — с иллюстрациями	77
«МЫ» — Линдберг о своем перелете через Атлантический океан, с иллюстрациями	49	«ВЕЛИКАЯ ЗАДАЧА БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО», — очерк с иллюстрациями	78
«ИМПЕРАТРИЦА БЛЭНДИНГСКАЯ», юмор. рассказ П. Г. Вудхауза, с иллюстр.	53	«Корабль Калигулы», — с иллюстрациями	79
«В СТРАНЕ ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ» — очерк с иллюстрациями	68	«Сверх-быстрый автомобиль», — с иллюстр.	80
		Задачи №№ 61, 62 и 63	34
		Решения задач № 61, 62 и 63	80
		О подписке на 1928 г. на журнал «Мир Приключений»	
		2-я стр. обложки.	

Обложка работы художника С. Э. Лузанова.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Баллотировочный бюллетень для подачи голоса за распределение премий на Литературном Конкурсе и подписной бланк для возобновления подписки на 1928 год.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНОГО ФРОНТА

Судьбы русской литературы за последние 10 лет беспримерны и героичны... Империалистическая война растоптала молодые побеги реализма, начавшие было пускаться корни на почве литературы, омытой волной спада символизма предшествующих двух десятилетий... Зазвучавшие трубы ура-патриотических настроений заглушили свободные голоса бытописателей жизни, и судьба русской литературы была надолго предрешена.

К моменту революции литература насчитывала десятка два-три больших, но уже значительно «старых» имен и горсть инвалидного молодняка. Когда же грянули взыскующие громы Октября, картина изменилась с фантастической быстротой: ветераны художественного слова почти полностью покинули родину и обрекли себя на зарубежное вымирание; оставшиеся в силу тех или иных причин — замолкли, переживая тяжкий кризис борьбы с собой, с непонятой ими сразу лавиной обрушившихся событий и с бытовыми тяготами жизни. Молодыня обстреливался, мужал и крепнул на фронтах, еще не предполагая своей будущей роли на другом фронте — художественного слова... На некоторое время литература «перестала быть».

Но обессиво, какой бы тяжкий период своего существования оно ни проходило, без творческого слова существовать не может. Нет бумаги, нет краски, нет типографий? Не надо! И наступает период рукописных тетрадок, исписанных, до краев наполненных стихами... Стихи читаются с эстрады, стихами расписываются заборы, стихи декламируются на собраниях, в стихах пишутся лозунги на знаменах и плакатах, рифмуются агитки, в стиховой форме даются правила гигиены и борьбы со вшами... Целый дождь стихов...

Их делают в пролеткультовских студиях, на них, как на материале, учатся пришедшие со всех концов огромной страны отважные новаторы владеть словом, стихами захлебывается молодая, нарождающаяся советская интеллигенция, отметившая период своего детства «стихопадом»...

Но пока младенец рос в пеленках стихосложения, успели уже отложиться некоторые формы быта эпохи военного коммунизма с его очередями, карточками, жилищными нормами, учреждениями и мешечниками. Люди приспособились жить и цепляться за малое, а методы этого цепляния потребовали выхода в эпосе. Тогда и появляются первые художественные воплощения этого довольно убогого бытия в замерших городах и притаившихся деревнях. Рассказы Б. Пильняка, Лидина, Н. Никитина, С. Семенова становятся первыми попытками отразить текущую действительность. Все противоречия взбаломученной жизни в огромной стране от мешечников всех сортов, от шептунов и припадочных религиозных маниаков, в наивном мистицизме толкующих о «пришествии антихриста», — до «кожаных курток» и творцов революции на всех ее фронтах, — быстро и бегло зарисовываются нервным карандашом молодых прозаиков. Всев. Иванов, Бабель, Н. Тихонов, Тарасов-Радионов, Эренбург, Буданцев, Аросев, Малашкин, Либединский и др. — каждый на свой образец, в своем преломлении, в соответствии со своим темпераментом — спешат рассказать о виденных, наблюденных и поразивших их сознание картинах распада и возрождения, борьбы и падений, побед и горьких отступлений, крови, пролитой на полях сражений, и поте, оросившем труд созидания; о новой жизни, о человеке и борце, обывателе и мире вещей, о правде будущего, о боли и радостях настоящего. С волнением, страстно и торопливо заговорил наш неокрепший еще эпос...

«Нэп» принес за собой и новые возможности, и расширил поле наблюдений. Жизнь зацвела свежей зеленью, загустилась и перепелась новыми бытовыми отношениями. «Октябрины», «загс», «гражданские похороны» «жен-

отделы», союзы, фининспектор, сокращения, кооперация и т. д., и т. д. вошли в обиход жизни и литературы. В центре же внимания встала идея рабочего строительства, построения социализма,—путей к абсолютно новым формам отношений в обществе.

Большое вырастает из малого, и социализм подымается из простых задач—сначала восстановления разрушенных фабрик и заводов, затем строительства новых и дальнейшего расширения планов. Как это начали делать, рассказал Ф. Гладков в своем «Цементе», открыв этим романом целую серию тем «индустриального» порядка, захвативших значительное число наших эпиков до последнего по времени романа С. Семенова «Наталья Трапова». Эти темы обеспечили себе центральное место в «городской» и «пролетарской» эпике.

Рядом с ней «растет и крепнет эпика «крестьянская». Очередной лозунг, выкинутый 1923-24 г.г.—«лицом к деревне», вызвал буйную поросль «крестьянских писателей», до того сочинявших стихи «под Есенина» или борющихся с пером в руке в рядах «селькоров».

Теперь жизнь схвачена в огромные тиски всесторонних писательских наблюдений, ревниво следящих за каждым биением ее пульса. Поле же наблюдений с каждым годом ширится, количество наблюдателей растет и требует уже особой классификации.

Профессионально писатели организованы в свой союз, но по литературным вкусам, склонностям и направлениям, по признакам школ и эстетико-политическим воззрениям они относятся к различным группировкам. В этом сказалась особенность нашей революции, организующей самые отвлеченные схемы в самые конкретные формулы: «ассоциация пролетарских писателей» («АППЧ») с предшествующей согласной по названию города), «крестьянские писатели», «Серапионовы братья», «Содружество» и десяток других «внутренних» соединений свидетельствуют о стремлении к коллективности и единомыслию и в области чисто художественных устремленностей...

С количественным ростом литературы пришло ее разнообразие и качественное, и идеологическое. Если первое обуславливается степенью одаренности писателя, то второе определяется дифференциацией мышления и настроений, давно уже получившей выражение в разделении на «пролетарских писателей» и на «попутчиков», а лишь недавно пополненное новой разновидностью—«необуржуазным» элементом современной литературы.

Но к каким бы «лагерям» ни относились имена Ал. Толстого, К. Федина, Е. Замятина, Б. Лавренева, Булгакова, Б. Пильняка, М. Козакова, М. Слонимского, И. Эренбурга и многих других, носители их бесспорно объединены одной общей и искренней устремленностью—участвовать пером и степенью своего дарования в том новом и стихийно неудержимом строительстве, которым охвачена вся огромная и богатая силами страна.

Эти силы еще таятся, еще не вызваны «от недр своих», но отдельные попытки их вызвать заслуживают особой отметки и особого внимания. Так, конкурс, устроенный нашим журналом, породил отклик более восьмисот авторов, приславших свои произведения на суд нелицеприятного жюри. К сожалению, в результате этого конкурса не отсеилось ни одного исключительного дарования, как, впрочем, его и без конкурса не имеется и среди наличных, уже известных и признанных писательских сил.

Слишком еще бурей поток, слишком трепетна незастывшая лава огромного извержения революции, чтобы можно было рассмотреть в ее незатвердевшем состоянии слитки золота и блеск бриллиантов: к десятилетию—сроку для рождения большого таланта незначительному—не загустела еще пламенная масса, не затянута коркой и не отложилась золотоносной рудой гения.

Но отдельные глыбы склублились уже большими массивами и стынут на громадных страницах литературы, незаметно и таинственно откладывая где-то в глубине семени драгоценнейших всходов.

Р. Куллэ.

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

При этой книжке всем постоянным читателям «Мира Приключений» разсылается отдельная, приводимая здесь в образце, баллотировочная карточка по Литературному Конкурсу 1927 г.

Приглашаем читателей, не откладывая, строго обдумав, свободно и независимо произнести свой беспристрастный суд!

Мы говорим: не откладывая,—ибо заполненные и возвращенные баллотировочные бюллетени должны быть подсчитаны к середине ноября, чтобы еще в декабрьской книжке этого года успеть опубликовать результаты конкурса и в декабре выдать авторам премии.

Мы напоминаем: строго обдумав,—ибо решение читателя имеет громадное и принципиальное, и практическое значение. Обычно судьей является редакция. Она выбирает весь материал и предлагает его остающемуся пассивным читателю, не спрашивая его мнения и оценки. Здесь—читатель сам делается и критиком, и верховным судьей. Его голос будет слышен повсюду. Он выдвигает писателя, он указывает место автора среди других, он своей коллективной волей вознаграждает дарование, способности и труд. Он, наконец, заявляет редакции о своих вкусах и желаниях для руководства в наступающем году.

Читатель должен сравнить 10 произведений, как бы выстроить их в ряд перед своим критическим разумом и затем расставить по достоинству. Рекомендуем поэтому, прежде чем произнести свое суждение, снова перечитать все 10, подлежащих оценке, рассказов, а если они хорошо сохранились в памяти, все же пересмотреть их одновременно. Промежуток от августа, когда напечатаны первые три вещи, до конца октября, когда читаются последние три,—большой, и яркость старых впечатлений неизбежно ослабела. С другой стороны, первое восприятие художественного произведения,—будь то пьеса в театре, или беллетристика в книге,—нередко является ошибочным, потому что в известной мере зависит от субъективного настроения зрителя или читателя в эти часы. Чтобы вынести правильный и добросовестный приговор, необходимо учесть эти психологические моменты.

Мы предупреждаем: нужно решать свободно и независимо,—ибо читатель всецело предоставлен самому себе. Читателя-судью не направляют, не наталкивают, ему не подсказывают. Литературно-Научное Жюри назвало 10 лучших из всех 810 допущенных на Конкурс произведений. Опытной рукой Жюри любовно и старательно просеяло пшеницу нового литературного урожая, отвеяло легкие или пустые зерна и отобрало те, которые могут дать хорошие всходы. Но остальная, главная и ответственная работа возложена на самого читателя. Жюри не давит его своим литературным и научным авторитетом. Премируемые 10 рассказов—разнообразны по темам, стилю и манере. Сравнительная оценка их самим Жюри остается тайной совещательной комнаты Жюри. Пусть читатель не видит в порядке размещения рассказов по трем книжкам журнала—предвзятости, указующего перста, даже—руководящего намека. Распределение их и группировка вызваны только техническими соображениями Редакции и ни в какой мере не отражают мнения Жюри или Редакции.

Читатель! Писатель ждет твоего скорого, обдуманного и свободного приговора.

Техника заполнения баллотировочного бюллетеня настолько легка, что вряд ли требует подробных объяснений. На карточке все показано. Нужно проставить, по своему усмотрению, во второй графе (второй столбец), в нисходящем порядке, №№ рукописей, которым читатель присуждает премии — от первой до десятой. Номер, как бы заменяющий в этом случае неизвестное пока имя автора, жирным шрифтом помещен после каждого заголовка премируемого рассказа. Чтобы избежать исправлений, подчисток и других дефектов, делающих баллотировочную карточку недействительной, рекомендуется составить предварительный список на клочке бумаги и, уже окончательно обдумав, переписать его четко на бланк. Почтовую марку следует наклеить трехкопеечную.

Неполучившие почему либо баллотировочного бланка должны немедленно известить Редакцию, и им будет выслан дубликат.

В Издательстве имеется очень ограниченное количество запасных экземпляров №№ 8, 9 и 10 «Мира Приключений», где помещены подлежащие премированию рассказы. В случае утраты какого-нибудь из этих №№, — что может помешать читателю подать свой голос, — недостающие книжки могут быть высланы по обычной цене—50 к. за экземпляр.

Подаю свой голос за следующее распределение премий по Литературному Конкурсу журнала „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“.

Наименование премий.	№ премиров. рукописи.
1-я премия 1.000 р.)	
2-я премия (500 р.)	
3-я премия (300 р.)	
4-я премия (300 р.)	
5-я премия (200 р.)	
6-я премия (200 р.)	
7-я премия (200 р.)	
8-я премия (150 р.)	
9-я премия (150 р.)	
10-я премия (150 р.)	

Место для подписи и адреса постоянного читателя, высказывающего свое решение, или для наклейки адреса с бандероли, под которой получается книжка „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

Читателю надлежит заполнить только одну 3-ю графу, четко, без помарок и исправлений, проставив в ней, по своему усмотрению, №№ премируемых рассказов, обозначенные крупными цифрами, после заглавия произведений, в 8, 9 и 10 книжках „МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“

Редакция просит авторов премируемых рассказов снешно прислать, для помещения в журнале, свои портреты и биографические о себе сведения. Письма эти, в видах сохранения тайны, необходимо отправлять заказными и адресовать в Редакцию с надписью: «Лично. В собственные руки. В. А. Бонди». Портреты и биографии будут напечатаны в декабрьской книжке журнала, одновременно с опубликованием акта вскрытия конвертов с именами и распределения премий читателями.

Мир Жизни

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ» 1927 ГОДА.

По регистрации **№ 784.**

Левиз: Юниор.

Иллюстрации Н. А. УШИНА.

Я еще со школьной скамьи приобрел привычку почти каждый день заносить на страницы своего дневника наиболее интересное из того, что со мной случилось и что я думал за истекшие сутки.

Мне кажется, что это совсем не плохая привычка,—благодаря ей я могу сейчас, перелистав свой дневник, восстановить в памяти все замечательные события последнего времени, в которых я невольно принимал большое участие.

Мои друзья, с которыми я поделился всем пережитым, горячо советуют мне опубликовать выдержки из моего дневника, но я, право, не решусь никогда это сделать: во-первых, я очень неважного мнения о своих писательских талантах, а, во-вторых—мне не хочется прослыть пустым фантазером — настолько необычны и маловероятны события, о которых я хочу рассказать.

Впрочем—будь, что будет!

Изложу все по порядку.

28 мая. Получил вчера от издателя несколько сот рублей за мои переводы и развязался с амбулаторией, где работал, как начинающий врач. Мне не повезло осуществить свою давнюю мечту, — пожить два-три ме-

сяца неподалеку от города, но в то же время поблизости от моря, к которому я, вопреки своим сухопутным предкам, питаю какое-то необыкновенное пристрастие. Короче говоря, сегодня я снял для себя небольшой домик с миниатюрным садиком около самого Сергиевска, исполняющего обязанности курорта под Ленинградом.

30 мая. Сегодня я праздную новоселье. Окончил расстановку привезенных с собою книг и журналов. При свете лампы с зеленым колпаком сижу в легком плетеном кресле и чувствую себя почти что богатым рантье, которому обеспечено приятное и спокойное житье. Сижу и мечтаю о том, как я закончу тут свою книгу, как тихо и спокойно будет здесь мне работать...

Моя дача стоит почти в конце дороги, ведущей к морю. Слева начинается пустопорожняя мшистая поросль, справа — прилегает соседняя дача. Я уже полюбопытствовал, кто будет моими соседями, и получил успокоительный ответ, что дача пустует, так как из-за большого ремонта вряд ли найдется желающий снять ее в этом сезоне. Это мне как нельзя более на руку, так как прежде всего я боялся перспективы иметь своими соседями шумливое семейство с му-

зыкальными наклонностями и веселую компанию беспричинно веселящихся обывателей.

5 июня. Увы, моя радость была преждевременна! Через четыре дня после моего въезда, когда я уже заканчивал первую главу своей книги, меня утром разбудил необычный стук молотков и громоыханье железных листов, доносившиеся из соседней, доселе пустовавшей дачи. Я вышел узнать, в чем дело и, к своему великому огорчению, увидел подюжины кровельщиков и плотников, по всем признакам занятых приведением дачи в годное для жилья состояние.

Из расспросов я узнал, что дача снята каким-то ученым, который намерен поселиться здесь на лето для производства опытов над животными.

Час от часу не легче! — Это еще почище граммофона и пения цыганских романсов: — визг и лай целого зверинца, предназначенного для вивисекции!..

10 июня. Работа по ремонту идет во всю. Я очень люблю поспать по утрам, так как имею скверную привычку сидеть долго ночью за книгами. Но сейчас — дольше 8 часов спать никак невозможно. Вы никогда не пробовали спать под грохот ударов о железные листы? Если нет, то и не пробуйте, все равно не уместя... Около моего забора устраивается ряд загоронок и домиков, повидимому, для будущего «зверинца».

15 июня. Наконец, стало немного тише. Кровельщики закончили свою работу, столяры тоже, и изрядно разрушенный дом принял вполне приличный вид. Меня поражает внутреннее расположение комнат. В двух комнатах междуэтажное перекрытие вынута, и таким образом получилось высокое и обширное помещение. У стен его я заметил два солидных бетонных фундамента — повидимому, для каких-то тяжелых машин.

18 июня. Станный ремонт соседнего дома меня очень интересует. Сегодня привезли на грузовиках какие-то ящики и части машины. Два механика заняты их установкой. Больше мне не удалось рассмотреть, так как против излишнего любопыт-

ства посторонних лиц уже приняты меры, вроде устройства забора с колючей проволокой. Как будто мелком, через свой забор, видел самого хозяина дачи. Это высокий, немного прихрамывающий человек, лет под пятьдесят, с изрядной проседью в густых еще волосах, одетый в потертый суконный костюм и широкополую шляпу. Лицо его за дальностью расстояния рассмотреть не успел.

20 июня. Опять прощай мой покой! У соседа стоит грохот, как в кузнечной мастерской. В голых стенах соседней дачи звуки раздаются особенно гудко. Наверно устанавливают и пробуют привезенные машины. Судя по характерному хлопающему звуку, это небольшой нефтяной двигатель. Сегодня же привезли множество ящиков и клеток с разными зверями — морских свинок, собак и обезьян. Я копался у себя в саду, когда к моему забору подошел ученый сосед. Я вежливо поклонился, но тот или не заметил меня, или не счит нужным вообще со мной поздороваться. Что-то буркнув под нос, он проследовал дальше. Ну, что же, не хочется — и не надо...

25 июня. Засел за вторую главу. Многих книг не хватает, но чертовски не хочется ехать в город — здесь так хорошо и спокойно! Даже мой сосед угомонился — у него все тихо и мирно. Рабочие вчера ушли, и сейчас там никого не видно, кроме самого хозяина в старого служителя, нанятого для ухода за зверями.

Двигатель, установленный на даче, почти весь день негромко попыхивает. Мне кажется, что там даже имеется своя собственная электрическая станция, так как городская линия от нас далеко, а у соседа горит электричество. Особенно яркий свет льется через верхние окна большой двухэтажной залы, он виден даже через повешенные темные занавеси. Свет этот какой-то странный — неприятного фиолетового оттенка. Искусственным горным солнцем лечится мой сосед, что ли? По временам оттуда раздаются приглушенные крики животных и какое-то тонкое шипение. Повидимому, работа у соседа нала-

живается. Каюсь: меня разбирает большое любопытство заглянуть через запретные стены...

26 июня. Сегодня сделал попытку пробраться через забор посмотреть на зверинец. Увы, мое любопытство было очень скоро наказано — откуда то неожиданно и вдобавок совершенно беззвучно вынырнул огромный датский дог и весьма недвусмысленно уставился на меня в двух шагах — дескать: «что вам здесь угодно, гражданин?» Пришлось довольно поспешно ретироваться, о чем знают мои брюки и нога, расцарапанная о колючую проволоку. Хорошо, что еще никто не заметил. Сидя у се я в саду, пытаюсь разговаривать со сторожем, но старик оказался на редкость малоприветливым и неразговорчивым малым.

28 июня. Сегодня совершенно неожиданно свел знакомство со своим нелюбимым соседом. Вечером, как обычно, я сидел и писал. Вдруг — слышу стук в окно. В голубоватом сумраке летнего вечера вижу какую-то фигуру, делающую мне знаки рукой. Растворяю окно и узнаю моего знакомого незнакомца — старика сторожа соседней дачи.

— Очень извиняюсь за беспокойство, — начал он, — как вы доктор, то Хрисанф Андреевич очень просят вас зайти к нему, потому как они заболели...

Перспектива познакомиться с моим соседом припала мне по душе.

— Что же случилось с вашим хозяином? — спросил я.

— Вроде будто ногу себе повредили. Да вы уже будьте любезны сами посмотрите...

Через несколько минут мы входили в дом моего больного. Старик сторож провел меня по корридору мимо большой залы, которую я видел во время ремонта. Через полуоткрытые двери я только успел заметить несколько больших стеклянных сосудов, окруженных сетью трубок и залитых тем же неприятным фиолетовым светом, который я заметил раньше сквозь окна. К сожалению, мой провожатый быстро захлопнул двери перед моим носом и предложил мне пройти в соседнюю комнату, где, повидимому, помещался

кабинет хозяина дома. Там царил полумрак, так как лампа, стоявшая на столе, скупо бросала свет лишь на груды рукописей, книг и журналов. У стены слева стояла кожаная кушетка, где лежал сам больной.

При моем приближении он сделал попытку приподняться, но тотчас же, закусив губы, откинулся на подушки. Свет упал ему прямо в лицо, и я увидел высокий, изрезанный морщинами лоб, прямой, ележка мясистый, нос и упрямо изогнутые энергичные губы под коротко остриженными седыми усами...

— Простите, коллега, за беспокойство. Прежде всего позвольте представиться: доктор Ивин...

Я поспешил назвать свое имя и пожал протянутую мне доктором руку. Рука — я заметил — была влажной, с длинными, нервными пальцами.

— Вот, — продолжал мой пациент, — полез на полку за книгой, поскользнулся, упал и вывихнул ногу. Нелепый случай!

При помощи старика сторожа, не отходявшего от меня ни на шаг, я вправил больную ногу на место, забинтовал ее и предложил спокойно полежать денька три. Лицо больного при этом досадливо вытянулось.

— Как, неужели целых три дня? Впрочем, я сам понимаю — иначе мне же будет плохо... Нечего делать. Повинуюсь. Ну, а теперь присаживайтесь и побеседуем.

Доктор Ивин оказался преинтересным собеседником. У нас нашлось много общих научных тем, и мы не заметили, как в разговорах быстро промелькнуло три часа. Заметив, что хозяин устал, я откланялся и получил приглашение зайти завтра.

29 июня. Снова был у соседа. Ноге его лучше, но ходить он еще не может. Цербер — сторож опять провожал меня, заботливо прикрывая передо мною двери в другие комнаты. Мало-по-малу доктор Ивин открыл мне тайну своего дома. Узнав, что я живо интересуюсь действием лучей различной длины на животную ткань и что я два года работал в Рентгенологическом институте, доктор Ивин совсем оживился и рассказал мне

множество интересных вещей. Я решил, что уместно будет задать вопрос о работах самого любезного хозяина.

Но я ошибся. Лицо доктора Ивина сразу точно потемнело, и я поймал на себе его быстрый, настоженный взгляд. Отделавшись несколькими общими фразами, мой собеседник поспешил переменить разговор и, видимо, был доволен, когда я поднялся, чтобы уйти.

2 июля. Отличительные черты моего характера—упрямство и изрядная доля чисто женского любопытства,— последнее, по-моему, в не меньшей степени свойственно так же мужчине. И, однако, я решил подождать и не идти на соседнюю дачу без приглашения. Последнее пришло в лице сторожа сегодня вечером. Само собой разумеется, я не заставил себя просить дважды. Мой больной уже ходил, опираясь на палку. Радужный прием и какая-то детская улыбка хозяина сразу же заставили меня забыть о нашем несколько сухом расставании третьего дня.

— Вы, дорогой мой, наверно, ругаете меня за мою нелюбезность? Не сердитесь, вы поймете, когда узнаете меня получше. Я присматривался к вам все время и решил, что могу положиться на вашу скромность, тем более, что я имею на вас кое-какие виды.

Я молча поклонился

— Я, вообще говоря, не люблю распространяться перед посторонними о своих работах и планах. Я имел случай убедиться, что это иногда дает очень скверные результаты...

Голос доктора Ивина стал звучать глуше. Действительно, я начал припоминать о каком-то докладе, где встречал его имя, о докладе, закончившемся крупным научным скандалом и какими-то обвинениями в шарлатанстве...

— Сейчас я получил, наконец,— продолжал доктор,— материальную возможность довести свои опыты до конца. Для того я и нанял эту уединенную дачу, чтобы добиться решительного результата. Мне кажется, что я стою на верном пути и что на этот раз я сумею найти неопровержимые доказательства своих предположений. Вы тоже не чужды той области, где я работаю, поэтому я был бы рад, если бы вы мне помогли в моих опытах. Только я ставлю одно условие: пока я не разрешу или пока я жив—при этом доктор Ивин слегка улыбнулся—я прошу вас не распространяться о том, что вы здесь увидите. А увидите вы, полагаю без ложной скромности, кое-что интересное.

Разумеется, я согласился без долгих размышлений. Книга может и подождать, а упустить этот интересный случай познакомиться с таинственными

— Как вы доктор, то Хрисанф Андреевич очень просят вас зайти к нему...

работами доктора Ивина — было бы прямо грешно.

— Ну, и прекрасно. О матеральной стороне дела не беспокойтесь. Садитесь и, прежде чем я вас поведу в свой зверинец, выслушайте несколько слов в пояснение того, что вы сейчас увидите...

Вот, что мне рассказал доктор Ивин.

— Вы, конечно, знаете, что наше тело состоит из бесчисленных клеток, управляемых сложными и далеко еще неясными для нас законами. Кое-что мы здесь уже узнали, кое-где стоим на верном пути, но все-таки еще очень далеки не только от умения подчинить себе эти законы, но даже и от их всестороннего знания... Мы знаем, что существуют железы, чья секреторная деятельность создает гормоны—двигатели и возбудители почти всех жизненных процессов в наших внутренних органах. Вырежьте щитовидную железу — и человек станет кретинном с помутневшими, выпученными глазами; удалите семенные железы—и мужчина превратится в жалкого кастрата, у него изменится голос, исчезнет бодрость и мужественность... Кроме того, мы знаем, как глубоко влияние на функции наших желез и внутренних органов разных лучей — ультра-фиолетовых, рентгеновских, радиевых. Наверно вы слышали также о недавно открытых Милликемом космических лучах—с чрезвычайно малой длиной волны и огромной проникаемостью. Лучи эти поистине могут называться лучами смерти, так как, подобно потоку электронов из трубки Кулиджа, они убивают очень быстро всякую органическую жизнь... Я вам покажу кое-что в этом роде в своей лаборатории. Но есть так же и другого рода лучи—действие их совершенно иное. Если то были лучи смерти, эти можно было бы назвать лучами жизни. О существовании таких лучей я догадывался уже давно: опыты Габерландта и особенно Гурвича, открывшего так называемые «митогенетические лучи», посылаемые живой клеткой и способствующие ее делению и росту, убедили меня, что «лучи жизни» действительно существуют.

Я нашел, что они испускаются всеми нашими органами, усиливая их действие наряду с гормонами и витаминами. Потом я подробнее расскажу вам о ходе моих опытов, пока же добавлю еще вот что. Я задался целью получить такие лучи жизни вне живой клетки, искусственным образом. Работа была очень трудна и подчас даже опасна. Вот, поглядите на мои руки—они носят на себе следы различных лучей, с которыми я вел свои опыты... Повидимому, я нашел то, что искал... Здесь, в своей лаборатории, я поставил ряд электрических аппаратов огромного напряжения, с которыми я получаю потоки мощных электрических и рентгеновских излучений. Таким образом недавно мне удалось добыть сильный поток космических лучей. Признаюсь вам теперь, что именно при этих опытах, неосторожно упав, я вывихнул ногу...

Как странно, жизнь и смерть переплетаются друг с другом!.. Иногда одни и те же лучи, хотя бы рентгеновские, действуют совершенно различно: они и убивают, они могут и исцелить...

Впрочем—лучше я вам покажу их действие у себя в лаборатории.

Глубоко заинтересованный многообещающим вступлением, я последовал за хозяином дома. Через узкую дверь мы вошли в соседнюю комнату, где я еще не был, и где помещалась лаборатория доктора Ивина. Часть комнаты была заполнена сложными электрическими приборами — индукционными катушками, конденсаторами, трубками Рентгена причудливо-изогнутой формы, и бездной других аппаратов, в которых терялся беглый взгляд постороннего человека. Среди комнаты занимал большой длинный стол с укрепленным на нем прямоугольным ящиком, напоминавшим собою обыкновенный проекционный фонарь.

Доктор Ивин поставил на край стола горшок с цветущим горошком и направил на него отверстие аппарата. Движением руки повернул какой-то рубильник, и сразу же в аппарате послышалось глухое гудение и из

объектива тускло засиял пучек темносиних лучей. Через несколько секунд в растении произошла разительная перемена—листья завяли, цветы свернулись и потеряли свои лепестки, стебли жалобно склонились на сторону. После этого доктор убрал погибший цветок и поставил на его место клетку с большой белой курицей, которую он принес из соседней комнаты. В синеватом луче, тихо струившемся из аппарата, ее перья приняли какой-то мрачно-свищовый оттенок. Курица вскинула голову и, ловя воздух, широко открыла свой клюв. Перья ее стали дыбом, секунды две она дрожала мелкой дрожью, затем упала и вытянулась. Доктор Ивин замкнул ток в аппарате и вынул неподвижно лежащую курицу. Птица была мертва.

Я не успел опомниться от изумления при виде этого странного зрелища, как доктор потащил меня в сад, куда с некоторым усилием вынес и свой таинственный «проекторный фонарь». Сад был довольно запущен. По середине его шла прямая длинная аллея с кустами сирени на дальнем конце. Доктор Ивин установил свой аппарат с волочившимся за ним проводом около самого дома, направив его стеклянный глаз вдоль аллеи. Через минуту в нем послышался легкий треск, и на моих глазах куст сирени пожелтел и осыпался, точно в позднюю осень. Когда мы подошли к нему ближе, мы увидели, что там было еще и другое пострадавшее живое существо—у корней оголенного куста лежала прилудная серая кошка, неосторожно выбравшая злополучный сиреневый куст местом для своего отдыха. Я поднял ее за загривок—кошка была еще теплая, но тело ее точно закаменело в последней сулороге, а шерсть летела клочками по ветру...

Теперь я понял причину одного странного явления... Несколько дней тому назад я немало был удивлен, заметив, что вчера еще совсем зеленая рябина в этом же конце докторского сада неожиданно потеряла всю свою листву и стояла голой, с покривившимися ветвями, как в самую позднюю, ненастную осень.

— Ну, что?—прервал доктор Ивин мои мысли.—Как вам это понравится? Мои ультра-пронцающие лучи—я еще не придумал для них хорошего названия,—будучи сконцентрированы и направлены, могут действовать на довольно большое расстояние. Я не удивлюсь, если, тотчас же после опубликования моих работ, появятся талантливые последователи, которые постараются приспособить их для целей взаимоистребления... Меня лично интересует совсем иное—те процессы, которые производят эти лучи в органической материи. Так сказать—не количественная, а их качественная сторона. Многие мне еще совершенно неясно...

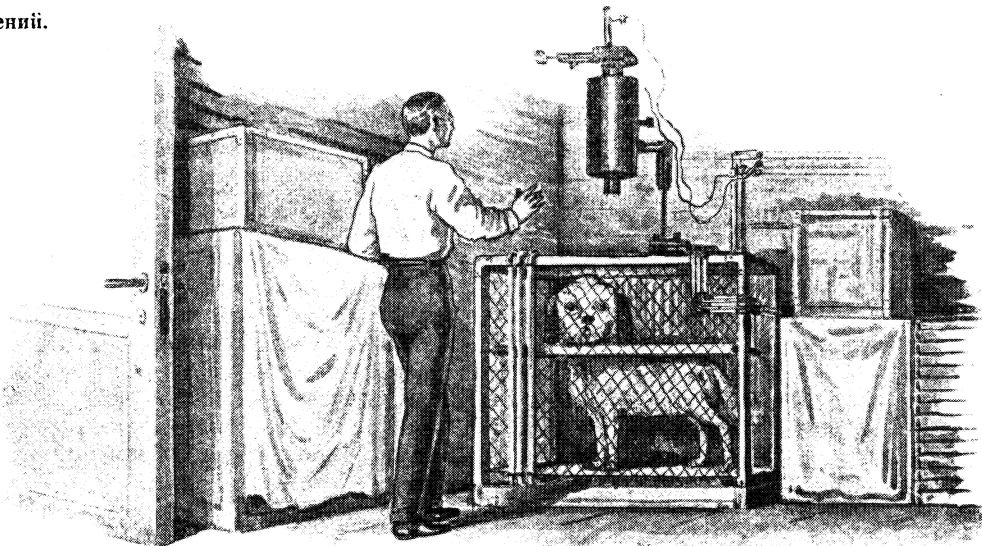
Весь вечер мы провели в беседе об этих замечательных лучах. Но это такая обширная тема, что сегодня мне не записать и десятой доли того, что я услышал.

6 июля. Наше сближение с доктором Ивиным все продолжается. Мои собственные работы и планы кажутся мне сейчас такими мелкими и не интересными. Разве можно их сравнить с тем, что сейчас делается на соседней даче!.. Ведь это переворот; это целая революция в науке!

Постараюсь связно изложить бывшее со мной за это время.

На следующий день, после нашего первого разговора, когда мой ученый сосед продемонстрировал действие своих ультра-пронцающих лучей (действительно, от них не спасал даже полуметровый слой свинца), доктор Ивин познакомил меня с моими обязанностями ассистента, при его дальнейших опытах.

— Помните, я говорил вам,— начал он свои объяснения,—о различном влиянии рентгеновских лучей на живой организм. В больших дозах они действуют разрушительно, вызывая ожоги и омертвление тканей, а в малых излечивают самые злокачественные болезни и являются одним из самых могучих целебных средств современной медицины. Этими свойствами обладают и новые ультра-пронцающие лучи. При известных условиях, например, в сильном магнитном поле или при поглощении их слоем

...На меня смотрели живые, почти человеческие глаза на огромной собачьей голове..

известных растворов, лучи эти поразительным образом изменяют характер своего действия. Я даже склоняюсь видеть в них новый род лучей — я назвал их «дельта-лучами». Еще лучше, впрочем, к ним подошло бы название «лучей жизни».

С этими словами доктор Ивин подвел меня к одному из микроскопов, стоявших в лаборатории.

— Глядите на этот препарат живой органической клетки. В ней нет пока ничего особенного. Вот я направляю на нее тонкий пучок дельта-лучей из этого аппарата.

Я прильнул к окуляру микроскопа и не мог оторваться от необычайного зрелища. Под влиянием загадочных «лучей жизни» с клеткой произошло удивительное превращение. Клетка начала как-то странно пульсировать, расти и делиться на новые клетки... Казалось я смотрел на кино-ленту, пропускаемую с увеличенной скоростью...

— Да,— продолжал доктор Ивин,— эти лучи способны увеличивать и ускорять рост органических клеток. Повидимому, они каким-то образом увеличивают их способность усвоения элементов окружающей среды, необходимых для их роста и развития.

— Неужели вы, доктор,— невольно задал я вопрос,— не попробовали действия этих лучей на целых живых организмах?

Доктор Ивин, не отвечая, молча повел меня в другую комнату, где в вечернем полумраке я сначала мог лишь различить ряд белых ящиков, закрытых материей. Щелкнул электрический выключатель, и в комнате стало светло. Доктор отдернул одно из покрывал, закрывающих ящик, и я увидел... Нет, сразу я даже не поверил своим глазам... Потом мне показалось, что это какой-то оптический фокус, и что доктор Ивин попросту потешается над моей доверчивостью.

Я увидел сосуд с необыкновенной зеленой лягушкой. Вот так размеры! Это животное было в добрую тыкву величиной и смачно пережевывало какие-то молодые побеги, задумчиво хлопая своими круглыми глазами величиною с двугривенный...

В другом сосуде лежал обыкновенный навозный жук величиной в большую ладонь и тщетно старался выбраться из тесного для него помещения, царапая лапками о стекло.

Это удивительное собрание дополнялось еще несколькими банками, где я увидел земляного червя толщиной в палец и размерами с хорошего ужа а рядом — муху, величиной с воробья...

Мне казалось, что я вижу сцену из романа Уэlsa «Пища богов»... Создатель всех этих чудес с улыбкой следил за моим состоянием и, пови-

димому, приберегал для меня еще новый сюрприз.

В углу стоял ящик, к которому шли какие-то резиновые трубки и электрические провода. В глубине его за паутиной железной сетки шевелилось что-то живое. Вглядевшись пристально, я невольно попятился. Из клетки на меня смотрели живые, почти человеческие глаза на огромной собачьей голове, зажатой в станке и соединенной с той сетью трубок и проводов, которые я заметил раньше... Овладев собою, я подошел ближе. Здесь голова еще больше поражала размерами. Рядом с ней небольшое туловище пятнистого сеттера казалось каким-то чужим и ненужным придатком. И все-таки, все вместе—это была собака, живая собака с карикатурно огромной головой...

— Тубо, Дора, тубо!—прикрикнул доктор на необычайное существо, замахавшее хвостом при его приближении.—Неправда ли, хороша собачка? Это тоже одно из детищ «дельта-лучей»... Концентрируя их действие на определенные части тела животного, я добился того, что их рост идет усиленным темпом. Но это не та уродливая гипертрофия, которая иногда встречается—развитие органов под влиянием «дельта-лучей» происходит вполне планомерно. Это совершенно здоровые и сильные органы, они лишь непропорционально велики по отношению к остальному телу...

Доктор Ивин подвел меня к следующей клетке у соседней стены.

Я почти уже перестал удивляться. Временами мне казалось, что я сплю и вижу несуразный, полный нелепостей сон... Что за зверинец! Любая кунсткамера Европы и Америки заплатила бы на вес золота за эту коллекцию!

Вот крыса с огромным змеообразным хвостом, ищерица с хищно оскаленной головой, голубь на длинных, как у цапли, ногах. Курица величиной с индийского петуха, кошка с двумя огромными когтистыми лапами—целая толпа беспокойно копошащихся маленьких чудовищ, точно ожившие каменные химеры с собора Парижской богоматери.

— Я отлично сознаю, что здесь мы находимся только у самого начала работы,—продолжал доктор Ивин,—но уже и это, виденное вами, говорит о тех широких перспективах, которые оправдают собою приложение «дельта-лучей» в практической жизни. Можно будет выращивать невиданные по размерам овощи, создавать новые гигантские породы домашних животных... Подумайте-ка,—бык, дающий сотни пудов мяса, или курица, несущая яйца весом в один килограмм...

Комбинируя действие лучей с особым питательным режимом, можно даже, как вы сами сейчас видели, увеличивать тот или иной орган, не в ущерб здоровью всего организма... Я хочу поручить вам наблюдение над изменением роста, веса, температуры и других процессов у некоторых из моих питомцев—если, конечно, это вас интересует...

...Что за зверинец! Любая кунсткамера заплатила бы за эту коллекцию на вес золота...

Я поспешил поблагодарить доктора Ивина за его приглашение и горячо принялся за порученное мне дело.

12 июля. Работы столько, что некогда даже записать свои впечатления в дневник. Удивительный человек этот Ивин! Что за свежая голова! И притом поразительная скромность во всем. Другой бы, сделав даже в десять раз меньше, давно бы уже занесся, протрубив о своих «достижениях», а этот скромный ученый все еще недоволен своей работой, не решается поделить ее результатами.

13 июля. Сегодня на себе самом убедился в действии «дельта-лучей». И неосторожно разбил стеклянный колпак и осколком поранил ладонь. Рана была пустяковая, я быстро ее перевязал, но забинтованная рука немного бодела и мешала работать.

— Что это у вас с рукой?—спросил зашедший ко мне в комнату доктор Ивин.

Я объяснил.

— А ну, покажите,—сказал он, и, не дожидаясь ответа, сам принялся разбинтовывать руку. Увидев порез, он на секунду нахмурился, но тотчас же вскинул на меня свои немного близорукие голубые глаза и усмехнулся.—Вы не из пугливых? Хотите произвести маленький опыт? Как это мне раньше не приходило в голову...

Так как я молчал, он подвел меня к одному из радиаторов «дельта-лучей» и положил мою руку на небольшую подставку.

Мягкий молочный свет заструился из радиатора. В руке я почувствовал легкое приятное покалывание, впрочем скоро исчезающее. Зато с порезом произошло удивительное изменение—кровотечение почти тотчас же прекратилось, и минут через десять ранка перестала давать себя чувствовать—на ладони осталась лишь красноватая полоска, точно после ожога.

Доктор Ивин в восторге потирал руки.

— Именно этого я и ожидал! Дельта-лучи в чрезвычайной степени способствуют естественному процессу заживления ткани. Ее клеточки получили мощный толчок и быстро пере-

бросили мостик через разрушенное место пореза...

Какие перспективы открывает это открытие в деле лечения многих болезней!

15 июля. Все-таки доктор Ивин чего-то не договаривает. Он, конечно, очень мил и любезен со мной, но в главную, центральную лабораторию меня он все-таки не пускает. На мой вопрос, чем он там занят, доктор ответил очень уклончиво.

16 июля. Работаем целый день. Доктор начал что-то прихварывать. С утра до вечера сидит в своей таинственной комнате, откуда слышится плеск воды и хлопанье чего-то мокрого по стеклу. Встречаемся только за вечерним чаем, где обмениваемся результатами прошедшего дня.

Вид у моего патрона неважный. Лицо осунулось, руки дрожат. В качестве коллеги насоял на том, чтобы он не засиживался по ночам.

22 июля. В этом «доме чудес», как я окрестил Ивинскую дачу, мне давно пора бы перестать удивляться. Но то, что я сегодня узнал и увидел, потрясло меня до глубины души.

Часа в три дверь комнаты, где работал доктор Ивин, с треском распахнулась, и сам доктор стремительно выбежал оттуда, бледный как полотно. Он поглядел на меня ничего испугающими глазами, затем грузно опустился на стул и прохрипел:

— Дайте воды...

Через несколько минут он пришел в себя, неуверенно встал и знаками предложил мне следовать за ним в его лабораторию.

Я увидел там стеклянные ящики и баллоны самой разнообразной величины, полные, как мне показалось, зеленоватой жидкостью с плавающими в ней водорослями. Средину лаборатории занимал обширный бассейн, выложенный белыми плитками и закрытый сверху огромным стеклянным колпаком, со множеством трубок, шедших в соседнее помещение.

Над колпаком свешивалась на блоках большая закрытая камера с несколькими крупными отверстиями, откуда лилось знакомое мне синеватобледное сияние «дельта-лучей».

При их неверном свете я различил на дне бассейна в изумрудно-зеленой жидкости какую-то большую бесформенную массу. Но вот жидкость бассейна заволновалась и над ее поверхностью показалась чья-то круглая скользкая спина, от которой во все стороны расходились плоские широкие ласты, оканчивавшиеся бесчисленными судорожно извивавшимися щупальцами...

Туловище этого отвратительного создания, напоминавшего собою что-то среднее между огромным осьминогом и морской медузой, со своими распластанными отростками занимало почти всю ширину трехметрового бассейна.

Тело его непрерывно пульсировало, то сокращаясь, то поджимая под себя свои змееобразные студенистые конечности. Я никак не мог рассмотреть, было ли там какое-нибудь подобие головы, пока из под разошедшихся плоских щупальцев не показалось что-то вроде человеческого лица. Да, именно, лица, каким его рисуют четырехлетние ребята: два кружка—глаза, две палочки—нос и губы. Но здесь рот и нос вместе заменял широкий и острый хрящеватый клюв, медленно раскрывшийся, чтобы выпустить струю зеленоватой жидкости. Глаза, если эти кружки можно было назвать глазами, были точно затянuty какой-то мутной серой пленкой... Но вот пленка приподнялась и на нас глянули два круглых, величинной в блюдце, страшных своей неподвижностью глаза. Не мигая они смотрели нам прямо в лицо—и, ей богу, смеялись! Нет, это был даже не смех, глаза просто издевались над нами, угрожали и ненавидели...

— Что это?—невольно воскликнул я, отступая гадливо от камеры.

— Вы видели его?—Теперь вы понимаете, почему я не могу здесь работать один!—бессвязно бормотал доктор Ивин, увлекая меня в свой кабинет, прочь от этого жуткого стеклянного колпака, откуда раздавалось отвратительное мокрое хлюпанье.

— Когда я убедился в поразительном действии лучей дельта на органическую материю,—продолжал док-

тор, немного справившись с сердцебиением,—мне пришла в голову мысль: если эти лучи обладают свойством ускорения жизненных процессов, то не могут ли они в известных случаях способствовать возникновению самой жизни, превращению неорганической материи в органическую?

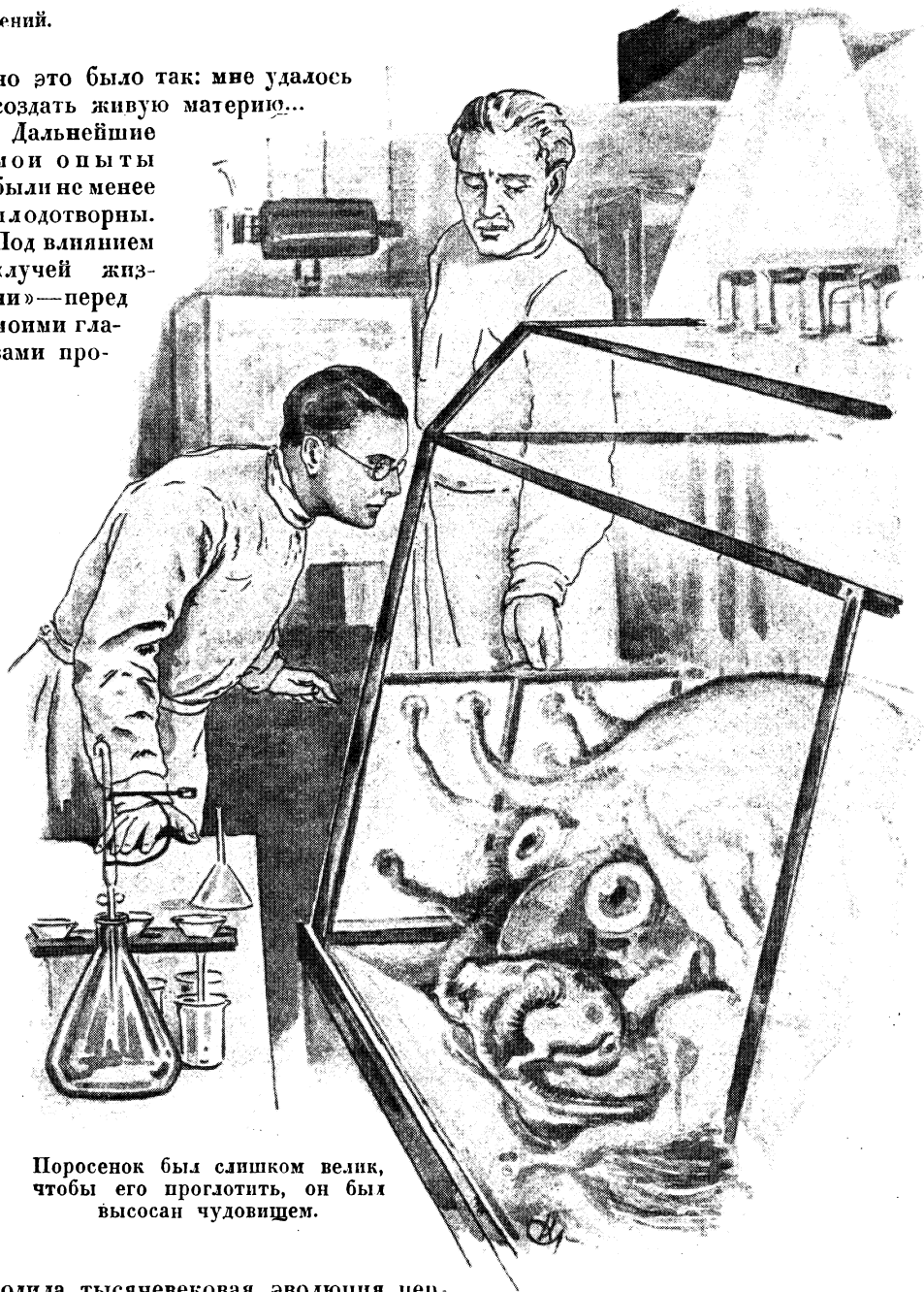
Я отлично понимал насколько смела подобная мысль—ведь об условиях появления жизни на нашей планете нам ровно ничего неизвестно. Одно время в моде была гипотеза Аррениуса о панспермии, о сонмах органических мельчайших первичных спор, носящихся в мировом пространстве и опыляющих собою достаточно охлажденные мировые тела, где возможна их дальнейшая эволюция и где они таким образом являются первопричиной всего живого. Но открытие Милликеном космических лучей, пронизывающих мировое пространство и обладающих способностью убивать все органическое, повидимому, кладет конец этой замечательной гипотезе.

Зарождение жизни, значит, произошло при иных обстоятельствах. Какие общие условия были для этого необходимы? Температура воды (так как жизнь зародилась именно в ней) не выше 50—60 градусов, присутствие известных солей и газов и еще что-то, давшее толчок к тому, чтобы появилась первая органическая молекула. Не были ли этим таинственным чем-то неизвестные нам электромагнитные колебания эфира? Не были ли то ультра-проникающие «дельта-лучи», смягченные толстым атмосферным покровом нашей молодой тогда планеты? Я попробовал создать подходящую обстановку, взял морскую воду в несколько измененном составе, ввел туда кое-какие соли и в присутствии дианистого газа подверг эту жидкость действию сильного пучка «дельта-лучей». Вы, конечно, поймете мое состояние, когда через некоторое время я заметил появление в чистом растворе какой-то слизи несомненно органического происхождения, по своему виду напоминавшей так называемый океанский планктон... Я повторил свой опыт—и с тем же удивительным результатом... Мне долго не верилось,

но это было так: мне удалось
создать живую материю...

Дальнейшие
мои опыты
были не менее
плодотворны.
Под влиянием
«лучей жизни» — перед
моими глазами про-

Поросенок был слишком велик,
чтобы его проглотить, он был
высосан чудовищем.

ходила тысячеугольная эволюция первобытного органического мира. Мертвая материя превращалась в живую, живая материя организовалась в более высокие и совершенные формы... В моей лаборатории зашевелились медузы, морские ежи и полипы... Там, в лаборатории, в ряде сосудов вы можете увидеть эти этапы творения. Одно из таких странных созданий привлекло мое внимание и я решил заняться им поближе. Это

было нечто вроде морской медузы, только немного крупнее. Через несколько месяцев в медузе произошли решительные перемены. Она выросла, окрепла, сделалась плотнее, приобрела развитые плавники с многочисленными отростками-щупальцами. Это не было уже какое-то студенистое полурастение - полуживотное. Предомно постепенно создавалось какое-то

новое существо. На бесформенной массе стали обозначаться глаза, появился мягкий мясистый отросток в виде клюва... Животное—его можно было уже назвать животным—росло с каждым днем... Вы видели его размеры... Питательная среда и поток «дельта-лучей», в которых оно живет, повидимому, идут ему впрок... Теперь я скажу, почему вчера я вышел из равновесия. Я работал, стоя спиной к бассейну. Вдруг я слышу какой-то стук, чем то мокрым, оборачиваюсь—и вижу к стеклу футляра прилипла распластавшаяся бесформенная масса с широко открытыми, пристально на меня смотрящими глазами... Я невольно подвинулся в сторону, глаза подвинулись туда же! И какие глаза! Мне показалось, что еще секунда—лопнет стекло и мною же созданное чудовище обрушится на меня... Нервы, взвинченные работой, не выдержали и я бросился прочь...

Остальное—вы знаете.

27 июля Мы неустанно наблюдаем за нашим чудовищем. Оно растет на наших глазах. Своим клювом бассейновый жилец слегка напоминает огромного спрута (да и глаза у него не лучше, чем у осьминога, только еще больше и злее). Вчера мы попробовали немного разнообразить его питание и с большими предосторожностями сузули ему в футляр небольшую щучку. Чудовище с молниеносной быстротой накинулось на добычу и мгновенно схватило ее в свой клюв. Такая же участь постигла трехмесячного поросенка—только гот был слишком велик, чтобы его проглотить целиком, поэтому он был высосан многочисленными щупальцами и присосками, помещавшимися в нижней части туловища чудовища—зрелище, от которого мне едва не сделалось дурно...

28 июля. Кажется, мы напрасно делали вчерашний опыт. Чудовище, попробовав свежей крови, не желает удовлетвориться вегетарианским столом и властно требует новых кровавых жертв. Второй поросенок сегодня был высосан с такой же быстротой, как вчера...

29 июля. Сегодня доктору Ивину зачем то понадобилось поехать в город.

Я остался один—не скажу, чтобы с большим удовольствием. Сторож Захар сюда почти не заглядывает, занятый чистой клеткой и другими хозяйственными работами. Сидя в лаборатории доктора, я погрузился в составление какого-то сложного химического соединения, как вдруг почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Оборачиваюсь—и встречаюсь с глазами чудовища. Теперь оно вылезло и прильнуло к стеклу, заполнив своим массивным телом почти весь стеклянный колпак... Круглые, немигавшие глаза сознательно следили за каждым моим движением... Невольный холодок побежал у меня по спине. Когда вечером доктор вернулся из города, я завел разговор о том, что делать дальше? Животное скоро перерастет свое помещение, сила в нем, наверно, не малая... Что, если лопнет стекло? Но доктор Ивин только рассмеялся в ответ и сказал, что меня постигнет тогда судьба поросенка.

20 августа. Пишу, лежа в больнице.

Трудно писать. Болит левая сломанная рука, болят ожоги на теле. А больше всего болят сердце... Бедный Хрисанф Андреич!

Постараюсь связно рассказать все, как было.

Не даром у меня было это предчувствие... На следующий день мы работали вместе. Все шло как всегда. И вдруг... Какой-то глухой треск в потолке... Сверху летят куски прогнившей балки и тяжелый, висящий на ней аппарат «дельта-лучей» с грохотом падает вниз, разбивая угол стеклянного колпака над бассейном... Я слышу шипение газа и еще какой то пронзительный свист... Момент—и над бассейном вываливается грузная фигура чудовища... Повидимому, оно было потревожено в своем послеобеденном сне и сейчас находилось в состоянии сильнейшего гнева. Мягкое студенистое тело все время меняло цвет, боковые придатки напряжались и трепетали своими змеевидными щупальцами. Клюв злобно щелкал, а глаза горели от ярости зеленым фосфористым блеском... Еще секунда—и чудовище было у сломанной стенки...

Чудовище несется на меня.. Я запутываюсь ногами в электрических проводах и падаю..

Вот оно протискивается через пролом... Летят осколки стекла и вот уже по полу лаборатории слышится мокрое, противное шлепание...

Дальше—все как в тумане... Доктор Ивин хватается за грудь и с широко раскрытым ртом падает навзничь... Чудовище мягкими, эластичными прыжками несется на меня, направляясь к широко открытым дверям... Я в ужасе пытаюсь отскочить в сторону, запутываюсь ногами в электрических проводах и падаю, ударяясь головой о воздушный насос... Потом—темнота...

Очнулся я только через три дня в больнице, куда меня отвезли сильно обгоревшего на пожаре. Наверно я при своем падении свалил горящую спиртовую лампу, и старый дом вспыхнул, как свечка. Дерево там было совсем как труха, и балка не выдержала тяжести аппарата. Доктору Ивину ничем нельзя было помочь. Он умер мгновенно от паралича сердца.

Но самое ужасное—это то, что сгорели все его препараты, все его приборы, все записки и чертежи... От лаборатории ничего не осталось. Над местом пожара, как мне передавали, высятся лишь закопченные, кирпичные трубы и валяется несколько исковерканных железных коробок... От великого открытия доктора Ивина не осталось никакого следа... Тайну «лучей жизни» гениальный ученый унес с собой в могилу.

Что же случилось,—спросит читатель этих безыскусственных записок — с виновником катастрофы? Сказать остается очень немного. Вырвавшись на волю, чудовище, точно по инстинкту, направилось к морю. Грузно подпрыгивая и хлопая своими лапами о землю, оно со свистом промчалось мимо толпы обезумевших от ужаса дачников, гревшихся на морском пляже, и шлепнулось в воду. Оно было видно еще довольно долго, пока, наконец, не добралось до глубокого места, где и исчезло.

Не стану здесь повторять всех нелепых толков, связанных с этой печальной историей, где нередко фигурировало мое скромное имя.

Прочитую лишь две газетных вырезки, которые я ставлю в связь со всем происшедшим.

«*Петергоф, 2 августа.* Катавшися на взморье были сегодня поражены и испуганы неожиданным зрелищем. Одна из лодок, в которой сидело двое молодых людей, оказавшихся гр. Марьей Журавлевой и местным жителем гр. Михаилом Ратинен, внезапно опрокинулась, при чем находившиеся в ней попадали в воду. Поспешившими на помощь другими лодками гр. Марья Журавлева, успевшая ухватиться за руль опрокинувшейся лодки, была спасена, а гр. Ратинен утонул и тело его до сих пор не найдено. Загадочным в этом происшествии является утверждение гр. Журавлевой, что гр. Ратинен, будучи хорошим пловцом, также успел ухватиться за край лодки, но вдруг побледнел, дико вскрикнул и исчез под водой, «точно его что-то потянуло книзу» — как выразилась гр. Журавлева. Полагают, что с гр. Ратиненом случился разрыв сердца, отчего несчастный и пошел ко дну».

Я же думал об этом иначе. Другой случай. «*Кронштадт, 5 августа* Уловки контрабандистов.

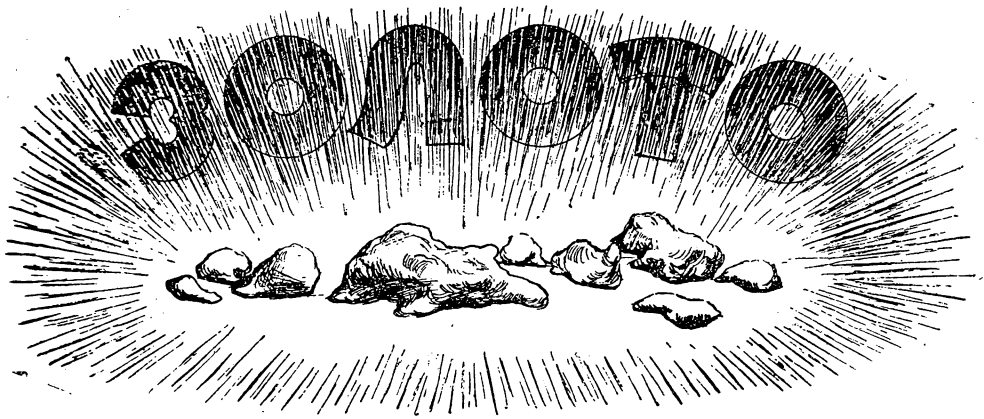
Дежурный катер местного погранотряда недавно обнаружил на поверхности воды какой то круглый предмет, уносимый ветром по направлению к Терриокам. При приближении катера этот странный предмет начал довольно быстро удаляться, сильно вспенивая воду кругом.

После трех выстрелов из винтовок загадочный предмет погрузился в воду и исчез. Наверно, опять какая-то новая и, как всегда, неудачная попытка местных контрабандистов обмануть бдительность наших зорких погранотрядов».

Так ли уж виноваты тут контрабандисты? Скажу прямо: несомненно, бедного Ратинена уволокло наше безжавшее чудовище. Его же видел пограничный таможенный катер. Это оно виновно в пропже нескольких коров, пасшихся неподалеку от берега около Терриок. Это оно распугало всю рыбу на северном побережьи залива. Это оно под Выборгом утащило в воду пастора, вышедшего рано утром на пристань у своего дома.

О появлении гигантского спрута в Балтийском море кричали шведские и немецкие газеты весь сентябрь месяц. Как известно, несколько экспедиций, организованных на моторных лодках, не привели ни к чему. Таинственный спрут легко ускользал из всех расставленных ему ловушек. Я уверен, что этот «осьминог» — все то же наше безымянное чудовище из стеклянного бассейна, созданное гением покойного доктора Ивина из ничего.

Существует ли оно и сейчас где-нибудь, или погибло в чуждых ему условиях? Не знаю...

Из амурских былей.

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
„МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1927 ГОДА.

По регистрации **№ 19.**

Девиз: Уссури.

Иллюстрации И. А. ВЛАДИМИРОВА.

I.

Значащийся под номером первым в списках движимого имущества Сугтарской опытной фермы пегий кобель Морда приподнялся на передних лапах и хотел уже приветствовать своего главного хозяина Пал Максимыча, как тот круто свернул в сторону и направился к строящемуся амбару. Около амбара стояли в нерешительных позах два мужика.

— Ты чего же это?!—набросился агроном на старшего из них:—Пошабшил, а крышу так и не кончил?

Мужик сокрушенно покрутил головой и сказал:

— Статья такая, Пал Максимыч, вышла... Вот Вахромей скажет,—кинул он на своего соседа.

— Чего скажет?!.. Не первый день Вахромея знаю... Опять заколобродил?

— Чего заколобродил — ухмыльнулся Вахромей,—как перед истинным, Максимыч, как мы тебя уважаем, во как... Ты только слухай!

— Ну?

Вахромей придвинулся вплотную к агроному и, дохнув на него перегаром скверной корейской сули, сказал вполголоса, таинственно:

— Брось ты всю свою хверму к чертовой матери. Идем с нами. Озолотим. Как перед истинным! Только за твою добродетель говорю. Кроме него да тебя никому не говорил. Только трое и знаем.

— Эх! Как волка не корми, все в лес глядит!—Махнул рукой Павел Максимович.

— Да ты слухай! Самородки—во какие. Веришь—двадцать лет вокруг золота хожу. Всю Зею, всю Бурею насквозь прошел... Помнишь тогда, около Радде, в дальней тайге какой ключ нашел? А на Зее что сделал?

— Ну!

— Так—дермо все это!—Вахромей даже побледнел.—К осени миллионы нагребем! Едем, Пал Максимыч, брось ты эту свою хверму! Ей богу.

— Так поэтому Устин и работу бросил на половине?

— Кака теперь работа? Ты рупь плотишь, а там в день—тыщи!..

— Да вы что же, сейчас и идете?

— В ночь! Я нарочно за Устином зашел.

— Гм!

Мужики помялись.

— Пал Максимыч,—начал опять Вахромей,—ты, вот чего:—входи в пай.

— В какой пай?
— Ну, одно слово—пай... Мы ночью уйдем, а ты апосля приезжай, а нам, значит, провианту отпусти.
— А отдадите?
— Да нешто первый раз? Нешто мы кто!..
— Ну, что с вами сделаешь, идите к Парфенычу, он вам даст. Только к осени чтобы расчет.
— Уж будь покоен... А то айда с нами! Уж больно человек-то ты душевный.
— А ферму на кого оставляю?
— Это правильно. Ну, прощевай пока.

С фермы старатели отправились на свой ключ ночью:

— Чтоб не подглядел лихой человек. Взятые с фермы припасы и кое-какой инструмент они навьючили частью на Устинова мерина, частью на себя.

Опять-таки из боязни «глаза», Вахромей сразу свернул с дороги на какую-то едва заметную тропинку,

пробегающую по дну пади ¹⁾, затем они взобрались на лесистую сопку ²⁾, перебрались уже целиком, без всякого следа, еще через несколько падей и сопок и, наконец, забрались в такую глушь, что дорогу пришлось прочищать топорами. Часам к десяти утра они выбрались на берег небольшой речушки, струившейся по камням по дну заросшей густым лесом глубокой пади.

— Вот она, матушка, Кетатка-то и есть!—довольным тоном сказал Вахромей.

— Лошаденку развьючили, стреножили, поклажу сложили в наскоро сооруженный шалаш. Закусив всухомятку, мужики завалились спать.

Медведь облапил китайца и бросился на Вахромей.

Вечером, когда солнце уже скрылось за отроги Тукурингры, они проснулись. Вахромей нашел лошадь, осмотрел немудрый дробовичек, за-

¹⁾ Узкая долина между гор.

²⁾ Дальневосточное название горы.

рядил его. Затем они развели костер и сварили кашу с салом.

— Стой,—удержал Вахромей Устина, когда тот поднес ложку ко рту, порылся в пожитках и вытащил бутылку ханшина. Налив в чайную чашку, он сперва выпил сам, а затем поднес Устину.

— Заговляйся, паря! А там—какюк до конца работы.

Устин крикнул, выпил, опять крикнул, взял из ложки с кашей кусок сала и закусил.

Вахромей поглядел в бутылку и, несмотря на то, что там было еще немного на дне, отбросил бутылку далеко в кусты богульника.

— Какюк, паря!—не то печально, не то насмешливо проговорил он,—потому такой закон, чтоб старатели не пили на кринсках...

И молча полез в шалаш.

Устин улегся у костра.

Вахромей не соврал. Ключ, действительно, оказался редкостный. Первая же яма сразу под торфом ¹⁾ дала несколько самородков.

— Гляди-кось! Как тараканы насыпаны!—восхищался Устин.

К обеду, когда попробовали на лотке промывать песок, то результат ошеломил даже Вахромея.

— Ну-ну!—покрутил он только головой.—Надо бисприменно артель набирать.

Пока решили заняться самородками, которых особенно много оказалось между камней по дну Кетатки.

— Запастись пока до артели! — поучал Вахромей неопытного Устина.

Между тем начали строить избу, а то ночью около шалаша стал появляться медведь.

Через неделю Вахромей уехал на Пристань ²⁾ за народом. Устин остался караулить прииск, помаленьку промышляя золотишко.

II.

— Устин!.. О-го-го-го-о!..

— Суды, ребятки, суды!..

— Да где ты, дьявол корявый?!

Вахромей, возглавлявший небольшой отряд набранных им рабочих-китайцев, с изумлением остановился перед избушкой своего прииска. Устин не показывался и только откуда-то издали глухо подавал голос, как будто сверху.

— Да тутю я! На крыше!—Наконец объяснил Устин, высовывая голову из-за трубы.—Пужните его анафему. Он в избе с сыном сидит!

— Да кто?

— Кто? Ведмедь!

Бывалый Вахромей сразу смекнул в чем дело. Отведя трех груженных лошадей в сторону под прикрытием двух китайцев, он остальных рабочих расставил около окон, а сам с одним китайцем, вооруженным ружьем, стал против двери. По сделанному им знаку, китайцы у окон одновременно завывли дикими, пронзительными голосами, ударяя палками в стены избушки. В избе что-то зашуршало и через минуту в дверь с ревом выскочил средней величины камчатский медведь, весь осыпанный чем-то белым. Грянули два выстрела; Мишка взревел еще громче; повидимому, пули царапнули его. Став на задние лапы, свирепо раскрыв красную пасть, он ринулся на приискателей. В одно мгновение он облапил китайца, прижал его к груди так, что у того затрещали кости и, с диким ревом, ринулся на Вахромея, отбежавшего в сторону и поспешно зарядившего дрожащими руками свое ружьишко. Но заряджать было некогда. Отбросив в сторону ружье, Вахромей вытащил из-за голенища широкий китайский нож и смело двинулся на зверя. Китайцы тоже ринулись на помощь своему соотечественнику. Но медведь, беспрестанно поворачиваясь и, как бы защищаясь еле живым китайцем, находящимся у него в объятиях, медленно отступал в чашу.

— Стой, стой, не стреляй!—кричал Вахромей китайцам,—человека убьешь.

Точно повинмая это, зверь, защищаясь плотным китайцем, добрался до зарослей, сразу опустился на передние ноги, бросил китайца и с невероятным проворством скрылся в чаще.

¹⁾ Верхняя часть почвы.

²⁾ г. Зей—Пристань.

К удивлению старателей, китаец оказался мало помятым. Охая и причитая, он поднялся с земли и, ошупывая себя со всех сторон, направился к избушке.

— Ах, язвы его в пим, промазали! — выругался Вахромей и, взглянув на сидящего на крыше Устина, крикнул ему:

— Ну, слазь!

— Еще один есть! — отвечал тот.

Вахромей осторожно заглянул в дверь, но в избе как будто было пусто.

— Нету! — Слазь! — успокаивающе крикнул он Устину. Но тот вдруг испустил пронзительный вопль и кубарем скатился с крыши прямо на группу китайцев. А на его месте оказалась косматая голова небольшого медведя — муравейника. Не обращая внимания на свалившегося товарища, Вахромей и китайцы открыли по зверю стрельбу. Тот дико ревел, мотая головой, но от трубы не отходил. Наконец, меткая пуля Вахромея угодила Мишке в голову и он скатился вниз.

Устин сидел на земле, охая и ругаясь на чем свет стоит.

— Третий день на крыше от них, сволочей, сижу — жаловался он.

— Да как они к тебе забрались-то? — спросил Вахромей.

— Как! А пес их знает! Спал я... Кээк кто-то в дверь саданет!..

Вскочил я спросонок, а он, стервь, в дверях стоит и на меня смотрит. Кэк я сигану с постели, да по лестнице на потолок. А он давай по избе шарить. Сlopал кашу, раздавил все горшки, а потом подошел к лестнице, сел на задницу и уставился в люк. Ну, думаю, — сейчас полезет. А сам знаешь, у люка крышки то нет. Я сейчас живым манером выломал тесину, да на крышу. А тесину в руках держу, как морду сунет — сейчас его по голове. Убить не убью, а все испугаю. Досидел до вечера, слез опять на потолок, вижу, а он опрокинул мешок с мукой, влез в муку и лежит, а у стола еще один идол спит. Ну и страху я натерпелся, братцы мои!..

С убитого медвеженка содралишкуру и розняли тушу.

— Малость суховат, ну, да ничего, съедем.

Вахромей привел с собой 7 китайцев. В два дня они соорудили себе небольшую фанзу и приступили к добыче золота. Все золото сдавалось «в контору», т. е. Вахромею, точно учитывалось, половина добычи оставалась «хозяевам», остальная подлежала выдаче китайцам в конце лета.

Опытные в добыче золота китайцы были поражены богатством ключа. Ни о каких предварительных работах и речи не было. Сделали только небольшую заправку. Работали с рассвета до темноты с небольшими перерывами на еду. Все отощали, похудели, но энергии не убавлялось. Золото захватило старателей.

— Вот оно счастье-то, Устин, — говаривал Вахромей — сбудем золото и сейчас заявку, как следует. И будем мы с тобой золотопромышленное товарищество «Вахромей, Бубенцов и Устин Силин».

— Ловко! — восхищался Устин. — Подходяще выходит, едрена палка!..

Но, на ряду с радужными мечтами, Вахромей зорко следил и за жизнью прииска. Старый приискатель что-то чуял в воздухе.

Однажды, в субботу вечером, он куда-то исчез и вернулся только в воскресенье поздно ночью. Разбудив Устина, он сунул ему из-под полы револьвер и коробку патронов.

— Так при себе и держи. Никак не расставайся. А когда уходишь из конторы, ружья каждый раз в новое место прячь, да и запирай как следует... У Пал Максими́ча два левольвера достал... Ну и человек! Одно слово — душа! И с горным исправником обещал поговорить, чтобы долго не водил на счет заявки... Я уж для них, иродов, отобрал самородочки по-лучше. Пусть подавятся... А с китайцами держись сторожко, — продолжал он шептать.

— Ай, чего слышал?

— Чего слышал! Сам должен понимать... золота гуча — не может быть, чтобы ихняя хунхузия не пронюхала. Вот как подработаем, как следует, они и нагрянут. Это тебе, паря, не вед-

медь, от хунхуза на крышу не залезешь... Ну, опять же и спиртоносы должны явиться... Такая кража пойдет,—опася бог!..

III.

Опасения Вахромей, повидимому, пмели основания.

Однажды, он заметил, что китайцы вышли на работу значительно позже обыкновенного и начали работать как-то вяло. Приглядевшись к ним, Вахромей отозвал их «старшинку» в сторону и спросил его тихо:

— Почему твоя плохо глядит? Почему вчера китайска люди хозуйла (пьяны) были?! А?!..

Старшина смущенно забегал глазами.

— Моя ничего не знай!—забормотал он. Моя тун-тун гляди и ничего не видал.

— А твоя контрами ¹⁾ хочет? — грозно прошипел Вахромей, вытаскивая револьвер.—Сейчас мозги наружу выпущу!—перешел он с сломаного русско-китайского жаргона, на котором обыкновенно говорят с китайцами на Дальнем Востоке, на чисто-русскую речь—хочешь?!—повторил он.

— Ваша бери лузье, бери кармана, а моя говори... Тун-тун говори, все говори!..—забормотал перепуганный старшинка, пятясь от освирепевшего мужика.

— Ну?!.

— Твоя ходи, а моя вечером приходи и все говори... Сейчас нельзя, ходи (товарищи) гляди... Моя контрами будет.

— Ну, смотри, Ван-Кин-Кун, я вечером буду ждать.

Китаец закивал головой и отошел.

— Видал?—ворчал Вахромей вечером после приемки от китайцев золота—сегодня еще меньше намыли, стерведы, и ни одного самородка!

— Бисприменно спиртонос объяснил, —ответил Устин.—Все перета-скают подлецы!

В избу боязливо вошел старшинка.

— Ну?—встретил его Вахромей.

— Все китайска люди ушли, только два остались—сообщил он.

— К спиртоносу?

— Да! Он тут—мало-мало в лес ходи.

— Ага! Ну веди!

Они осторожно отворили дверь «конторы» и вышли наружу. Ночь уже спустилась. Луна еще не взошла. Все благоприятствовало экспедиции.

— Держи!—сунул Вахромей китайцу дробовик.—Умеешь?

— Мало-мало!

Они осторожно подкрались к фанзе, где жили китайцы. Вахромей нашел отверстие в бумаге, заменявшей стекло в окне хижины, и заглянул внутрь фанзы. При слабом свете мерцающего ночника он увидел силуэты людей, лежащих на канах ¹⁾.

— Никак все вернулись?—прошептал старатель.

— Хи-хи!—засмеялся беззвучно китаец. — Твоя плохо гляди. Тут машинка ю ²⁾. Люди мию, а курма ³⁾ ю ⁴⁾!

— Ах, язви их в горло! А ведь и верно! Они вместо себя чучел наложили!—обозлился Вахромей.

— Ну погоди, сволочи! Веди!

Они поползли за китайцами дальше. Обогнули фанзу и углубились в чашу, осторожно раздвигая кустарник. Так ползи они с полчаса. Ван-Кин-Кун иногда останавливался, прислушивался и снова полз, прося жестами своих спутников соблюдать тишину.

— Ваша смотри!—шепнул наконец китаец, вытягивая голову.

Старатели слегка приподнялись и осторожно раздвинули ветки. Впереди под ними был глубокий овраг. На дне его, между кустов, горел небольшой костерок; вокруг которого сидели китайцы. Все они были полураздеты и огонь отражался светлыми пятнами на их обнаженных телах.

— Наши—прошептал Устин.

— Тс-с! —ответил Вахромей—слушай!

¹⁾ Кан—широкие нары по стенам фанзы, заменяющие лавки и столы. Под канами проходит дымоход от печи, благодаря чему каналы обогреваются. Обычно китайцы спят на канах голые.

²⁾ Мошенничество есть.

³⁾ Курма—китайская одежда, вроде куртки У богатых китайцев курма бывает длинная вроде подрясника.

⁴⁾ Ю—есть; мию—нет.

¹⁾ Быть убитым.

Повидимому, китайцы чувствовали себя в безопасности. Они громко смеялись, шутили и даже пели песни. По рукам у них то и дело ходило блюдечко, из которого китайцы обычно едят. Теперь оно заменяло чашу для вина. То и дело китайцы кричали:

— Хо ¹⁾!

— Камбе ²⁾!

Один, окончательно подгулявший, затянул тоненьким голоском, как обыкновенно поют китайцы:

— Солнце юла и миюда
Чего фанла пу-шанго
Карауда юла-юла
Мию фангули в окно.

Песня эта есть не что иное, как переложение на русско-китайский диалект известной песни Горького «Солнце всходит и заходит». В описываемое время она только что появилась среди китайцев Дальнего Востока. Поэтому слушатели пришли в бурный восторг и, поднимая в знак одобрения большой палец руки вверх, кричали:

— Хо!

— Шанго!

— Шибакко шанго!

— Вот я вам покажу «шанго»! — прошипел Вахромей, ища глазами главного виновника торжества — спиртоноса.

— Сколько их? — спросил он Ван-Кви-Куна.

— Лянга ³⁾.

— Ага! Вот они, соколики, приютились под деревцом! Устин, бери на мушку, который поменьше, а я — в длинного!

Вахромей приложился и грянул выстрел, вслед за которым последовал и другой.

Полянка огласилась дикими криками.

— Ого-го-го! — закричали нападающие, стреляя из револьверов уже не целясь.

Спиртоносы — стреляные птицы — моментально кинулись в кусты, вскинув на плечи котомки со спиртом. Китайцы — прискаатели бросились врассыпную.

¹⁾ Хо — хорошо.

²⁾ Камбе соответствует русскому «будьте здоровы», произносится, когда пьют; буквально означает: до дна.

³⁾ Двое.

— Держи! Держи их чертей! — ревел Вахромей, стреляя в убегающих из револьвера. — Крой их, так их, раз-зак!¹⁾.

В минуту полянка опустела. Только у кустов раздавался приглушенный стон.

— Ага! — услышал Устин, — никак кого-то чиркнули.

— Мала-мала есть, — ответил старшинка, вытаскивая из кустов одного из спиртоносов. При свете костра прискаатели увидели, что низ его курмы был залит кровью.

— В живот! — решил Вахромей. — Не долго проживет, сволочь! Он сорвал с него куртку и ошупал тело. С боков у спиртоноса было подвязано по жестяной банке со спиртом. Банки были специально для этого приспособлены. Они были выгнутые и как раз приходились вокруг талии. Вахромей отцепил их и потряс ими около уха.

— Эх! Полные! — с сожалением прошептал он. Вскрыл одну и с неописуемым блаженством понюхал.

— А-а! Ну, что твой ладиколон! Однова дыхнуть! У! Сволочь! — пнул он ногой раненого. — Только людей в расстройство приводите! Черепаха ¹⁾!

Раненый слабо застонал. Вахромей глубоко вздохнул и начал лить из банки спирт на спиртоноса. Опорожив первую банку, он то же самое проделал и со второй, предварительно перевернув китайца на другой бок.

— Вот так! — с удовлетворением сказал он, закончив эту странную операцию. — Ну-ка, тащите, ребята, сухого валежника! Вали все на костер!

Через несколько минут почти потухший костер ярко запылал.

— Ну, господи благослови! — продолжал командовать Вахромей. — В огонь его, мошенника!

Устин и старшинка схватили несчастного спиртоноса, один за ноги, другой за голову и, слегка раскачав, бросили в самую середину ярко пылающего костра.

Дикий, нечеловеческий крик, от которого у Устина по спине пробе-

¹⁾ Самое оскорбительное название для китайца.

жал холод, а старшинка присел на землю,—огласил глухую тайгу и, казалось, пронизал насквозь ночную мглу.

— Вали наверх еще валежник!— почти спокойно приказал Вахромей.— Теперь уж со спиртом не явится. Да

Сам знал, куда шел, не маленький! Уж в тайге завсегда так, или в землю живьем закопают, или еще что. А этому стервецу все равно помирать надо было, потому, ежели в пузо ранить тебя,—ни в жисть не выходишься. Одно слово—кишки! Я помню, когда мы с Акатуя ¹⁾ утекали, одного из наших защепило в живот... Беда... кричит, стонет, а кругом—солдаты. Так и пришлось кандалами голову разбить.

Устин крякнул, как будто у него перехватило горло.

— Ну, господи благослови,— продолжал командовать Вахромей.

— В огонь его, мошенника!

и его товарищ поопасется! Тут, ведь, где-нибудь стервь притаился! Айдайте домой!

IV.

Потянулись однообразные дни. Все чувствовали себя придавленными. Китайцы шушукались и гочью боялись выходить из фанзы. Устин тревожно спал и часто просыпался. Ему все чудился предсмертный крик сожженного спиртоноса.

Спокоен был только Вахромей.

— Жидок ты, паря,—говорил он Устину.— Чего их, дерьма, жалеть!

— Всяко бывало — продолжал Вахромей. Потому такая страна... Опять же золото...

Вокруг него бисприменно кровь.. Либо ты, либо тебя... Вот, как еще домой вернемся... Бывало в Забайкальи, как с приисков народ потянется, сейчас ребята в тайгу—белковать!

— Это как же?

¹⁾ Катормжная тюрьма в Забайкальи.

— А так! Знают, по каким тропам старатели пойдут, ну и выберут местечко поглуже. Идет старатель, золотишко несет, вдруг—бац! Свинчатка в лоб и каюк! Ваших нет! Ну, опять же смотри, чтоб и тебя не подстрелили. Потому всякий народ есть. Иному подледу все ни по чем! Сволочи — одно слово! — сплюнул он с презрением.—И тут ничего. Лонись¹⁾ один сказывал не то по Суйфуну, не то по Тумень-Улу шибко хорошие ключи открылись. Ну, конечно, корейцы туда поналезли. Сам понимаешь, народ они шустрый... Вот и нашлись, братец ты мой, ловкачи и давай белых лебедей стрелять. Потому он, кореец то, во всем белом... рукава—как крылья... Потеха! Ни одного золотника корейцам не досталось. Всяко бывало!.. Золото—оно хитрое. Перво-наперво его найти трудно, второе—донести надо, а там сдал, деньги получил, оглянулся и — нету ваших!.. Увидишь, как в Благовещенск попадем. Иной больше месяца ну, прямо, как свинья, пьяный! Бес-просьпу! А пьют-то што? Господи! Ну, просто чего душа хочет! Всякий тебе с почетом: — Вахромей Данилыч, пожалуйте! Вахромей Данилыч, милости просим! А ты: — ни здравствуй, ни прощай, и всех матом почем зря! Сулю какую-нибудь или ханшин и на дух не надо! А сейчас позвольте мне антипаса²⁾ или шинпанского, а на закуску не кету какую-нибудь, а бифштек, аль мармелад какой... Как в романе!..

Приятные воспоминания Вахромея были прерваны визитом старшинки.

— Ну?

— Плохо! Шибакo плохо!

— Чего еще?

— Хунхуза-ю!—прошептал китаец, пригибаясь к уху Вахромея.

— Болтай!

— Ваша только молчи! Никому не говори, а то китайска люди уведут и вам контрами.

— Гм! Это как есть. Тут надо политично...

¹⁾ В прошлом году.

²⁾ Водка завода Антипаса в Харбине считается лучшей на Дальнем Востоке.

— Сегодня ночью был у нас хунхуз...

— Пронюхали...

— Хунхуза все знай... А тут жареный спиртоноса увидали. Хунхуза все понимамай.

— Это верно. По спиртоносу и догадались. Надо было зарыть его, стервеца.

— Хунхуза все знай! Не надо зарыть! Хунхуза все знай! — твердил китаец.

— Много их?

— У! Шибакo много! Шибакo!

— У вас все много! — задумчиво проговорил Вахромей. — Да они малыми шайками и не ходят.

Старый бродяга задумался.

— А где их стан?

— Моя не пойду! Моя бойся!..

— Да ты скажи где, я и один схожу, коли надо!..

Под вечер того же дня Вахромей отобрал несколько, наиболее крупных самородков, бережно завернул их в тряпицу и сунул за пазуху.

— Пойду!—сосредоточенно сказал он Устину.—Коли к утру не вернусь и ничего не случится, забирай что сможешь и сматывайся на хверму. Если по пути не переймут... Только бисприменно в окружении мы с тобой. Ван-Кин-Кунка не врет: скрозь землю эта хунхузия видит и ничего ты от них не скроешь. Тут уж надо с ними на совесть действовать. Ну, да не впервой!.. До увиданьица!

— Ни пуха тебе, ни пера! — севе-верно произнес Устин.

Хунхузы расположились верстах в четырех от прииска, в самой глуши тайги. В чаще было мертвенно тихо. Громадные деревья загораживали небо и под их сплошными ветвями царил жуткий полумрак. Вахромей спустился в глубокий овраг, где мрак был еще гуще. На противоположном берегу оврага виднелись шалаши. Это и был лагерь хунхузов. Их было, действительно, много. Одни бродили вокруг шалашей, другие лежали на траве, одним словом—виднелись всюду. Немного в стороне паслись стреноженные маленькие, лохматые и злые ки-

— Ваша бери! — любезно предложил самородки Вахромей.

тайские лошадки, позванивая бубенчиками, привязанными к шее.

— Однако, народу - то поболее сотни—прикинул Вахромей.

Он приободрился и смело направился к наиболее поместительному шалашу. У входа в шалаш донельзя грязный китаец готовил на костре какую-то сведь, издававшую резкий запах черемши и еще чего-то. От времени до времени он снимал грязным пальцем с края котла, в котором она шипела и жарилась, пенку, подносил ко рту, пробовал и с неодобрительной миной стряхивал остатки обратно в котел. Здесь же, рядом с костром, на грязной дыновке красовались бутылки и кувшины с сулей и ханшином, микроскопические фаянсовые чашки, наполненные каким-то кушаньем, лежали груды лепешек из риса, заменяющие у китайцев хлеб.

Вахромей молча подсел к костру. Повар искоса посмотрел на него, но ничего не сказал. Минут через десять, когда, по мнению повара, кушанье было готово, он повернул голову в сторону шалаша и что то крикнул по-китайски. В дверях показалась тучная фигура китайца в длинной курме, перетянутой широким шелковым ку-

шаком, за которым торчал револьвер и широкий нож. Не торопясь, он сел на дыновку, придвинул к себе кувшин с ханшином и вопросительно взглянул на гостя. Взгляд был быстрый, но китаец успел разглядеть пришельца до мельчайших подробностей.

— Ваша что хочет? — довольно чисто по русски произнес он.

Вахромей изобразил на лице улыбку.

— Моя слыхала, что ваши воины идут. Шибакo хорошие воины. Хо!

— Хо!—отозвался китаец.

— Моя догадался, что большой начальник их ведет. Шанго начальник!

— Шанго! опять повторил китаец.

— Моя начальника любит. Моя хочет дарить начальника мала-мала.

Китаец издал неопределенный звук и слегка придвинулся к Вахромею.

— Что твоя принесла? — быстро спросил он.

Вахромей развернул тряпку. Глаза разбойника загорелись жадностью.

— А! шибакo шанго!—перебирал он действительно редкие самородки.— Шибакo шанго!

— Шибакo шанго!—повторили собравшиеся вокруг хунхузы.

— Ваша бери,—любезно предложил приискатель.

— Напа бери — спокойно сказал предводитель, пряча золото.

— Твоя—хороша люди. Моя—хороша люди—добавил он.—Кушай твоя! Пей твоя! А завтра моя к тебе ходить будет.

Вахромей не заставил себя ждать. Сильно не доверяя искусству повара, он приналег на сулю и хавшин.

Китайцы хлопали его по плечу и пододвигали к нему новые кувшины и бутылки.

— Твоя хазуйла ю ¹⁾? — спрашивал атаман.

— Моя хазуйла мию! — гордо отвечал бродяга.

Скоро вся компания перепилась. Хунхузы, более трезвые, начали играть в кости, а окончательно спившиеся — заснули. Вахромей счел, что ему пора уходить. Атаман, пивший не меньше своего гостя, взглянул на него на прощанье совершенно трезвыми глазами и спокойно произнес:

— Моя завтра будет у тебя!

— Приходи, друг, приходи! — отвечал Вахромей и, отойдя несколько шагов, затыкнул во все горло:

— По диким степям Забайкалья,

Где золото роют в горах,

Бродяга, судьбу проклиная,

Таялся с сумой на плечах.

На следующий день, едва старатели успели продрать глаза, как на прииск явилась небольшая группа хунхузов. В их визите ничего похожего на набег разбойников не было. Они прямо прошли в «Контору», где их встретили Вахромей и Устин. Один из хунхузов вытащил из-за пазухи китайские счета и, взяв записную книжку, куда записывался дневной намыв золота, начал бойко щелкать костяжками. Другой с точностью и ловкостью аптекаря приступил к взвешиванию на весах наличного золота.

— Ай-ай-ай! — по временам говорили они поочередно. — Шибакo хорошая прииска, шибакo хорошая!..

Старшинка и один из рабочих китайцев были привлечены в качестве понятых.

К завтраку уже все было кончено: хунхузы ушли, забрав с собою ровно половину добытого золота. Ни на один золотник больше. Никого не обидели: половину взяли из доли рабочих, половину — из доли Вахромей и Устина.

Точно поделили самородки, учитывая при этом их размеры. Даже квитанции выдали.

— Чтобы другие хунхузы не напали, — пояснили разбойники.

После их ухода Устин впал в тоску и отчаяние.

— Работали, так их раззад — жаловался он. — Для них мы старались!

— Твоя молчи — утешал его старшинка. — Все хорошо. Никого контрами не делали. Капитана — большая голова, тун-тун думай — почтительно похлопал он Вахромей по плечу.

— Не печалься, Устин, — поддержал китайца и Вахромей. — И на нашу долю оставили... Что греха таить, не обидели... На то и золото. Вокруг него завсегда так.. Всякий наривит сорвать... А эти еще по-божедки... Ишь, вон указали даже кому золото слать в Сахаляне ¹⁾... Уж будь покоен, теперь не обманут и не обвешат.

V.

Однако, как ни верил Вахромей в честность хунхузов, работы он решил прекратить пораньше.

— Береженого бог бережет. А вдруг они еще раз ревизора пошлют. Нет, уже пораньше убраться — куда лучше!

И как только первые ночники тронули листву и окрасили ее в различные краски, прииск начал свертываться. Накануне окончательной ликвидации, Вахромей съездил на ферму и вернулся с небольшим кулком.

Произведя расчет с китайцами и простившись с ними, русские остались вдвоем на опустевшем приiske.

— Вот мы и при капиталах, Устин Наумыч, — довольно произнес Вахромей — теперь делай што хошь. Хошь хозяйство заведи, хошь — мамзелей, а хошь, так, воопче... Ты как?

Устин помялся.

— А и страу я с тобой, Данилыч, натерпелся... Всю жизнь буду помнить! И от зверя, и от человека! Господи Боже мой! Много наше-то крестьянское дело спокойней.

— Это правильно — презрительно проделал Вахромей — ковыряй землю,

¹⁾ Город на Китайском берегу Амура против Благовещенска.

¹⁾ Ты пьян.

да с бабой на палатах забавляйся,— куда спокойней. Как говорится, у кого какая синпатия. Однако оно, золото-то, брат, тоже так не отгушивает... А там увидим—загадочно добавил он.

Помолчал, сделался сразу серьезен и сказал:

— Ну, пойдем и матушку Кетать-реку поблагодарим.

Он вынес из избы привезенный с фермы кулек и направился с ним к реке. Устин последовал за ним. Подойдя к одному из омуточков, которыми изобилowała «Кетатка», Вахромей положил свой кулек и начал его развязывать. Там оказались голова сахара и два фунта чаю. Устин, не понимая, с любопытством наблюдал.

А Вахромей снял шапку, бросил ее наземь и, поклонившись реке в пояс, громко произнес:

— Ну, спасибо тебе, Кетать-река! Дала ты нам и золотишка, и от злого зверя и человека уберегла. Не оставь нас и наперед! Прими и нашу благодарность!

Он быстро развернул сахар и бросил его на середину омутка. Потом медленно высыпал в реку и оба фунта чая.

— Не прогневайся наперед, Кетать-река!—добавил он.

Со строгим и суровым лицом, молча вернулся он к избушке и начал заколачивать досками окна и дверь. Удивленный Устин не решился о чем либо спросить и молча помогал ему.

VI.

Вахромей отворил дверь и вошел в номер.

— Пал Максимычу! — протянул он руку агроному.

— А! Вахромей! И ты вернулся—приветствовал бродягу заведующий фермой.—Покончил?

Его степенству подали кресло из конторы. — Пичего! Мы народ простой, -- млея Вахромей.

— На сей год довольно, Пал Максимыч—самодовольно ответил Вахромей—что на весну будет, а теперь—и отдохнуть пора.

— Опять весь Благовещенск вверх ногами ставить будешь?

— Уж это как полагается. Одначе пообождать придется. Нашего брата-старателя—еще мало. Рано! Вот через недельку—другую соберутся, тогда уж держись!

За чаем Вахромей сказал:

— А пока что по благородному хочу. Хорошо, что вы приехали. Уж вы меня, Пал Максимыч, раскультурьте, как полагается.

— Это как же?—не понял агроном.

— Ну, одним словом, в тياتры там сводите, ише што...

— А! Это можно. Вот как раз сегодня вечером собираюсь.

— Очень уж отлично. А я пока в порядок себя приведу.

Через час Вахромей был уже у Чурина ¹⁾.

— На портяночки бы мне товарцу,—с деланной скромностью попросил он.

— А это на базар вам надо, землячек,—небрежно бросил молодой приказчик.—У нас такого товара нет.

— А вон, кубыть, штучка-то подходящая — ткнул Вахромей пальцем на полку.

— Попал пальцем в небо!—фыркнул приказчик. — Это шелк называется!

— А дозвоьте глянуть.

— И глядеть нечего!

Но стоявший неподалеку пожилой приказчик, краем уха прислушивавшийся к разговору, вдруг схватил с полки кусок шелку и, отстранив молодого, строго сказал ему:

— Молод еще, с покупателем обхождения не знаешь! Нужно разбирать, кому товар отпускаешь!

И, заискивающе улыбаясь Вахромею, добавил:

— Пожалуйте, ваше степенство! Товарец не дурной, но едва ли взглянется вам: не первосортный... Можем и лучше подобрать!

— То-то! — самодовольно произнес Вахромей.

— Мальчик, стул господину прискателю,—юлил опытный продавец, сразу раскусивший покупателя.

Прилавок покрылся штукаами разнообразных шелков.

— Почему? — небрежно спрашивал Вахромей.

— Семь с полтиной-с.

— А дороже есть?

— Вот кусочек московской работы, на двенадцать рубликов будет, специально для хорошего покупателя держим, — вытащил продавец из под груды товара. Правда, полчаса тому назад он цену этого куса назвал в семь рублей, но Вахромей, засыпанный материей, словами, смущенный непривычной обстановкой и занятый тем, чтобы не обнаружилось его смущение, не заметил этого.

— Подороже нет?

— Дороже не бывает-с! — посоветился, наконец, приказчик.

— Ну, ладно! Заверни!

— Сколько-с прикажете? — подсунулся опять молодой приказчик.

— Чего сколько?! Сказал, заверни всю штуку!

— На костюмчик не прикажете ли, ваше степенство?

— Костюмчик? Ничего... покажи-ка!

— Вот-с! Бархат первый сорт!

— Дерьмо! — обнаглел вконец Вахромей. — Показывай, что нинаесть лутчий. Знаешь, кто покупает?

А по магазину уже пошел шепот:

— Из тайги прискатели вышли!

— С богатого ключа должно быть!

Управляющий, занимавшийся с какою-то дамочкой, передал ее подручному, а сам придвинулся к Вахромею, зорко поглядывая за продавцами, которые его обслуживали.

— Ты что же это, Иваныч, — строго сказал он пожилому приказчику, рассыпавшемуся мелким бесом перед Вахромеем, — нешто так с хорошими покупателями обходятся? Мальчик, подайте его степенству кресло из конторы.

— Ничего! Мы народ простой! — млея Вахромей.

— А насчет бархату, — не рекомендуя — интимно продолжал управляю-

¹⁾ Крупная торговля по всему Д. Востоку.

Вахромей торжественно шествовал из магазина.

щий. — Не для вас. Для вас лучше выберем. Ей, ребята, ну-ка разбейте новую кипу для его степенства. На первый сорт товарец, а всего на троак дороже этого.

— За деньгами не постоим!

Через час Вахромей выходил от Чурина. Впереди два мальчишки несли покупки. На Вахромее был новый бархатный пиджак, широчайшие плюсовые шаровары, запряжанные в высокие охотничьи сапоги, голубая канусовая рубашка, подпоясанная шелковым поясом с кистями. Ноги были обмотаны шелковыми портянками.

Провожал его весь штат магазина во главе с управляющим.

— А портного, не извольте беспокоиться — через час пришем самолучшего — говорил он, нагибаясь.

К подъезду подкатил лихач.

Вечером Пал Максимыч и Вахромей были в театре. Сидели, по настоянию Вахромея, в первом ряду. В антракте пошли в буфет.

Проталкиваясь сквозь толпу, Вахромей вдруг на секунду приостановился и, сделав какой-то неуловимый жест рукой, торжественно воскликнул:

— Не чисто берешь! Учиться еще надо!

В руке он сжимал руку какого-то подзрительного вида парня. Парень извивался, как уж, и глухо стонал.

— В карман залез, стервец, — пояснил Вахромей столпившимся вокруг него. — Да еще молод. Вперед поучиться надо. Нешто так в карман лазают? — учительным тоном обратился он к вору, — эх ты, мелочь! И Вахромей оттолкнул его от себя, чуть-чуть надавив ему кисть и слегка повернув ее в своей руке. Вор дико вскрикнул.

— Чего кричишь, дурашқа, ведь не бьют тебя! Иди себе.

Воришка с воем выскочил из театра с вывихнутой рукой.

— Недель шесть за это ремесло не возьмется, — самодовольно сказал Вахромей.

Лицо его выражало неизмерное превосходство над карманником. Вряд ли во взгляде знаменитого профессора бывает больше презрения при виде провалившегося ученика.

Во втором действии, в самом трогательном месте, когда на сцене объявлялись в любви, на галерке вдруг запиликала гармошка.

— Ей богу, наши! — воскликнул Вахромей и тотчас покинул зрительный зал.

Когда публика по окончании спектакля стала выходить из театра, многочисленные извозчики отказывались брать пассажиров.

— Занят! — отвечали они спокойно.

— Что за чорт? Неужели заняты все? — изумлялась публика.

— Все до одного.

— Как так?

— Бубенцов всех законтрактовал.

— Какой Бубенцов?

— Что за Бубенцов?

— Вона! Не знаете. Приискатель, Вахромей Данилыч Бубенцов.

— Фу, чорт! — выругался агроном, направляясь к себе в гостиницу пешком. По дороге ему загородил какой-то подозрительный субъект:

— Господин Песцов будете?

— Ну? — сердито буркнул агроном.

— Вахромей Данилычем лучший рысак вам предоставлен. Пжалте-с! Сергея! Подавай проворней!

— А ты кто такой? — поинтересовался Пал Максимыч.

— А мы так, при них состоим.

— При Бубенцово?

— Вот именно с... Завсегда при приискателях. Потому, сами понимаете... Раз в год ведь бывает...

И, услышав у подъезда пликанье гармошки, субъект очумело кинулся к приискателям.

Вахромей, вдребезги пьяный, обняв не менее пьяного обладателя гармошки, усаживался на лихача.

— Айда! — кричал он, — чтобы все извозчики за мной ехали в два ряда. Всем плачу, туды вас растуды! А ко-

торые — остальные, — пушай, пешком иду!.. Ух! Милаб! Наяривай!..

Гармошка яростно запликала, процессия порожних извозчиков, возглаваемая Вахромеем, торжественно двинулась под брань расходящейся публики и свистки и радостные крики мальчишек.

А Вахромей орал хриплым голосом:

Моя милка маленька.

Чуть побольше валенка,

В лапти обуется —

Как пузырь раздуется!

VII.

Месяца через полтора Вахромей, оборванный, опухший, в лаптях, стоял в конторе фермы. Пал Максимыч смотрел на него с укоризной и уличал его во всех прегрешениях.

— И не говори! — сумрачно бубнил Вахромей. — Одна пакость! До того вить дошел, что одеженку всю спустил, весь струмент пропихл... Ну, прямо с голыми руками остался... Уж ты того... Дай какую ни на есть работенку до весны... А там...

— А там опять сначала?

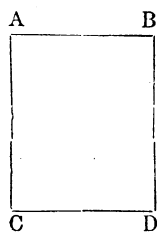
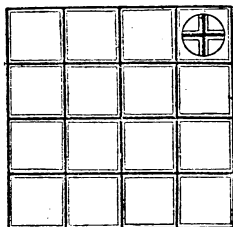
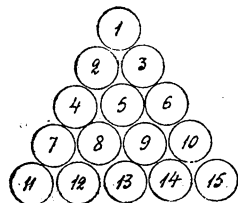
— Как придется. Ежели судержусь, сделаю заявку, ну, и золотопромышленник Бубенцов и компания!

Песцов безнадежно махнул рукой, а будущий золотопромышленник поплелся на кухню.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

Задача № 61.

На рис. 1-м изображена пирамида из бильярдных шаров (1—15). Попробуйте шары эти сложить в бильярдный ящик (рис. 2-й), но с таким расчетом, чтобы сумма очков в каждом из горизонтальных (4), вертикальных (4) и диагональных (2) рядов его равнялась одному и тому же числу, — какому именно?.. (См. стр. 80).

Задача № 62.

Геометрическая задача. Данный прямоугольник ABCD попробуйте разрезать прямыми линиями с таким расчетом, чтобы из полученных отрезков возможно было сложить квадрат.

Необходимо при этом, чтобы количество отрезков и разрезов (прямых линий) было минимальным. (См. стр. 80).

Задача № 63.

Литературная задачка. Как видят читатели, в пять приведенных здесь слов (ДНЕСТР, ВЗГЛЯД, КСЕНДЗ, МЦЕНСК, ПРОНСК) входит при 1 гласной букве 5 согласных. Попробуйте покопаться в словах русского языка, чтобы найти среди них такие имена существительные и обязательно нарицательные, в которых при одной гласной букве было бы не 5, а даже шесть согласных. (См. стр. 80).

РАССКАЗ, ПРЕМИРОВАННЫЙ НА ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
„МИРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ 1927 ГОДА.

По регистрации **№ 198.**

Девиз: Летучая мышь.

Иллюстрации С. Э. ЛУЗАНОВА.

Дорогой друг!

Ты удивляешься, почему я так долго ничего тебе не пишу. В своем письме ты даже употребил несколько крепких слов по моему адресу. Чтож, возможно, что я и виноват, но держу пари, ты еще больше удивишься, когда узнаешь истинную причину моего молчания.

Не думай, что я рехнулся или что со мной происходят галлюцинации. Все, что ты здесь прочтешь, действительно было. Теперь, когда мои здешние друзья, по моей просьбе, рассказали мне со всеми подробностями как они нашли меня, после недельного моего пропадания, на нижнем шоссе, под горой Кастель, в глубоком обмороке, и потом месяц лечили меня от нервной горячки, потрясшей мой организм до того, что я стал теперь похож на сушеную воблу, — не верить в происшедшее нельзя. Все это было на яву, в пяти верстах от Алушты, на — или вернее — в горе Кастель.

Я расскажу тебе все по порядку. Прости, если мой слог покажется тебе неровным: до сих пор нахожусь под впечатлением пережитого, да и до конца своей жизни, наверно, не забуду всего этого. Ну, слушай!

Ты знаешь, что я люблю вставлять рано, когда еще не жарко, когда

солнце не давит, как непомерная раскаленная тяжесть, а только мягко и ласково пригревает. В эти часы хорошо и работать, и гулять. Море тогда особенно спокойно и маняще, горы окутаны сиреневой дымкой, и не кажется, как в полдень, что они надвигаются на берег и хотят столкнуть его в глубь моря.

В эти часы не слопяются мимо террасы размазанные курортники, которых я терпеть не могу. Между прочим, этим летом я их еще больше возненавидел за их манеру засучивать рукава не наружу, как это все делают, а внутрь — ужасно неестественно. Но это, конечно, к моему письму не относится.

Так вот, в одно из таких утр я сидел у себя на террасе и просматривал оттиски геологических карт Крыма, которые мы собираемся в скором времени издать. Погода, как сейчас помню, была особенн о хорошая. Ночью прошел дождь, освежил воздух и прибил пыль на дороге. Море лежало как будто уставшее, медленно и глубоко вздыхало и только у самого Серега сталаась каемка мутн от стекающей дождевой воды.

Надо мной, под какую-то свою песню, стучал молотком татарин-сапожник. Люблю эти песни: они так

гармонируют с горами и морем, и от них становится душе особенно просторно и светло...

Вдруг я услышал топот копыт и, посмотрев на дорогу, увидел, что к моей калитке подъезжает всадник. Я узнал Ахтема, моего друга—татарина из Биюк-Ламбата. Он, видимо, был сильно взволнован и, спешившись, долго нащупывал щеколду калитки, хотя всегда находил и открывал ее сразу. Появление его меня удивило: чтобы так рано оказаться в Алуште, из Биюка ему выехать надо было еще ночью.

— Мараба!—крикнул я.—Здорово! Что случилось? Может быть ты открыл новую сталактитовую пещеру и везешь мне образцы сталактитов, пока туристы их еще не разворовали по кусочкам?

Ахтем привязал свою взмыленную лошадь к дереву и поднялся на террасу.

— Нет!—ответил он.—Пещер—маленький дело, мое—большое дело. Велли пропал.

— Велли Арифов?

— Да, Велли Арифов вчера пропал.

Я расхохотался.

— Вчера? Арифов? Есть из-за чего взбудоражиться! Что он, маленький ребенок, чтобы пропадать? Лучшего холода по горам я не знаю. Вдобавок я ему дал поручение найти в горах один редкий минерал—камень, понимаешь? Может быть, он пошел его искать, зашел далеко и заночевал в горах.

Но лицо Ахтема продолжало быть обеспокоенным.

— Э, нэт! Ты не понимал. Под земля провалился! Со мною был, и потом нет его, пропал он.

Заинтересованный, я попросил его рассказать, как было дело, и вот что услышал:

Вчера утром Ахтем и Арифов в поисках заблудившейся коровы поднялись на Кагель. Около самого кратера эту корову они нашли и погнали ее вниз, в Биюк-Ламбат. Тропинка там идет очень круто, и, спускаясь, легче бежать, чем идти медленно. Такого мнения была, очевидно, и ко-

рова и, чтобы не отстать от нее, Ахтему пришлось мчаться во весь опор. Целые каскады камней сыпались у него под ногами. Арифов бежал сзади.

Добежав до первой площадки Ахтем задержал корову и стал поджидать своего спутника. Тот не приходил. Не понимая в чем дело, Ахтем несколько раз громко позвал его, но никто не откликнулся. Тогда, привязав корову, он поднялся по тропинке. Тропинка была пуста. Ахтем заглянул в кусты, походил по вершине, снова покричал—никого.

Тут в голове у него мелькнула догадка: не подшутил ли над ним Арифов, не спустился ли он по другой тропинке. Ахтем вернулся к своей корове и отправился с ней в Биюк-Ламбат. Подождав часа два, Ахтем собрал несколько молодых и вместе с ними обшарил часть горы, примыкающую к тропинке. Они раздвигали кусты, приподнимали упавшие деревья, заглядывали во все норы и ямы, кричали, свистели и даже спускались в кратер, хотя знали, что там Арифову совершенно нечего делать. Кагель не Чатыр-Даг, а человек не яблоко, но татары вернулись в Биюк с тем же, с чем и пошли. Они почти убеждены, что в исчезновении Арифова не малую роль сыграла «нечистая сила».

Но Ахтем этому не верит.

— Нечистый весь уехал, как революция пришла—говорит он.

И, зная, что горы—моя специальность, и что не мало горных загадок я, в свое время, разъяснял ему, он прискакал ко мне с просьбой помочь ему разыскать его пропавшего друга.

Нечего и говорить, я сейчас же согласился и, наскоро собравшись, вместе с Ахтемом отправился на Кагель. Ахтем был так взволнован, что даже отказался перекусить с дороги, он только ввел свою лошадь за забор, наполнил ее из фонтана и напился сам.

Следуя своей твердо укоренившейся привычке, я взял с собой все, что могло повалобиться в горах: несколько свечей, спички, крепкую веревку,

лючений.

карту, компас. Кроме того захватил еще фунта два вареной баранины и краюху хлеба. Уже в пути я отломил от нее кусок и почти насильно впихнул его Ахтему.

Дорога из Алушты на Кастель идет сначала по берегу моря, по шоссе, а потом сворачивает направо и узкой извилистой тропинкой поднимается зигзагами по крутому кирпичному наклону, вдоль и поперек изрытому водотеками. Из земли острыми углами торчат вы-

ходы пластов глинистого сланца, ломкого как стекло, и его слоистые пластинки хрустят под ногами, ломаются и мелкими обломками катятся под гору.

Потом некоторое время тропинка идет виноградниками и, наконец, у самого уже подножья Кастель входит в прекрасный буковый лес. Там — толстые, седые стволы, приятная тень, а между ветками мелькает синеватая стена моря и, чем выше поднимаешься, тем выше вырастает эта переливающаяся чешуйчатой рябью хрустальная стена.

Среди деревьев всюду разбросаны огромные камни — гранитовой, когда-то изверженной породы, а также серовато-зеленоватая порода, отложившаяся поздней уже, в эпоху, когда на этом месте был океан.

Гору Кастель называют еще малым Аю-Дагом. Геологически эти горы одного происхождения, но по внешнему виду они, действительно, имеют много общего. Только, если Аю-Даг — это медведь, спустившийся с гор и пьющий волю, то Кастель — это медведь уже напившийся и отдыхающий, повернувшись к морю своим широким крупом. Высшая точка горы находится в южной ее части, над самым морем, и спуск с нее к берегу очень крут,

Корову нашли и погнали по тропинке в Биюк-Ламбат. Ахтем мчался во весь опор

почти недоступен; на север же гора понижается отлого и голова медведя лежит уже на отрогах Бабуган-Яйлы. Вся гора покрыта лесом и издали кажется кучей пушистого мха.

Тропинка, по которой мы двигались, идет сначала вдоль по склону, на север поднимаясь очень постепенно, и только уже почти у самого гребня горы сворачивает к вершине. По высоте Кастель не велик: всего 207 саж.. От Алушты же до вершины около пяти верст. Мы шли быстро и покрыли это расстояние в один час.

Ахтем подвел меня к самому кратеру, похожему на огромную воронку от взорвавшегося снаряда, и показал тропинку, по которой он спускался с коровой. Эта тропинка шла частыми зигзагами между кустами и деревьями и скоро терялась из виду. Верхняя ее часть тоже была плохо видна, так как она шла там по голым камням.

Оглядевшись, я восстановил в памяти рассказ Ахтема и, присев на камень, стал соображать.

Как рассказывал Ахтем, Арифов, поднимаясь с ним на гору, говорил, что ему в этот день нужно поспеть в Партепит, за посудой из-под проданного вина. Следовательно, он спе-

шил и, конечно, должен был избрать для спуска самую короткую тропинку. Мне хорошо знакома топография местности и я знал, что короче пути в Биюк-Ламбат и в Партсинит, чем эта тропинка, нет.

Предположение Ахтема, что Велли подшутил над ним, мне казалось совершенно необоснованным, так как, во-первых, я знал Арифова, как очень серьезного татарина, а, во-вторых, такой поступок нарушил бы неписанный, но свято исполняемый горный закон. На подобную «шутку» был бы способен русский, татарин же никогда не станет заставлять зря волноваться своего товарища и, тем паче, не станет отрывать людей от работы, чтобы они искали его.

Нет, без сомнения, Арифов начал и до самого своего исчезновения продолжал спускаться по этой тропинке следом за Ахтемом. Могли он свернуть по дороге в сторону? Трудно предположить. Зачем? Если для того, чтобы сократить путь, то это только можно сделать там, где голое место, где нет кустов, которые почти все в Крыму колючие и всем им одинаково подстать имя «держжи-дерево». Сокращать же путь по голым каменным россыпям опасно, так как легко поскользнуться и упасть, и, кроме того, это верный способ обсыпать тропинку и сделать в конце концов ее непроходимой. Татары слишком дорожат своими горными дорогами, и я сколько раз был свидетелем, как проводники воевали с русскими туристами, не желавшими аккуратно следовать всем извилинам тропинки.

Итак, Арифов пропал на узкой полосе земли, спускающейся зигзагами от вершины горы до первой ровной площадки. Но ведь вчера, в продолжение нескольких часов, все здесь обшаривали и ничего не нашли. Однако пропавший татарин должен быть здесь. Хотя бы потому, что его нет там, где он мог бы быть, а во всех других местах он быть не может. Эту загадку я решил разгадать во что бы то ни стало. Меня охватило даже какое-то остервенение, и без Арифова, живого или мертвого, я решил горы не покидать.

Сломав себе «кисилевую» палку, я медленно спустился по тропинке, ощущивая каждую пядь земли, вглядываясь в кусты и то и дело останавливаясь и возвращаясь по своим следам обратно. Ахтем шел сзади и рассказывал мне про каждый изломанный куст, про каждый след на траве, про каждый сдвинутый камень—кто и когда это изломал, пригнул или сдвинул. Оказалось, что все это сделали во время поисков, а до того здесь все было в нормальном состоянии.

Также старательно я ощупал и обнюхал площадку, где останавливался Ахтем с коровой, чтобы убедиться, что Арифов не мог здесь обогнать Ахтема и пробежать дальше вниз незамеченным. Заставив Ахтема снова рассказать мне всю историю, я пошел обратно в гору. На всем своем протяжении тропинка была вполне крепка и предполагать под ней какую-нибудь западню не приходилось.

Тебе, наверное, нелепой кажется и самая мысль о западне, но, дорогой мой, ведь я же знал, что Арифов летаг не умеет, на земле его нет, значит, он мог быть только под землей. И, как увидишь дальше, мои предположения сбылись.

Но каким образом найти то место, где Арифов провалился сквозь землю? Долго я ломал себе голову, и внезапно дикий, и в то же время блестящий план мелькнул в голове.

— Где вы нашли корову?—спросил я Ахтема.

Он показал.

— Вона: куст глодал! Видишь—обкусанный!

Я бегом бросился туда и по дороге закричал:

— Скорей, скорей, Ахтем! Вообрази, что ты опять гонишь эту корову вниз, как тогда! Понимаешь? Гони ее, гони скорей палкой! Вот она стоит! Она не хочет идти! А я—Арифов! Я побегу за тобой! Да беги же, говорю тебе, беги, как тогда бежал.

Первое время Ахтем, ничего не понимая, выпученными глазами смотрел на меня. Но вдруг все понял, сорвался с места и, размахивая палкой, со всех ног побежал к кусту.

— Эге! Но!—кричал он, и, скача кругом куста, гнал оттуда воображаемую корову.

— Пошла, пошла!—орал я, чувствуя, как что-то напряженно дрожит во мне, и боясь, как бы Ахтем какой-нибудь оплошностью не сорвал весь мой план.

Не переставая кричать, Ахтем стремглав понесся по тропинке.

— Я—Арифов, я—Арифов!—твердил я себе,—я пришел сюда за коровой, вон ее Ахтем погнал! Она скачет галопом и хвосточка ее хвоста болтается в воздухе! Я бегу за ней—я—Арифов!

Дико, как в испуге, крича и прыгая с камня на камень, Ахтем все быстрее и быстрее бежал вниз по тропинке. Я не отставал от него.

Наш бег был настолько быстр, что у меня даже стали заплетаться ноги и я еле успевал выбирать для них такие места, чтобы не поскользнуться.

Повороты на извилинах тропинки были очень крутые. Несмотря на мои резиновые подошвы и немалую ловкость, выработанную многолетней жизнью в горах, я то и дело скользил.

Так продолжалось почти до самой площадки. К этому времени темп нашего бега сделался таким бешеным, что от мелькания деревьев, кустов и камней у меня зарябило в глазах, и я почти не соображал, как бегу и куда ставлю ноги. И вот, не помню верно, не то перед последней, не то предпоследней излучиной тропинки я вдруг почувствовал, что не могу повернуть. Поворот в нескольких шагах, а я бегу быстро и ноги уже настолько не в моей власти, что я должен неминуемо пробежать мимо поворота, прямо—в кусты, и, таким образом, против своей воли сократить зигзаг тропинки. Больше того, я чувствовал, что и Арифов должен был поступить так же. Ведь весь мой план, как ты, надеюсь, уже догадался, и заключался в том, чтобы на время поставить себя на место Арифова, как бы перевоплотиться в него; бежать с горы так же, как он бежал, попасть, таким образом, на то место, где он пропал и, следовательно, це-

ною собственного исчезновения разгадать всю эту таинственную историю. И так, попытавшись все-таки не безуспешно, повернуть, я ринулся прямо через кустарник. Как ни быстро я бежал, я все-таки успел заметить, что ветки здесь сильно обломаны, а трава так совсем примята.

До следующего зигзага тропинки было не больше 3-х саженей. Если бы я добежал до него, я бы оказался впереди Ахтема, который продолжал гнать свою несуществующую корову, аккуратно следуя всем извилинам тропинки.

Но этого не случилось.

Перепрыгнув, чтобы не исцарапаться, через куст и погом снова опустившись на землю, я вдруг почувствовал, что земля подо мной поддалась, и, раньше чем я успел что-либо сообразить, я ухнул куда-то в глубину, но дороге больно стукнувшись о ствол дерева.

Несколько минут я был без сознания. Первым моим впечатлением, когда я очнулся, было ужасающее зловоние. Воняло сразу всеми самыми отвратительными запахами. Невольно я заткнул нос рукой и попытался дышать через рот, но и во рту осаживался этот смрад, и мне страшно было проглотить слюну.

Второе впечатление, когда я открыл глаза, была абсолютная темнота. Вытягивая руки в сторону, я мог нащупать неровные липкие каменные стены, а под собой чувствовал настил из толстых веток.

Сначала мне казалось, что я задохнусь в этом воздухе. Но скоро я немного свыкся, а когда сообразил, что нахожусь на верхних следах пропавшего Арифова, мое настроение совсем поднялось. Ощупав себя, я убедился, что никаких повреждений у меня нет. Просто падение меня ошеломило.

Я достал из мешка свечку и зажег ее. Она загорелась нехотя и только маленьким колеблющимся пламенем: в этом воздухе было слишком мало кислорода. Но и при таком тусклом освещении я мог различить, что я нахожусь в узкой конусообразной яме, закрытой сверху каким-то сложным приспособлением из гнутых

прутьев. Очевидно, это была само-захлопывающаяся крышка, которая пропустила меня так же, как и Арифова, и потом закрылась. Стены были совершенно голы и на них блестели в отблесках пламени маленькие капли просачивающейся воды.

Осмотрев пол этой ямы, действительно сделанный из веток и палок, я нашел в нем отверстие. Но как только я попробовал заглянуть в него, свечка потухла, и сам я должен был отскочить на два аршина в сторону. Если здесь воздух был скверный, то там, внизу, он был просто убийственный. Чтобы только как-нибудь облегчить работу своему обонянию, я завязал нос и рот платком.

С большим трудом удалось мне снова зажечь свечу и заглянуть в отверстие. Все, что я мог увидеть, это было несколько ступенек старой полуразвалившейся лестницы. Решив довести начатое дело до конца, я осторожно стал спускаться по ней. Одна ступенька подо мною обломилась, но я успел во время повиснуть на руках и удержаться. Наконец, я почувствовал под собой твердую почву. Так как одна свеча давала слишком мало света, я зажег еще вторую и при их свете увидел, что нахожусь в начале корридора, узкого, но настолько высокого, что можно идти во весь рост, не сгибаясь, — корридора, который уходит куда-то в гору, немного вниз.

Все мое приключение было настолько необычным, что я просто потерял способность соображать и совершенно не помню, сколько времени я шел по этому корридору. Я только вспоминаю, что меня пугали капли воды, с гулким шелканьем падавшие на каменный пол, а из всех щелей с удивлением выглядывали не то пауки, не то тараканы. Под потолком, по несколько в ряд, черными мешечками висели спящие летучие мыши. Корридор все время заворачивал немного вправо.

Вдруг на одном из выступов камней я заметил веревку, на которой болталась спичечная коробка. Чтобы убедиться, что это мне не мерещится, я протер глаза и, как полагается в

подобных случаях, пощипал себя за локоть. Но глаза и локоть работали исправно, следовательно, и спичечная коробка существовала на яву. Впрочем, о назначении ее легко было догадаться, если предположить, что в пещере есть люди. Она играла ту же роль, что электрический выключатель в наших квартирах. При прогулках по корридору, здешние обитатели должны были иметь потребность в свете и вог, на всякий случай, они развесили вдоль по корридору такие коробки.

Пока я изучал напечатанную на спичках самую прозаическую марку, какую только можно себе представить: «Красная Березина», — какая то шальная летучая мышь, разбуженная светом, вдруг сорвалась с места и принялась ошарашенно кружиться около меня. Я отмахнулся от нее, но так неудачно, что нечаянно уперся свечками в стену корридора и потушил их. Выругавшись по адресу мышей, которые, вместо того, чтобы смиренно сидеть под полом, в тщеславии надепляют на себя крылья и летают по воздуху, я полез в карман за свечками. Не успел я их как следует нащупать, как почувствовал что-то прикосновение к моей руке.

Думая, что это летучая мышь усе-лась на меня, я протянул руку, чтобы ее прогнать и.. не знаю, как я не умер на месте от ужаса. Своими пальцами я ясно нащупал руку человека, державшего меня. Что волосы на моей голове пошевелились, в этом я ручаюсь. Встретить человека в пещере, я, конечно, предполагал, но таинственное бесшумное появление в темноте привело меня в ужас.

— Кто здесь? — в диком страхе закричал я.

Но в ответ послышалось только глухое звериное рычание, и рука, державшая меня, с силой сжала мою руку и потянула ее вперед. Я попробовал было сопротивляться, но из этого ничего не вышло. Таинственное существо поволокло меня по темному корридору. Шло оно так быстро, что я должен был бежать и в темноте несколько раз больно стукнулся плечом о выступы камней.

Свечи и спички я давно выронил, а фуражка, за что то зацепившись, сбилась с головы.

Протасив меня так шагов сто, это существо принялось громко рычать и в то же время я заметил впереди нас на полу и на стене корридора пятно света, шедшего откуда то сбоку. В его тусклых отблесках я смог различить человека, поймавшего меня. Бесспорно, это был человек, но что то звериное чувствовалось в его движениях, в его низко пригнувшейся фигуре и в огромных обезьяньих лапах. На нем были ужасающие, пропотелые и просаленные лохмотья, одни способные испортить воздух во всей пещере. Лица его я не видел, но голова была покрыта длинными спутавшимися волосами, повидимому, давно не приходившими в соприкосновение с ножницами. Полузверь — получеловек...

Прорывав особенно громко, он сильно толкнул меня вперед и сейчас же куда то исчез. Я стоял перед широким проломом в стене корридора, ведущим в боковую пещеру. Там, на стене, противоположной входу, из щели между камнями торчало нечто среднее между факелом и лучевой, и больше коптило, нежели давало света. Сквозь чад я видел какие то деревянные сооружения, напоминающие столы, и несколько больших круглых камней, лежащих на полу.

Больше я ничего не успел разобрать. Перед дверью вдруг появилась длинная лохматая и грязная фигура человека, одетого в серый балахон и драную барашковую шапку. Судя по бороде, спустившейся чуть не до пояса, и по седым волосам, это был старик, но по тому голосу, которым он приветствовал меня, этого совсем нельзя было сказать.

— А! А! — закричал он таким басом, что воздух пещеры, несмотря на всю свою плотность, испуганно мотнулся и задрожал, вызывая бесчисленные эхо в дальних концах корридора. — Новый! Новый! А! А!

И вдруг, весь передернувшись, закричал что то бессвязное и завертелся на месте, высоко задирая свои босые, покрытые струпами ноги.

Я сразу увидел, что имею дело с сумасшедшим, но от этого мне стало только еще страшней. Его фигура металась передо мной и принимала в этом чаду несуразные, расплывчатые очертания. В колышущихся отблесках огня он казался не человеком, а каким то выходцем с того света, и его скакания принимали гипнотизирующий смысл. Я стоял, не чувствуя под собой почвы и, смотря, как мелькало передо мной серое, сморщенное, как сушеный банан, лицо старика, мне казалось, что еще немного и я лишусь чувств от страха.

Но присев, в заключение, несколько раз на корточках и подпрыгнув почти до потолка, он, наконец, утихомирился и с минутой молча смотрел на меня. Глаза его были безумны и все время блуждали из стороны в сторону.

— Новый! — прохрипел он. — Нужен, нужен, очень нужен!

Он повернулся, чтобы идти в глубь пещеры, но остановился и почти нормальным голосом спросил:

— Ты кто?

Я еле отодрал язык от гортани и, давись словами, пролепетал:

— Я... геолог.

Старик вдруг схватил меня за плечи, втянул в пещеру и, подняв как ребенка, усадил на то сооружение, которое я принимал за стол.

— Ты — геолог? Как тебя зовут?

Я назвал себя.

— О! — закричал он. — Смотри, смотри на меня! Неужели ты не узнаешь меня, злейший мой враг? Смотри лучше, смотри!

Пораженный я глядел на него и не мог поверить своим глазам.

— Андрей Никитич! — воскликнул я.

— О! О! Вспомнил! — Он стоял передо мной, извиваясь и приплясывая. Барашковая шапка съехала ему на ухо и из-под нее выбились жесткие, спутанные как пакля, пряди волос. — Вспомнил! Еще вспомни: о чем мы с тобой спорили здесь, на горе Кагель? Не верил ты мне тогда! А я докажу, докажу! Докажу, что Кагель — вулкан! И даже не потухший, а в котором есть еще лава! Раскаленная огне-жидкая лава! Зачем, ты думаешь,

я копаю этот корридор? Чтобы найти лаву, чтобы вывести ее наружу и показать вам, сумасшедшим людям, что Кагель не опухоль, не шишка на земной коре, а вулкан! Знай: Кагель будет извергаться! Я вылечу с лавой, я сгорю, но я докажу то, что ни тебе, ни всем вам нельзя доказать словами. И ты дождешься моего доказательства, ты останешься здесь и сгоришь вместе со мной! Это—наказание тебе за твои слова, за твою глупость. Вспомни ее, вспомни. Ну, что? Помнишь?

Да, я вспомнил и мне все стало ясным. Этот несчастный старик был тот самый Андрей Никитич Замотаев, который пропал три года тому назад и которого все уже давно считали погибшим.

Давно еще Замотаев был прислан к нам на должность помощника старшего геолога губернии и постоянно жил в Симферополе. Но когда стали составлять проект Алуштинского водопровода, он был вызван в Алушту и здесь работал вместе со мной. Это был очень тихий, молчаливый человек, с некоторыми странностями, но не такими, чтобы обращать на него особое внимание. Ходили, правда, слухи, что он по ночам куда-то уходит, нагруженный большими мешками, но толком никто ничего не видал.

В геологии края он был очень сведущ, работу любил и был на редкость в ней аккуратен. Я много бродил с ним по горам и более спокойного при всяких обстоятельствах и надежного товарища не видал. Он всегда был в одинаково-ровном настроении, никогда не ругался при неудачах и не впадал в отчаяние, когда нам случалось заблудиться в горах.

Во мнениях был уступчив и легко, даже чересчур, соглашался со взглядами собеседника.

Но всему этому мирному житию положил конец раз происшедший случай.

Как-то рано утром я поднялся с Замотаевым на эту самую Кагель. Как известно, на этой горе есть кратер. Благодаря ему долгое время считали Кагель за потухший вулкан, но позднейшие исследования эти взгляды опровергнули. По новым теориям происхождения горы рисуется так:

В весьма отдаленные времена, в юрскую эпоху, а может быть и раньше, здесь под верхними осадочными породами скапливалась жидкая лава. Скапливалась, но не выходила наружу—это очень важно, так как именно это главным образом и отличает новую теорию от старой. Потом, не найдя выхода, лава застыла и образовала различные трахитовые породы, в изобилии находящиеся на Кагеле. Проходили тысячелетия и тысячи тысячелетий, океан, бывший здесь, в силу поднятия земной коры, ушел, начались сдвиги, сбросы, образование складок. Из одной такой складки и образовалась Кагель. Застывшая лава поднялась вместе с образованием горы и позднее обнажилась, вследствие энергичного выветривания лежащих поверх нее осадочных, доломитовых пород. Кратер же—это просто провал, вполне естественно образовавшийся (как трещина) при горообразовательном процессе.

Так вот, поднявшись с Замотаевым на Кагель, я занкнулся было об этой новой теории. Здесь с моим спутником сделалось что-то необычайное, совсем на него не похожее. Всегда такой тихий, он вдруг побагровел, и, взмахнув рукой, точно хотел ею что-то отбросить, закричал:

— Кагель — вулкан, мпловтивный государь!

Ошарашенный его тоном, я попытался робко возразить, но напоролся на упорство, граничащее с безумием. Замотаев ни за что не хотел согласиться с тем, что Кагель, как он выразился, шишка, опухоль, а не вулкан. Он так волновался и горячился, что можно было подумать, что дело идет о его собственной жизни. Но, выполнив работы, мы должны были вернуться в Алушту, так как Замотаев был совсем вышиблен нашим спором из колеи.

Когда я рассказал о происшедшем товарищам, они весело посмеялись над «отсталым стариком», но скоро обо всем забыли. Через неделю старик пропал и больше его никто не видал. Думали, что он утонул, купаясь в море, искали по берегу одежду и, действительно, нашли ее в кустах под самой Кагелей. Немного, как полагается, пожалели и—забыли...

И вот теперь я встретился с ним в такой необычайной обстановке. Значит его приверженность к вулканической теории была не просто причуда, а настоящий психоз, ярко выраженное сумасшествие. И, симулировав утопление, он на самом деле зарылся в гору, чтобы таким «непосредственным» способом опровергнуть уже всеми принятую теорию. Этот безумец надеялся докопаться до сердца вулкана и через свой корридор, пробитый, я не знаю как, сквозь эту толщу пород, выпустить на волю жидкую лаву, засгавить гору извергаться. Он хотел в Крыму создать второй Везувий! Поистине, он воздвигал себе не совсем обычный памятник! Памятник, потому что он сам должен был сгореть в своем корридоре, встретить он, действительно, раскаленную лаву.

Не думаю, чтобы существовал когда-нибудь другой ученый, с такой же последовательностью отстаивавший свои взгляды. Для этого нужно быть по меньшей мере таким же сумасшедшим, как Замотаев.

... — Вспомнил. Вспомнил! — кричал он передо мной, — теперь ты получишь доказательства, каких еще никто в мире не получал! Ха! ха! ха! Я заставлю тебя поверить. Ты увидишь вулкан — Бастель или нет! Ты останешься у меня.

Остаться здесь: В этом аду, в этой вонище, (я заметил, что весь пол покрыт слоем гниющих отбросов и вся-

ких нечистот); без воздуха, без солнца одному с сумасшедшим стариком? Нет, ни за что! Я хочу сейчас же уйти, Я, собственно, пришел за одним товарином, но, если его нет здесь, то я уйду и без него. Только поскорей, а то и я тоже рехнусь в этом ужасном подземелии.

— Татарина? Одного? — старик дико захохотал. — Что-ж так мало? Идем со мной, я тебе покажу одного товарища!

Ха! ха! ха!
Идем, идем!

Неистово скребя рукой спичку, он повел меня по корридору направо. Через несколько шагов по чумо-липкому и зловонному, старик велел мне зажечь спичку. Говорить тебе, что я увидел? При одном воспоминании у меня стынет кровь в жилах.

Вернувшись в комнату, я долго не мог опомниться и только минут через пять, задыхаясь, смог спросить у злорадно усмехавшегося старика:

— Откуда вы берете... таких?

— Ха-ха-ха-ха! — опять захохотал он. — Таких! Нет, я их беру с земли

такими, какие они там есть, как все вы. А потом я им делаю маленькую, совсем маленькую операцию. Простое прокалывание черепа особой иглой и давление на известные мозговые центры. После этой операции они все делаются, ха-ха, послушными, как овечки. Видал? Их у меня 42 штуки и все они рядышком мирно спят. Завтра ты увидишь, как они работают!

Итак, я имею дело не только с одним сумасшедшим, но еще с четырь-

— Кто здесь? — в диком страхе закричал я.
В ответ послышалось звериное рычание...

мя десятками полуживотных, существ, превращенных этим маниаком в пауков, чтобы они помогали ему рыть его бессмысленный корридор. Подземелье безумцев! Безумцев, обуреваемых одним желанием—взорвать самих себя, сгореть заживо и извергнуться вместе с раскаленной лавой.

...Не буду передавать всех безумных и полных скрытого ужаса речей старика. Этот кошмар не скоро забудется. Первых людей он ловил при помощи капканов, а потом, сделав над ними свою жуткую операцию, научил их ловить молодых здоровых парней, неосторожно зашедших на гору Кагель.

Этот безумец не только не сознавал своего преступления, но с гордостью заявлял, что он служит науке и что те несчастные, потерявшие по его вине человеческий облик,—герои науки, после которых останется слава, какой еще никто на земле после себя не оставлял. Но главная честь выпадет, конечно, на долю самого Замотаева.

В то время, как старик бесновался передо мной в красноватом чаду, к двери пещеры подтащился один из тех, кого я видел в корридоре, и сел против выхода. В руках у него был тяжелый лом. Я был не настолько наивен, чтобы не видеть, что я—в плену.

В самый разгар своих излияний, Замотаев вдруг подскочил ко мне, схватил меня поперек туловища и, как какую-нибудь кошку, бросил в угол на кучу сырого тряпья, навалил другое тряпье сверху и, пробормотав: — Спи! — повалился рядом и сейчас же заснул.

Я не имел никакого намерения лежать в этой отвратительной грязи, тем паче спать. Но только я попытался встать, как страж с ломом прыгнул ко мне и, дико ворочая белками, своими лапищами уложил меня на место.

Несмотря на чад, ужасный воздух и гнилую грязь, впечатления дня меня так утомили, что я на несколько часов забылся тяжелым сном. Мне снились кошмары один страшней другого, но все они кончались извержением Кагеля.

Разбудил меня поднявшийся вдруг шум. Я сразу догадался, что это начали свою безумную работу сорок два идиота. Приподнявшись на локте, я обвел глазами пещеру и увидел, что старик стоит в дверях на коленях и молится. Он клал широкие кресты и поклоны, а губы его шептали молитву. Изредка доносилось, приносимое с захлебывающимся придыханием «господи, помилуй». Посмотрев по направлению его поклонов, я заметил там маленькую закопченную икону, стоящую на выступе камня. Под иконой висела лампадка, но она не горела, да и не могла бы гореть в таком воздухе.

Увидя, что я проснулся, старик прервал молитву, низко поклонился мне и, достав из-за пазухи кусок чего-то, протянул его мне, со словами:

— Па, поешь! Я уже сыт!

Не разобрав как следует в чем дело, я протянул было руку и, вдруг разглядев, в ужасе отпрянул. Это было... Нет, не буду говорить, что это было. От одного названия ты на год лишишься аппетита. И подумать только, что этим питались—и кто?—люди! И были живы. Нет, мне нужно кончать письмо! Я опять все переживаю и, пожалуй, опять мне придется ехать в санаторию. То, что я видел в этой пещере безумцев, может перенести только такой же сумасшедший, как он. Нормальный человек должен был бы там погибнуть.

Не буду подробно рассказывать о тех жутких днях, которые я провел под землей. Я ничего не ел, почти не дышал. Я думал, что лучше умереть, чем вдохнуть полной грудью этот воздух, отравленный мириадами самых отвратительных миазмов. А ведь люди жили там годами.

Я видел работу сорока безумцев. Сверхъестественная работа. Живые существа, превращенные в машины! В свете факелов, они с механической точностью взмахивали ломом и кирками и под их ударами отламывались куски, и восьмую часть которых нормальный человек отколоть не сумеет. Корридор продвигался в глубину, в толщу пород, к несуществующей лаве несуществующего вулкана.

Отломанные куски дробились и утаскивались вверх по корридору. Старик говорил, что их по ночам вытаскивают шаржу и сбрасывают в кратер.

Во всяком случае это была работа титаническая, и страшно становилось перед ее бессмысленностью.

Старик сам не работал. Он только кричал на своих «рабочих», которые все с той же механической точностью исполняли его приказания. Сколько я ни наблюдал, я не мог заметить и признака присутствия в них хоть какой-нибудь искры сознания. Операция старика была радикальна.

Несчастного Велли Арифова мне было легко узнать по его еще не успевшей превратиться в лохмотья одежде, по бригому, еще не обросшему лицу. Но во всем остальном он был таким же, как и все.

Я уже говорил, что корридор погружался очень покато и все время заворачивал вправо, это было заметно на глаз. Но старик все время твердил, что он очень быстро опускается в глубину и что корридор совершенно прям. Чтобы доказать это, он как то принес компас, по которому действительно выходило, что корридор идет по прямой линии. Причину этого явления я тогда только предполагал, окончательно же ее выяснил лишь потом, когда, во время моих позднейших экскурсий на Кагель, заметил значительное отклонение стрелки компаса. Очевидно, в толще горы залегают ка-

кие-нибудь магнитные породы, которые и влияют на компас. Заметаешь же слепо верил магнитной стрелке, не будучи в состоянии сам заметить совершенно очевидное отклонение корридора от прямой линии.

Чем объяснить его заявления о том, что корридор идет круто вниз,—я не знаю. Думаю, что только сумасшествием.

Меня все время тошнило и часто происходили обмороки. Конечно, к

Старик поднял аппарат. Острые иглы медленно погружались в мою кожу...

своей баранине я не притронулся и, в конце концов, она протухла. Единственно, что было в пещере чистое, это вода. Ее брали из родника, пробившегося в пещеру. Но одна вода не могла, ясное дело, заменить и пищу, и воздух, и свет—все то, что необходимо для существования нормального человека.

Сторож с ломом был приставлен ко мне и не отходил от меня ни на шаг. По корридору мне позволяли ходить только до определенного места и, если я пытался идти дальше, внушительный лом преграждал мне путь.

Так прожил я под землей шесть дней, по исчислению тамошних обитателей. Сколько это выходило по настоящему—я не знаю, так как разделение на день и ночь под землей было, конечно, искусственным.

Доведенный до отчаяния и не сомневаясь, что быстрая смерть лучше медленного гниения заживо, я, наконец, решил бежать. Как и следо-

вало ожидать, меня очень скоро достигли в темном корридоре и привели обратно в комнату старика. Он встретил меня, грозно нахмурившись.

— Бежать! — кричал он. — Бежать, не дождавшись моего доказательства? Может быть мы сегодня же доберемся до лавы! Может быть сегодня же загремит новый вулкан на земном шаре, созданный мной! Почему ты знаешь? И ты не хочешь подождать? Ладно же, я заставлю тебя это сделать! Ты останешься здесь навсегда и навеки потеряешь желание удирать отсюда. Держите его!

Два идюта держали меня и без того с такой силой, точно я был по крайней мере слоном.

Старик покопался где-то в углу за столообразным сооружением и скоро вернулся оттуда, неся в руках прибор, весьма напоминающий паяльную лампу. Только там, где обычно должно вырываться пламя, торчала длинная блестящая игла.

Я сразу понял назначение этого инструмента. Я понял, что я должен превратиться в такое же бессловесное и безумное существо, как вот эти держащие меня, должен стать полуживотным, навеки остаться здесь, под землей, — другими словами, должен сделаться номером сорок третьим.

Не скажу, чтобы я очень испугался. Наоборот, какое-то успокоение разлилось по всему моему организму. Мне только хотелось, чтобы поскорей вся эта жуть кончилась, а как — все равно. И я не пытался сопротивляться.

Старик приблизился, поднял руки и стал читать надо мной молитву. Потом он что-то долго и торжественно говорил. Опять в красных отблесках факела металось его лицо и смутно расплывалась длинная фигура в сером балахоне, опять он шлепал по полу босыми ногами и опять тряслись жесткие пряди седых волос, падавшие на лоб. Я не слышал слов и почти не видел старика. Безмерная усталость охватила меня и я еле стоял, поддерживаемый с двух сторон. Помню, что страшно хотелось спать, и я с нетерпением ждал своего конца.

Наконец, старик кончил скакать, поднял над моей головой свой аппа-

рат и что-то бормоча стал производить им какие-то щелкающие звуки. Я зажмурил глаза. Острые иглы медленно — медленно погружались в мою кожу. Я мысленно распрощался со всем светлым миром, который весь казался мне тогда в моих воспоминаниях окрашенным в яркую голубую краску...

Вдруг, успев уже пробуравить кожу до кости, игла остановилась, покачалась на месте и быстро выдернулась. Удивленный, я открыл глаза и увидел, что старик стоит передо мною в напряженной позе человека, к чему-то прислушивающегося, а на его лице с молниеносной быстротой мелькают всевозможные выражения от ужаса до торжества.

Страшный грохот заставил меня очнуться. Где-то в корридоре раздались вопли работавших там людей и вслед за ними в подземелье ворвался треск, стук, какое-то дребезжание, грохот и... свежий воздух. Его было — всего какая-нибудь капля, но нет слов, чтобы описать, какое блаженство мне эта капля доставила. Это был настоящий, чистый, пахнущий морем и зеленью воздух. Я почувствовал даже вкус его, и вместе с ним во мне родилось бурное желание жить. С дикой силой я рванулся из рук, державших меня... Но они ослабли сами собой.

Бросив в сторону паяльную лампу и размахивая руками, старик стремглав бросился по корридору туда, откуда шел шум, и по дороге вопил:

— Это — вулкан! Ты слышишь? Это грохочет лава! Вот он новый вулкан! Вот оно мое доказательство — бери его!

За ним, отпустив меня, понеслись два идюта. Наконец, побежал и я, чувствуя, как мутнеет мой рассудок и напрасно старается что-нибудь во всем этом уразуметь.

За поворотом корридора мелькнуло отверстие и в нем — свет, солнце, море. Перегнав бежавшего впереди старика и перескочив через кучу безобразных тел, наполовину придавленных обвалившимися камнями, я выскочил наружу. Этот момент у меня резко запечатлелся в памяти. Я помню море, камни, торчащие из воды, зелень,

шоссе и грохочущую по нему длинную вереницу телег.

Мимо меня проскочила высокая фигура старика, крича:

— Вулкан! Вулкан!

Он перепрыгнул через парапет шоссе и бросился вниз на камни, в море. Его фигура, похожая на большую фантастическую птицу, распластанная в воздухе, была моим последним представлением. Здесь же, на шоссе, у выхода из ужасной пещеры, я упал без памяти.

Я думаю, ты понял все. Не умел направить корридор так, как ему хотелось, в глубину горы, безумный маниак вывел его, против своей воли, и, главным образом, благодаря отклонению компаса, на нижнее шоссе, выходящее у подножия горы. В это время по шоссе проезжали телеги и стук их колес, ворвавшись неожиданно в пещеру, показался старику шумом вулкана. Этот же стук спас меня от смерти.

Вот и все.

Около месяца я жил в санатории и теперь, как будто бы, относительно, поправился. Само собой разумеется, я подал ходатайство о моем переводе из Алушты. Оно удовлетворено и в скором времени я переберусь в Балаклаву. С новым местом, с новыми впечатлениями этот кошмар, надо надеяться, немного забудется.

Ну, что же, ты продолжаешь сердиться на меня за мое долгое молчание?

Твой П.

Это письмо я получил от моего друга детства — геолога, жившего постоянно в Алуште, который в начале этой осени внезапно сошел с ума. Сумасшествию предшествовало его недельное пропадание где-то в горах.

Все то, что он написал мне, он рассказывал и докторам.

На голове его, действительно, оказалась небольшая колотая рана, но никакие самые тщательные поиски

Высокая фигура старика, крича: — Вулкан! Вулкан! — перепрыгнула через парапет и бросилась в море.

не могли обнаружить на горе Кагель и признака какого бы то ни было подземного корридора. Вероятно, все это был бред больного рассудка, тем более, что во всем Бюк-Ламбате не удалось найти никакого Ахтема. Его там никогда и не было. Про Велли Арифова в том районе тоже никто не слышал. Есть один Арифов в дер. Демерджи, под горой того же названия, но когда ему рассказали всю эту историю, он высказал свое мнение лаконично и убедительно:

— Врал человек!

Андрей Никитич Замотаев действительно существовал и действительно утопился, при чем мой друг всегда считал себя виновником его смерти. Дело в том, что оба они обладали упрямым характером и между ними постоянно бывали распри, нередко приводившие к крупным ссорам.

Как раз перед самоубийством старика, мой друг признал всю работу Замотаева за последние годы никуда негодной. Это удручающе подействовало на старого геолога. Он утопился.

Быстро раскаявшись, мой друг стал страдать от угрызений совести, тем более, что, при более детальном рассмотрении, работа Замотаева была признана удовлетворительной. Исключение составлял только район горы Кагель, действительно обработанный как-то странно.

Стечение этих обстоятельств, а также общая неуравновешенность нервной системы и привели, по мнению докторов, к сумасшествию.

Гора Кагель, пещера, поиски вулкана Замотаевым—все это находит довольно легкое психологическое объяснение. Откуда же взялся скверный воздух,—сказать трудней. Но я думаю, что и здесь я поймал нить. Во время моего последнего посещения Крыма, мой друг жаловался мне на плохое

устройство уборной в его квартире, отчего по всему дому распространяется дурной запах.

Но вот, что говорит в пользу истории, рассказанной в письме. В день исчезновения Н., у него во дворе видели лошадь. За этой лошадью никто не пришел и ее, в конечном счете, отправили в совхоз. Затем, у нижнего шоссе, как раз в том месте, где по рассказу моего друга он вышел из пещеры и ушел без сознания (кстати: его никто там не находил, а он сам пришел, весь истерзанный и измученный), обнаружили новый, еще совсем свежий обвал, который и мог засыпать вход из «подземелья безумцев». Еще сильнее: в камнях обвала нашли разорванную меховую шапку и сильно разложившийся труп человека, с ломом в руках. Но больше, несмотря на тщательные раскопки, ничего не нашли. На тропинке, ведущей с вершины в Бюк-Ламбат, никакого потайного хода не оказалось. Обглоданного куста около кратера тоже не удалось найти.

Мой друг находится сейчас в психиатрической больнице, и есть надежда на его выздоровление. Ведет он себя тихо и целый день пишет письма с одним и тем же содержанием, немного только варьируя его в мелочах. Доктора говорят, что это поразительный пример исключительно ясных и логически развитых ложных представлений.

Поэтому я и публикую это письмо, которое, кстати сказать, попало ко мне после долгих странствований, так как адрес на нем был перепутан.

Да, чуть не забыл сказать. Недавно в море, среди камней, близ Кагеля, нашли тоже сильно разложившийся труп человека одетого в длинный серый балахон. Но лица этого человека разобрать было нельзя.

Когда телеграф принес известие, что из Нью-Йорка вылетел какой-то смельчак, держа путь на Париж, у многих заняло в груди, точно от предчувствия катастрофы. Слишком уж много храбрецов, пытавшихся перелететь через океан, заплатило за это жизнью. Свежа еще была в памяти весть о бесследном исчезновении летчиков Нунгессера и Коли вместе с их «Белой Птицей».

Но когда два дня спустя телеграф сообщил, что американский летчик Чарльз Линдберг благополучно опустился на аэродром близ Парижа, опасения за жизнь дерзкого летчика сменились чувством неописуемого восторга и восхищения.

Человек безгранично смел, человек бесконечно пытлив, но человеку нужны сильные толчки, даже встряски для того, чтобы заставить его двинуться по неведомому пути. И такой встряской послужил героический перелет Линдберга. Не прошло еще и двух месяцев, а между тем уже вырабатываются грандиозные проекты открытия воздушных линий, которые соединят Старый Свет с Новым, не говоря уже о том, что со дня перелета Линдберга нашлось много удальцов, последовавших его примеру.

Чарльз Линдберг сделал огромное дело. Он заложил еще один краеугольный камень в истории нашей авиации и еще дальше сдвинул ее со стадии экспериментальной на положение обоснованно утилитарной. И в то же время нельзя не преклониться перед человеком, который провел над океаном 36 часов у руля своего с сухопутного аэронавта, так как его аппарат не имел плавников, позволяющих опуститься, в случае необходимости, на воду, через которую все время лежал путь. 36 часов без сна, с небольшим количеством пищи, совершенно один и к тому же еще при весьма неблагоприятной туманной погоде!

Чарльз Линдберг своим полетом как бы перебросил мост из Старого Света в Новый и тем самым сделал огромный шаг в смысле сближения обоих полушарий.

Книга «Мы» («Я и мой самолет»), в которой Линдберг описывает свое детство, свои первые полеты, свои падения и, наконец, перелет через океан, к сожалению, слишком уж продукт американской коммерции. Несмотря на то, что она якобы целиком вышла из-под пера самого Линдберга, сразу бросается в глаза рекламный характер ее. Книга уделяет бесконечно много внимания успехам американской воздушной почты, банкетам и приемам у президентов и королей в честь американского летчика и слишком мало самому полету, который единственно и интересует читателя. Заметим между прочим, что на составление, печатание и выпуск книги американцы затратили, всего 72 часа. И книга издана превосходно.

В главе о полете Нью-Йорк — Париж есть много интересных деталей, представляющих, по нашему мнению, большой интерес для русского читателя, а потому мы и приведем ее. Иллюстрации взяты не из книги Линдберга, так как «Мы» не дает даже карты полета, а все снимки в книге — это фотографии чествования Линдберга.

28 апреля, ровно через 60 дней после слачп заводу заказа, самолет «Дух Сент-Люиса» был совершенно готов, и я приступил к его испытанию. Аппарат дал даже лучшие результаты, чем этого можно было ожидать теоретически. Начать хотя бы с того, что самолет отделился от земли через $6\frac{1}{8}$ секунды, с разбега в 165 футов, неся с собою свыше 200 килограммов горючего, сверх обычного запаса. Скорость его была 130¹⁾ миль в час, а высоту он брал великолепно.

С собою я взял следующее снаряжение: 2 карманных электрических фонаря; 1 катушку тонкой тесьмы; 1 катушку толстой тесьмы; 1 охотничий нож; 4 красных ракетки в резиновых футлярах; 1 коробку спичек в водонепроницаемой спичечнице; 1 большую иглу; 1 большую флягу в 1 галлон; 1 маленькую флягу в $\frac{1}{4}$ галона (1 кварта); 1 аппарат Армбэрста²⁾; 1 резиновый поплавок с насосом и материалом для починки; 5 жестянок с разными консервами; 2 резиновые полдушки и 1 ручную пилку.

19-го мая моросил легкий дождик, небо сплошь было затянуто тучами, и Геофизическая обсерватория сообщала о весьма неблагоприятном состоянии атмосферы для полета. На утро следующего дня я отправился в Патерсон, намереваясь сходить в театр, а потом несколько отдохнуть, но приблизительно в 6 часов вечера я получил сообщение, что над всем Северным побережьем Атлантического океана наблюдается высокое давление; надо было ожидать, что туман в скором времени рассеется, и едва ли представится более благоприятное время.

Я не мешкая отправился на аэродром для установки барографа и для детального осмотра самолета. Затем я вернулся в отель, чтобы немного прилечь и отдохнуть, но пришлось заняться приготовлением к полету, и так не удалось хотя бы немного поспать.

Я вернулся на аэродром еще до рассвета, но, так как снова пошел дождь, пришлось отложить поездку до утра.

В 7 часов 40 минут утра мотор был пущен, а 12 минут спустя я уже дал аппарату ход, начав, таким образом, путешествие в Европу. Аэродром был изрядно размыт продолжительным дождем, а потому тяжело нагруженный летательный аппарат довольно медленно прибавлял скорость. Но еще до того, как я миновал середину аэродрома, мне стало ясно, что я сумею избежать препятствия, находившиеся в конце поля. Я пролетел футах в 15-ти над каким-то трактором и футах в 20-ти над телефонным проводом. Я убежден, что мой самолет мог бы поднять с собою лишник

1) Американская миля припл. 1,65 километра.

2) Очень несложный аппарат, собирающийся из выдыхаемого воздуха влагу для питья.

несколько сот килограммов, если бы подъем происходил с твердого грунта.

Я слегка свернул вправо, чтобы не налететь на высокие деревья, оказавшиеся на пути, но вскоре я находился уже на такой высоте, что нечего было опасаться земных препятствий, а потому я подвинул рычаг на 1750 оборотов в минуту. Посмотрев на компас, я взял направление на залив Лонг Айленд, и тут сопровождавший меня аэроплан с фотографом повернул назад.

Несколько спустя туман слегка рассеялся и, начиная от мыса Код, на протяжении всего пути через южную половину Ново-Шотландии, погода стояла великолепная, и я превосходно видел перед собою. Я летал очень низко, спускаясь иногда до 10 футов над водою или деревьями.

При перелете через северную часть Ново-Шотландии я несколько раз попадал в шторм и неоднократно пролетал через грозвые тучи. Приблизившись к северному побережью, я увидел на земле местами снег, а вдали, на востоке, береговая линия была сплошь застлана туманом.

На расстоянии многих миль между Ново-Шотландией и Ньюфаундлендом океан был покрыт льдинами, но к тому времени, когда я приблизился к побережью, льда уже не было и в помине, и я различил несколько судов. Я взял направление на Сент Джонс и перелетел над целым рядом ледяных гор. Судов уже нигде не видать было, разве только возле самого берега.

В 8.15 вечера сумерки стали сгущаться, и вместе с тем над водою низко навис туман, через который, однако, удивительно ясно виднелись ледяные горы. Туман становился гуще и гуще, поднимаясь все выше, и в результате, я через два часа вынужден был подняться до самых верхушек некоторых грозвых туч, то есть на высоту в 10.000 футов. Но даже на этой высоте висел туман, через который я мог различить только звезды над головою.

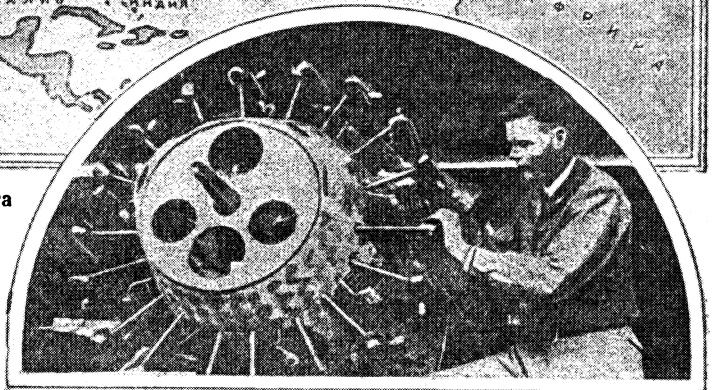
Луна не показывалась, и было, конечно, страшно темно. Некоторые грозвые тучи находились на расстоянии нескольких тысяч футов надо мною, и когда я однажды попытался пролететь через одну особенно густую тучу, аэроплан быстро обледенел; я вынужден был скорей повернуть назад, чтобы выбраться на чистый воздух, и после этого я неизменно делал обход вокруг туч, если не было возможности перелететь через них.

После двухчасового полета в глубокой тьме я увидел, наконец, на горизонте луну, и лететь стало много легче. В час полуночи по Нью-Йорскому времени начало рассветать, и температура поднялась настолько, что уже нечего было опасаться обледенения аппарата.

Вскоре после восхода солнца облака стали встречаться все чаще и чаще, и нередко приходилось пролетать через них, ориентируясь исключительно на основании инструментов. А когда солнце поднялось

Карта полета Линдберга через океан.
Ниже — отважный летчик у мотора своего аэроплана.

несколько выше, туман стал местами прорываться. Зазияли как бы отверстия, и через одно из них я завидел воду. Я спустил аппарат до 100, а то пожалуй даже и меньше футов над водою, и заметил, что океан сплошь покрыт белыми барашками.

Еще некоторое время я летел при довольно ясной погоде, но потом температура стала падать; пришлось подняться на высоту 1500 футов, и все это время я несея через непроницаемый туман. А затем туман опять рассеялся, и я снова завидел воду.

Еще несколько раз случалось, что я был вынужден лететь, ориентируясь только с помощью инструментов, а потом опять туман рассеивался, или, вернее, его разрывало на мелкие части, которые принимали самые забавные очертания. Порою мне чудились берега, на которых я даже видел деревья на фоне горизонта, и до того реальными казались эти миражи, что я наверное принял бы их за подлинные острова, если бы мне раньше не случилось бывать в середине Атлантического океана, где, я знал, нет и признаков суши.

А когда совсем поднялся туман, я опять снизил свой аппарат до уровня воды, летая иногда на высоте 10 футов над волнами и лишь изредка поднимаясь на высоту в 200 футов. Дело в том, что над поверхностью воды или суши лежит более густой слой атмосферы, в котором аэроплан летит, затрачивая меньше энергии, чем при полете на большой высоте. И я использовал это свойство атмосферы и часами летел возможно ниже над водою.

К тому же, летая над водою, мне легче было определить силу ветра и рассчитать, насколько меня относит в сторону. В продолжение всего моего полета ветер был достаточно силен, чтобы образовывать белые барашки на поверхности воды; и так как тот же ветер поднимает брызги пены, то можно было без труда определить его направление и его приблизительную скорость. А пена достаточно долго оставалась на воде, чтобы дать мне возможность выяснить, насколько меня относит.

В течение дня я видел много дельфинов, но очень редко встречались птицы. Что же касается судов, то я не встретил ни одного, хотя, как мне передавали впоследствии, два судна в разных местах видели мой самолет.

Первым признаком приближения к берегу Европы послужило маленькое рыбацье суденышко, которое я заметил в нескольких милях вперед, чуть-чуть к югу от прямого мною направления. Там оказалось несколько рыбацких судов, одно на небольшом расстоянии от другого. Я пролетел над первым суденышком, но не мог обнаружить на нем никаких признаков жизни. Когда я сделал круг над вторым, в окне каютки показалось лицо человека.

Мне случалось иногда обмениваться обрывками фраз с людьми, находившимися на земле; летая очень низко, выкрикивать несколько слов и получать ответ знаками. Увидев этого рыбака, я решил попытаться получить от него кое-какие сведения. Но тотчас же обнаружилось, что из этого

толку не выйдет. Во-первых, рыбак не понимал, повидимому, ни слова по-английски, во-вторых, он был слишком ошеломлен, и едва ли мог бы ответить, если бы даже понял меня. Тем не менее я повторил попытку и, пролетев в нескольких футах от суденышка, крикнул: «В какую сторону лежит Ирландия?» Разумеется, это было бесполезно, я повернул аппарат и возобновил свой путь.

Не прошло и часа, как в отдалении, на северо-востоке, показалась изрезанная гористая линия берега. Я держался на высоте не более 200 футов над водою, когда я увидел землю, отстоявшую, очевидно, милях в 10 или 15 от меня. Надо полагать, что из-за легкого тумана и частых гроз, попадавшихся на моем пути, я так долго не замечал суши. Береговая линия неслась мне навстречу с севера и слегка изгибалась на восток. Я почти не сомневался, что это юго-западная оконечность Ирландии, но, чтобы играть наперевязь, я свернул с взятого пути и пустился напрямик к ближайшей точке на суше. Обнаружив мыс Валентию и залив Дингл, я продолжал путь по компасу, взяв направление на Париж.

После того, как я покинул Ирландию, я встретил целый ряд судов, а часа через два вдаль показалось побережье Англии. Я пролетел над южной частью Англии, на юг от Плимута, затем через Английский канал и вскоре миновал уже Шербург и направился к Франции.

Пролетая над Англией, я держался на высоте в 1500 футов, а миновав канал и Шербург, я еще больше снизился и, благодаря этому, лучше ознакомился с этой частью Европы, чем многие туземцы. Воздух был прозрачный, и я мог видеть на расстоянии многих миль в окружности. Я часто слышал от людей, что никто не знает, как следует, местности, в которой живет, пока не увидит ее сверху. Суша принимает совершенно иные очертания, когда глядишь на нее с высоты.

Вскоре после того, как я пролетел Шербург, солнце зашло, но, несколько спустя, стали видны маяки вдоль воздушной линии Париж—Лондон.

В 10 час. вечера, то есть в 5 часов полудни по Нью-Йоркскому времени, я за-

видел огни Парижа, а несколько минут спустя уже кружил над Эйфелевой башней, на высоте 4000 футов.

Огни Лебурже были ясно видны, но почему-то мне показалось, что они находятся уже слишком близко от Парижа. Я был уверен, что этот аэродром значительно дальше отстоит от города, а потому я пролетел еще 4—5 миль на северо-восток, желая убедиться, что там нет другого аэродрома, который мог бы оказаться Лебурже. Затем я вернулся и стал кругами снижаться, держа направление на огни. Вскоре я уже различил длинные ряды ангаров, и мне показалось, что дороги запружены автомобилями.

Я пролетел один раз низко вокруг поля и затем опустился на землю. Едва аэроплан остановился, я повернул его кругом и направил по земле к огням. Но все поле впереди было уже покрыто тысячами людей, которые неслись навстречу моему самолету. Когда появились первые из них, я сделал попытку при их помощи удержать напор толпы, чтобы оттеснить ее от летательного аппарата, но, повидимому, никто не понимал меня, да и все равно никто не мог бы уже мне помочь.

Я выключил мотор из опасения, что винт еще кого-нибудь убьет, и снова сделал попытку устроить кордон вокруг моего самолета. Убедившись в тщетности моих усилий и услышав кряхтение аппарата под натиском многотысячной толпы, я вылез из своего гнезда, чтобы увлечь толпу за собою.

Говорить не было никакой возможности, так как кругом стоял невероятный гул. Только я высунул ногу, как меня вытащили и в течение получаса носили по всему полю. У всех были наилучшие намерения, но никто не знал, чего кто хочет. На выручку пришли французские летчики, пустившиеся на хитрость. Надвинув на голову одного американского корреспондента мой шлем, один из них крикнул: «Вот Линдберг!» Толпа тотчас же отдала все свое внимание корреспонденту, а мне удалось ускользнуть в один из ангаров, куда солдаты в скором времени притащили также мой самолет.

Название твердо лобые прочно укоренилось на столбцах газет СССР по отношению к английским консерваторам. Это вполне понятно при существующем антагонизме между Англией и Союзом Советских Республик. Но и в самой Англии произошел большой сдвиг и сильно изменился взгляд на правящую партию.

Мы помещаем новейший рассказ наиболее популярного писателя-юмориста Англии П. Г. Вудхауза, только что напечатанный в ежемесячнике, распространеннейшем среди высшего и среднего английского общества.

Сила и жизненная убедительность рассказа заключается, может быть, именно в том, что талантливый автор, рисуя тип слабоумного лэндлорда, члена Старейшего Клуба Консерваторов, оставался в пределах чисто художественной литературы. И юмор, не теряя своих достоинств, сам собою превратился в злую и меткую сатиру.

ИМПЕРАТРИЦА БЛЭНДИНГСКАЯ

Рассказ П. Г. ВУДХАУЗА

Иллюстрации Р. Кливера

Благодаря обнаружению факта «Бридгнорским, Шифиэльским и Ольбрайгтонским Аргусом» (того же издательства, что и «Вестник Сеятеля Пшеницы» и «Журнал Скотовода») весь мир знает сегодня, что серебряная медаль по отделу Жирных Свиной на восемьдесят седьмой ежегодной Шропширской Земледельческой Выставке была получена Императрицей Блэндингской, черной беркширской свиной графа Эмворта.

Но очень мало кто знает, как близко было это великолепное животное от потери желанной награды!

Теперь это можно рассказать.

Эта краткая глава Тайной Истории, можно сказать, началась в ночь на восемнадцатое июля, когда Джордж Сирил Уэльбелевед *) (двадцати девяти лет), человек, ходивший за свиньями на службе у лорда Эмворта, был арестован полицейским инспектором Иварсом в Маркет Блэндингс за нахождение в пьяном виде и за нарушение общественной тишины и порядка в кабачке «Козел и Перья». Июля девятнадцатого, после принесения извинений, дачи объяснения, что это был день его рождения и, наконец, после попытки доказать свое alibi, Джордж Сирил был по заслугам осужден на четырнадцать дней без замены штрафом.

Июля двадцатого, Императрица Блэндингская, бывшая до сих пор усердным и даже увлекающимся едоком, в первый раз за все время отказалась от всякой пищи. А на утро июля двадцать первого, ветеринарный врач, призванный сделать диагноз и заняться этим страшным слу-

чаем аскетизма, принужден был сознаться лорду Эмворту, что вся эта история была вне его профессионального понимания.

Прежде, чем продолжать, убедимся, что следующие числа у нас проставлены правильно:

Июль 18—Оргия дня рождения Сирила Уэльбелевед.

Июль 19—Заключение в тюрьму вышепоименованного.

Июль 20—Отказ свиной от витаминов.

Июль 21—Ветеринарный врач поставлен в тупик.

Правильно!

Впечатление, произведенное на лорда Эмворта заявлением ветеринарного врача, было подавляющее. Все беспокойства нашей современной сложной жизни обычно оставляли этого рассеянного и любезного пэра невозмутимым. Он находился в спокойном-счастливом состоянии, пока у него был солнечный свет, еда в определенные часы и уверенность в том, что ему не придется находиться в обществе своего младшего сына Фредерика. Но в его броне были трещины, и через одну из них его пронзили сегодня утром. Пораженный новостью, он стоял у окна большой библиотеки в Блэндингском замке и смотрел вдаль невидящими глазами.

В это время открылась дверь. Лорд Эмворт обернулся. Он моргнул раза два,—это было его обыкновением, когда что-нибудь неожиданно вставало перед ним,—и узнал в вошедшей красивой женщине величественного вида свою сестру, леди Конганцию Кибль. Ее поведение так же, как и его, выдавало глубочайшее волнение.

— Кларенс! — воскликнула она, — случилась ужасная вещь.

*) Весьма любимый.

Лорд Эмсворт мрачно кивнул головой.

— Я знаю. Он только что сказал мне.

— Как? Он был здесь?

— Только сию минуту вышел.

— Зачем же ты его отпустил? Ты должен был знать, что я захочу его видеть.

— Что за польза была бы от этого?

— Я могла бы, по крайней мере, уверить его в своем расположении,— обиженно сказала лэди Констанция.

— Да, я думаю, что ты могла бы,— сказал лорд Эмсворт, подумав над этим вопросом.— Но нельзя сказать, что он заслуживает расположения. Этот человек—осел.

— Ничего подобного. Очень умный молодой человек, как обыкновенно бывают молодые люди.

— Молодой? Ты называешь его молодым? Я бы сказал, что ему не больше, не меньше, как пятьдесят лет.

— Да ты с ума сошел! Хичэму—пятьдесят?

— Не Хичэму. Смизерсу.

Как это часто случилось с лэди Констанцией, когда она разговаривала с братом, она ощутила легкое головокружение.

— Не будешь ли ты так добр, Кларенс, сказать мне в нескольких простых словах о чем, по-твоему, мы говорим?

— Я говорю про Смизерса. Императрица Блэндингская отказывается от еды, и Смизерс говорит, что ничего не может с этим поделать. А еще называет себя ветеринаром!

— Так ты, значит, не слышал! Кларенс, случилась ужасная вещь. Анджела порвала с Хичэмом.

— А в среду на этой неделе Сельско-Хозяйственная Выставка!

— Да что же тут общего?—спросила лэди Констанция, снова почувствовав приступ головокружения.

— Что тут общего?—с теплотой в голосе произнес лорд Эмсворт.— Моя боевая свинья начинает отказываться от пищи, когда осталось меньше десяти дней, чтобы подготовиться к самому серьезному осмотру

при конкуренции прекраснейших местных свиной...

— Перестанешь ты бормотать про свою несносную свинью? Обрати же, наконец, внимание на то, что, действительно, важно. Я говорю тебе, что Анджела—твоя племянница Анджела—порвала с лордом Хичэмом и заявила намерение выйти замуж за этого безнадежного неудачника Джемса Белфорда.

— Сын старика Белфорда, священника?

— Да.

— Она не может выйти за него, он в Америке.

— Он не в Америке. Он в Лондоне.

— Нет,—сказал лорд Эмсворт, философски покачивая головой.— Ты ошибаешься. Я помню, что встретил его отца два года тому назад на дороге возле двадцатикрового поля Микера, и он совершенно ясно сказал мне, что мальчик отплывает на следующий день в Америку. Он должен быть теперь там.

— Да неужели ты не понимаешь? Он вернулся!

— Он? Вернулся? Понимаю. Вернулся?

— Ты знаешь, что когда-то у него с Анджелой была глупенькая, сентиментальная история. Но через год после его отъезда она стала невестой Хичэма, и я думала, что со всем этим покончено навсегда. А теперь оказывается, что она встретила на прошлой неделе в Лондоне этого молодого человека, Белфорда, и все началось сначала. Она говорит мне, что написала Хичэму и порвала с ним.

Наступило молчание. Брат и сестра погрузились на некоторое время в раздумье. Первым заговорил лорд Эмсворт.

— Мы пробовали кормить желудями,—сказал он.—Пробовали снятое молоко. И даже пробовали картофельную кожуру. Но нет, она ни до чего не хочет и дотрагиваться.

Ощутив на своей чувствительной коже взгляд двух мечущих искры глаз, он вдруг пришел в себя.

— Нелепо! Смешно! Глупо!—торопливо произнес он.—Порвать с же-

нихом! Фу! Чепуха! Какие глупости! Я поговорю с этим молодым человеком. Если он воображает, что может тут у меня забавляться с моей племянницей и бросить ее потом даже без...

— Кларенс!

Лорд Эмсворт заморгал глазами. Кажется, получалось что-то не то, но он не мог сообщить, что именно. Ему казалось, что в последних словах он взял как раз верную ноту—сильную, выразительную, полную достоинства.

— А?

— Это Анджела порвала с ним.

— Ах, Анджела?

— Этот Белфорд вскружил ей голову. Вопрос теперь в том, что мы станем с этим делать?

Лорд Эмсворт подумал.

— Надо проявить твердость,—решиительно сказал он.—Не допускай никаких глупостей. Не посылай им свадебного подарка.

Нет сомнения, что если бы лэди Констанция успела, она нашла бы и высказала замечание, достойное этого идиотского совета. Но в то время, как слова готовы были сорваться с ее языка, открылась дверь и в комнату вошла девушка.

Это была хорошенькая девушка с белокурыми волосами и голубыми глазами, которые в тихие минуты, самым разнообразным людям, вероятно, напоминали две лагуны, дремлющие под южным небом. Но сейчас была не такая минута. Когда глаза лорда Эмсворта встретились с ними, они были похожи на нечто, вылетающее из кислородно-ацетиленовой паяльной трубки. И он смутился настолько, насколько вообще его могло смущать что-нибудь, что не было его младшим сыном Фредериком. Анджела была, очевидно, чем-то взволнована, и ему было жаль ее. Он любил Анджелу.

Чтобы облегчить натянутое положение, он сказал:

— Анджела, дорогая моя, знаешь ты что-нибудь о свиньях?

Девушка засмеялась тем резким, горьким смехом, который так неприятен после завтрака.

— Да, знаю. Вы—свинья.

— Я?

— Да, вы. Тетя Констанция говорит, что если я выйду замуж за Джимми, вы не отдадите мне моих денег.

— Денег? Денег?—Лорд Эмсворт был в некотором недоумении.—Какие деньги? Ты никогда не давала мне займы.

Чувства лэди Констанции вылились в звук, напоминавшем перекаливавшийся радиатор.

— Я думаю, что такая рассеянность с твоей стороны, Кларенс, не что иное, как смешная поза. Ты отлично знаешь, что когда бедная Юлия умирала, она назначила тебя опекуном Анджелы.

— И я не могу тронуть без вашего разрешения своих денег, пока мне не будет двадцати пяти лет.

— Хорошо, так сколько же тебе лет?

— Двадцать один год.

— Так о чем же ты беспокоишься?—удивленно спросил лорд Эмсворт.—Тебе еще целых четыре года ждать, нечего об этом беспокоиться. Сохрани меня бог, деньги в целости! Они в надежных бумагах.

Анджела топнула ногой. Движение—неподходящее для благовоспитанной девицы, но гораздо хуже было бы дать дядюшке пинка этой ногой, как внушали девушке более низменные инстинкты ее натуры.

— Я сказала Анджеле, — пояснила лэди Констанция, — что мы, конечно, не можем ее заставить выйти замуж за лорда Хичэма, но можем, по крайней мере, удержать ее деньги и не дать этому моту, с которым она собирается погубить себя, растратить их.

— Он не мот. У него совершенно достаточно денег, чтобы жениться на мне, но ему нужен некоторый капитал, чтобы войти компаньоном...

— Он—мот. Разве его не посылали за границу, потому что...

— Это было два года тому назад. А с тех пор...

— Моя милая Анджела, ты можешь убеждать сколько хочешь...

— Я не убеждаю. Я просто говорю, что выйду замуж за Джимма, если

нам с ним даже придется умирать с голоду в сточной трубе.

— В какой сточной трубе?—осведомился его милость лорд, отрывая свою блуждающую мысль от дум о желудках.

— В любой канаве!

— Но, послушай же меня, Анджела.

Лорду Эмсворту казалось, что разговор ужасающе оживился. У него было ощущение, что он стал беспомощным обломком на волнующемся море женских голосов. Казалось, что и сестре его, и племяннице нужно было сказать очень много, и они говорили и одновременно, и fortissimo. Он с тоской посмотрел на дверь.

Это было сделано очень гладко. Поворот ручки—и он очутился там, где вне этих голосов было спокойствие. Он галопом, весело, сбегал по лестнице и выскочил на солнечный свет.

Но веселость его была недолговременна. Как только мысль его смогла свободно остановиться на действительно серьезных жизненных вопросах, она тотчас стала мрачна. Снова на него надвинулась туча, которая давила его душу еще до всей этой истории Хичэм — Анджела — Белфорд. Каждый шаг, приближавший его к стойлу, где пребывала Императрица Блэндингская, казался тяжелее предыдущего. Он дошел до стойла и, склонившись над перилами, хмуро посмотрел на обширные формы помещавшейся внутри свиньи.

Несмотря на то, что она последнее время посадила себя на диету, Императрица Блэндингская была далеко не плохо — кормленным животным. Она напоминала воздушный шар с ушами и хвостом и была так кругла, как только может быть свинья, не лопааясь. Несмотря на это, лорд Эмсворт печалился, глядя на нее, и не мог утешиться. Еще несколько хороших

обедов ей «за пояс», — и ни одна свинья во всем Шропшире не могла бы поднять головы в присутствии Императрицы. А теперь, только из-за этих нескольких, не хватающих обедов, это великолепнейшее животное отступит во мрак всего только «Почетного отзыва». Это было горько, горько!

Он заметил, что кто-то говорит с ним. Обернувшись, он увидел торжественного молодого человека в костюме для верховой езды.

— Ну, вот, — сказал молодой человек.

Лорд Эмсворт предпочел бы одиночество, но почувствовал облегчение, увидав, что нежеланный гость был по крайней мере одного с ним пола. Женщины склонны отвлекаться в сторону, но мужчины практичны и можно положиться на то, что они будут держаться сути дела. Кроме того, молодой Хичэм, вероятно, сам разводил свиней и у него мог быть в запасе тот или другой полезный совет.

— Анджела, дорогая моя, знаешь ты что-нибудь о свиньях?

— Да, знаю, Вы свинья.

— Ну, вот, я только что приехал, чтобы посмотреть, не могу ли я что-нибудь сделать в этой ужасной истории.

— Необычайно мило и внимательно с вашей стороны, мой дорогой,—сказал растроганный лорд Эмсворт. — Боюсь, что дело обстоит очень плохо.

— Это является для меня совершенно непонятным.

— И для меня тоже.

— Я хочу сказать, что еще на прошлой неделе все было с ней в порядке.

— С ней все было в порядке до третьего дня.

— Она казалась веселой и щебетала, и все такое...

— Совершенно верно.

— И вдруг такой случай,—можно сказать,—гроза с голубого неба!

— Именно так. Это необъяснимо. Мы делали все возможное, чтобы возбудить ее аппетит.

— Ее аппетит? Разве Анджела больна?

— Анджела? Нет, не думаю. Она казалась совершенно здоровой несколько минут тому назад.

— Так вы ее видели сегодня утром? Говорила она что-нибудь про эту ужасную историю?

— Нет, она говорила про какие-то деньги.

— Все это так чертовски неожиданно.

— Как удар грома с голубого неба,—повторил лорд Эмсворт. — Никогда прежде не случалось таких историй. Я боюсь худшего. По Вольф-Леманнской системе корма, находящаяся в здоровом состоянии свинья должна поглощать ежедневно пищу, содержащую до пятидесяти семи тысяч восьмисот калорий. Калории же эти должны состоять из четырех фунтов пяти унций протендов, двадцати пяти фунтов углеводов...

— Но что же тут общего с Анджелой?

— С Анджелой?

— Я приехал, чтобы узнать, почему порвала со мной Анджела?

Лорд Эмсворт постарался привести в порядок свои мысли. Он смутно помнил, что слышал что-то об этом. Теперь воспоминания вернулись к нему.

— Ах, да, конечно. Она порвала с вами, не правда ли? Я думаю, что это произошло потому, что она влюблена в кого-то другого. Да, теперь вспоминаю, что это было высказано совершенно определенно. Я вспоминаю теперь всю эту историю. Анджела решила выйти замуж за кого-то другого. Я знал, что всему этому есть какое-то удовлетворительное объяснение. Скажите мне, дорогой мой, как вы смотрите на питание льняным семенем?

— Что такое льняное семя?

— Да — льняное семя,—повторил лорд Эмсворт, не находя другого определения,—как корм для свиней.

— Ах, будь прокляты все свиньи!

— Что? — В голосе лорда Эмсворт был какой-то недоуменный ужас. Он никогда не чувствовал особенного расположения к молодому Хичэму, потому что вообще мало внимания уделял молодому поколению. Но он никогда не предполагал, что Хичэм способен на такое анархистское чувство.—Что вы сказали?

— Я сказал: «будь все свиньи прокляты!» Вы все говорите про свиней. Я не интересуюсь свиньями. Пусть разорвет всех свиней в мире и пусть они будут прокляты!

Лорд Эмсворт смотрел вслед уходящему Хичэму с чувством, в котором было и возмущение, и облегчение. Возмущение — потому что землевладелец и такой же, как и он, сын Шропшира дошел до того, что произнес такие слова; облегчение — что человек, способный произнести такие слова, не войдет в его семью. Он всегда очень любил племянницу Анджелу, насколько был способен на это при своей бараньей голове. Приятно было сознавать, что дитя так благо разумно и так хладнокровно разбирается в людях. Многим девушкам ее возраста вскружили бы голову блеск положения молодого Хичэма и его богатство. Она же, проницательная не по возрасту, угадала, что он был ненадежен в вопросе о свиньях, во время отступила и отказалась выходить за него замуж.

Приятная теплота расширила грудь лорда Эмсворта, но несколько мгно-

вений спустя она вымерзла при виде идущей на него сестры Констанции. Лэди Констанция была красивая женщина, но бывали случаи, когда обаяние ее уничтожалось неким странным выражением лица. И еще с детских дней лорд Эмсворт знал, что это предвещало неприятности. Такое выражение было и теперь на ее лице.

— Кларенс,—сказала она.—С меня довольно этих глупостей Анджелы и молодого Белфорда. Нельзя допустить, чтобы это так продолжалось. Ты должен ехать в Лондон с двухчасовым поездом.

— Что? Как?

— Ты должен повидать этого Белфорда и сказать ему, что если Анджела будет настаивать на том, чтобы выйти за него замуж, она четыре года не получит ни одного пенса. Меня очень удивит, если такое сообщение не приведет к концу всю эту историю.

Лорд Эмсворт задумчиво почесывал объемистую спину Императрицы. На его кротком лице было выражение протеста.

— Не вижу, почему бы ей не выйти замуж за этого молодого человека,—пробормotal он.

— Выйти замуж за Джемса Белфорда?

— Не вижу, почему бы и нет. Она, кажется, любит его и все такое.

— В твоей голове, Кларенс, никогда не было и крошки разума. Анджела выйдет замуж за Хичэма.

— Не выношу этого человека. Ни чего не смыслил в свиньях.

— Кларенс, я больше не хочу никаких споров и доводов. Ты поедешь в Лондон с двухчасовым поездом. Ты повидашь мистера Белфорда. И ты скажешь ему про деньги Анджелы. Все ли тебе ясно?

— Ах, отлично,—хмуро сказал лорд Эмсворт. — Отлично. отлично, от лично.

— Ах, будь прокляты все свиньи!

— Что?—с недоуменным ужасом вскрикнул лорд Эмсворт...

Чувства, испытываемые лордом Эмсвортом, были не из живейших и не из приятнейших, когда он сидел на следующий день за завтраком в Старейшем Клубе Консерваторов и смотрел через стол на своего гостя Джемса Бартоломея Белфорда. И так уж достаточно неприятно было сидеть в Лондоне в такой золотой, солнечный день. Но еще неприятнее было находиться здесь с целью разбить мечты двух молодых людей, к которым у него были теплые чувства.

Теперь, когда лорд Эмсворт подумал об этом, он вспомнил, что всегда любил этого мальчика, Белфорда. Симпатичный юноша и, как ему помнится, со здоровой любовью к деревенской жизни, которая так привлекала его самого. Ни в коем случае не из того сорта юношей, которые в присутствии и у самых ушей Императрицы Блэдингской стали бы говорить неуважительно и с проклятиями о свиньях, как о таковых. Многим людям приходило в голову, что распределение денег в этом мире совершенно неправильно. То же думал и лорд Эмсворт. Почему такой человек, как презирающий сви-

ней Хичэм, обладает рентой в десятки тысяч фунтов стерлингов, тогда как этот, весьма достойный юноша, не имеет ничего?

Эти мысли не только печалили лорда Эмсворта, они смущали его. Он ненавидел неприятности, а ему вдруг пришло в голову, что после того, как он объявит, что капитал Анджелы находится за запорами и освобождения его не предвидится, разговор за завтраком с его молодым знакомым станет довольно затруднительным.

Он решил отложить откровенное объяснение. За завтраком они будут приятно беседовать о том, о сем. А потом, позднее, прощаясь с гостем, он обрушится на него с этой новостью и затем нырнет в глубины клуба.

Такое ловкое решение шекотливого вопроса привело его в значительно лучшее расположение духа, и он прилежно болтал.

— Сады Блэндингса,—говорил он,—особенно привлекательны этим летом. Мой старший садовник Энгус Мак-Аллистер—человек, с которым я не всегда схожусь во мнениях, особенно по вопросу о мальве, где считаю его взгляды в высшей степени пагубными. Но нельзя отрицать, что он понимает розы. Розовый сад...

— Как хорошо я помню этот розовый сад,—сказал Джемс Белфорд, тихонько вздыхая и кладя себе на тарелку брюссельскую капусту.—Мы с Анджелой обыкновенно встречались там по утрам.

Лорд Эмсворт заморгал глазами. Такое начало не ободряло, но Эмсворты были боевым родом. Он сделал новую попытку.

— Я редко видел такие яркие краски, какие там можно было наблюдать в течение июня месяца. Мы оба с Мак-Аллистером вели очень строгую политику с букашками и растительными вшами и в результате весь сад был сплошной массой цветущих Дамасских и Айрширских роз...

— Чтобы оценить розы по достоинству,—сказал Джемс Белфорд,—их надо видеть, как рамку для такой девушки, как Анджела. Ее золотистые волосы, сверкающие на фоне зеленых

листьев, делают розовый сад похожим на настоящий рай.

— Без сомнения,—сказал лорд Эмсворт.—Без сомнения. Я рад, что вам понравился мой розовый сад. В Блэндингсе у нас, конечно, имеются естественные преимущества почвы, богатой питанием для растений. Но, как я часто говорю Мак-Аллистеру,—и в этом вопросе у нас никогда не было ни малейшего расхождения,—глинистая почва сама по себе не достаточна. У вас должен быть навоз. Если каждую осень обильно покрывать грядки навозом, а весной, перед ежегодным разрыхлением, снимать наиболее грубый слой...

— Анджела говорила мне,—сказал Джемс Белфорд,—что вы запретили наш брак.

Лорд Эмсворт в страхе поперхнулся дышленком. Такая прямота,—сказал он себе с острым чувством жалости к самому себе,—приобреталась молодыми англичанами в Америке. Дипломатическое разглагольствование процветает только в более устоявшихся цивилизациях, а в этих энергичных и живых условиях вы учитесь быстро говорить, сейчас же действовать и разным другим неудобным вещам.

— Мм.. что ж, да раз вы упомянули об этом, мне думается, что состоялось некоторое неофициальное решение такого рода. Видите ли, дорогой мой, моя сестра Констанция чувствует очень сильное...

— Я понимаю. Мне кажется, что она думает, что я нечто в роде расточителя.

— Нет, нет, мой дорогой. Она этого никогда не говорила. Она употребляла выражение—«мол».

— Что-ж, быть может, я в таком направлении и начинал работу. Но можете мне поверить на слово, что когда вы оказываетесь на службе на ферме в Небраске, принадлежащей толстолицему, откормленному патриарху с серьезными взглядами на работу и с богатым словарем, вы быстро развиваете известную подвижность в работе.

— Вы служите на ферме?

— Я служил на ферме.

— Свиньи?—произнес лорд Эмсворт тихим, взволнованным голосом.—

— Среди другого были и свиньи.
Лорд Эмсворт захлебнулся. Руки его впились в скатерть.

— Так вы, может быть, дадите мне совет. Последние два дня моя призовая свинья Императрица Блэндингская отказывается от всякой пищи. А сельско-хозяйственная выставка открывается в среду на этой неделе. Я схожу с ума от беспокойства.

Джемс Белфорд задумчиво нахмурился.

— Что говорит по этому поводу человек, который ходит у вас за свиньями?

— Он два дня тому назад посажен в тюрьму. — Два дня! — Смысл этого совпадения поразил его впервые. — Вы не думаете, что потеря аппетита у свиньи может находиться в связи с этим?

— Конечно, я думаю, что она чувствует его отсутствие и тоскует, что его нет.

Лорд Эмсворт был поражен. Его знакомство с Джорджем Сирилем Уэльбелевел было весьма далеким, но, насколько лорд Эмсворт его знал, за ним нельзя было подозревать такого рокового обаяния.

— Она, вероятно, скучает, что не слышит по вечерам его зова.

Лорд Эмсворт снова был поражен. Он и понятия не имел, что свиньи так привержены к формальностям общественной жизни.

— Его зова?

— У него был, очевидно, особый зов для нее, когда он звал ее обедать. Первое, чему вы учитесь на ферме, это — созывать свиней. Свиньи — темпераментны. Позовите их не так, как нужно, и они скорее подойдут, чем сунут нос в кормушку. Позовите их как следует, и они пойдут за вами на край света с текущими изо рта слюнями. Я знал в Небраске человека, который созывал свиней, постукивая своей деревянной ногой о край корыта.

— Неужели?

— Но случилось несчастье. Как-то раз вечером они услышали стук дятла на верхушке дерева и полезли наверх. Когда человек вышел, он увидел, что все они лежат вокруг дерева со сломанными шеями.

— Теперь не время для шуток, — сказал уязвленный лорд Эмсворт.

— Я не шучу. Это факт. Спросите там кого угодно. Но если вы хотите получить сведения о том, как надо созывать свиней, вы попали на кого следует. Я учился у Фреда Патцеля, чемпиона. Что это был за знаток!

Я видал, как свинье котлеты срывались со своих тарелок, когда этот человек кричал: «Свинья—У-у-ей!»

— Свинья...?

— У-у-ей!

— Свинья—У-у-ей!

— Вы не совсем верно уловили. Первый слог должен быть короткий и staccato, второй — длинный и переходящий в фальцет, высокий, но стойкий.

— Свинья—У-у-ей!

— Свинья—У-у-ей!

— Свинья—У-у-ей! — затянул лорд Эмсворт, откидывая назад голову и переходя в высокий, пронзительный теноровый тон, заставивший девяносто трех Старейших Консерваторов, застрававших по соседству с ним, превратиться в живых статуй, изображавших испуг и порицание.

— Больше силы дайте звуку «у», — посоветовал Джемс Белфорд.

— Свинья—У-у-ей!

Старейший Консервативный Клуб является одним из немногих в Лондоне мест, где застравающие не привыкли к музыке во время еды. Финансисты с седыми баками мрачно уставились на лысых политических деятелей, молчаливо спрашивая их, как тут быть. Лысые политические деятели также уставились на финансистов с седыми баками, отвечая на языке глаз, что они не знают. Преобладающим чувством всех присутствующих было смутное решение написать про это Комитету.

— Свинья—У-у-ей! — распевал лорд Эмсворт. В это же время взгляд его упал на часы над камином. Стрелка показывала без двадцати минут два.

Он порывисто вскакил. Лучшим в течение дня поездом в Маркет Блэндингс был поезд, отходивший в два часа с Пэддингтонского вокзала. После него не было поезда до пяти часов пятидесяти.

Лорд Эмсворт не был из тех людей, которые много думают. Но когда он думал, то это значило, что он и действовал. Минуту спустя он мчался по ковру, направляясь к двери, выходившей на широкую лестницу.

В покинутой им теперь комнате стало общим решение заявить Комитету в самых энергичных тонах. Было вычеркнуто всякое воспоминание о лорде Эмсворте, кроме одного единственного слова: «Свинья—У-у-ей!»

Шепча магические слоги, промчался лорд в переднюю и обрел там свою шляпу. Бормоча их снова и снова, прыгнул он в извозничью коляску. Он все еще повторял их, когда тронулся поезд. Он, без сомнения, повторял бы их всю дорогу до Маркет Блэндингс, если бы через десять минут не заснул по своей неизменной привычке спать во время железнодорожных путешествий.

Он неожиданно проснулся, когда поезд остановился на Суиндонском Разъезде. Он выпрямился и, по своему обыкновению в таких случаях, стал раздумывать, кто он и где он. Память вернулась к нему, но, увы! Неполна. Он вспомнил свое имя. Он вспомнил, что возвращается домой из поездки в Лондон. Но он совершенно забыл, что нужно было говорить свинье, приглашая ее слегка пообедать.

Мнение лэди Констанции Кибль было, что брат ее Кларенс выказал себя настоящим идиотом во время экспедиции в Лондон для объяснений с Джемсом Белфордом. Она словесно выражала это мнение за обедом в те короткие промежутки, когда они были одни, и, по способу безмолвной телепатии, когда Бич, домоправитель, присоединял свое достойное присутствие к происходившим за обедом действиям.

Не было никакой нужды приглашать этого Белфорда к завтраку. Но уж раз он был приглашен—оставить его сидеть, не высказав ему прямо, что у Анджелы четыре года не будет денег, было поступком прирожденного дурака. Лэди Констанция уже с детства знала, что у ее брата столько же ума, как у...

Тут вошел Бич, сопровождая по-

явление сладкого кушанья, и ей пришлось прервать свои замечания.

Такой род беседы не может быть приятен чувствительному человеку, и его милость отступил из опасной зоны, как только ему это удалось. Он сидел теперь в библиотеке, потягивая портвейн, и напрягал мозг, который не был предназначен для трудных упражнений, стараясь вспомнить это магическое слово, похищенное у него несчастной привычкой спать в поезде.

— Свинья...

Это он помнил. Но что за польза была в одном этом слове? И, как ни слаба была его память, он все же помнил, что вся суть была в следовавших дальше слогах. «Свинья»— было всего только вступлением.

Лорд Эмсворт допил портвейн и встал. Он чувствовал беспокойство, ему трудно было дышать. Летняя ночь, казалось, посылала ему зовы, точно сереброголосый пастух, созывающий своих свиней. Быть может, думал он, свежий воздух подействует возбуждающе на клеточки его мозга. Он спустился вниз по лестнице. Достав из шкафа неприличную старую шляпу с большими полями, которую он прятал от сестры Констанции, чтобы она не завладела ею и не сожгла ее, он тяжелыми шагами вышел в сад.

Без цели топтался он взад и вперед в части сада, находившейся позади замка, когда на его пути появился стройный женский силуэт. Он узнал его без всякого удовольствия. Любой непредубежденный судья сказал бы, что его племянница Анджела, освещенная мягким, бледным светом, напоминает какого-то грациозного Духа Луны. Но лорд Эмсворт не был непредубежденным судьей. Ему Анджела напоминала всего только беспокойство. Ход цивилизации снабдил современную молодую девушку таким словом и умением владеть им, какого никогда не было у ее бабушки. Лорд Эмсворт ничего бы не имел против того, чтобы встретить ее бабушку.

— Это ты, дорогая моя?—нервно спросил он.

— Да.

— Свинья—У-у-ей!—затянул пронзительно лорд Эмсворт. Девяносто три Старейших Консерватора превратились в живых статуй, изображающих испуг и порицание.

- Я не видел тебя за обедом.
- Я не хотела обедать. Я подавилась бы едой. Я не могу есть.
- Точь в точь то же самое с моей свишьей,—сказал лорд Эмсворт.—Молодой Белфорд говорит мне... Величественное презрение Анджелы вдруг сменилось оживлением,

— Вы видели Джимми? Что он говорил?

— Вот этого то я и не могу вспомнить. Начиналось со слова «свинья»...

— Да, но я хочу знать, что он сказал после того, как кончил говорить про вас. Он ничего не говорил о том, что придет сюда?

— Насколько я помню, не говорил.

— Я уверена, что вы не слушали. У вас есть очень неприятная привычка, дядя Кларенс,—материнским тоном сказала Анджела,—выключать вашу голову и сразу тухнуть, когда люди с вами разговаривают. Вас очень многие не любят за это. А рэве Джимми ничего не говорил про меня?

— Кажется, говорил. Да, я почти уверен, что он говорил.

— Так что же он говорил?

— Не могу вспомнить...

В темноте раздался резкий шелкающий звук. Это верхние зубы Анджелы стукнулись о нижние. За этим последовало какое-то восклицание без слов. Было слишком ясно, что любовь и уважение, которые племянница должна была бы чувствовать к дяде, сильно шли в настоящий момент на убыль.

— Я хотел бы, чтобы ты не делала этого, — жалобно сказал лорд Эмсворт.

— Чего не делала бы?

— Не шелкала бы так на меня...

— Я буду шелкать на вас. Вы отлично знаете, дядя Кларенс, что ведете себя, как слизняк.

— Как что?

— Как слизняк, — объяснила холодно племянница, — это низший род червяков. Не из тех, что вы видите на лужайках и к которым можно относиться с почтением, а действительно самый низкий вид червяка.

— Я хотел бы, чтобы ты вернулась домой, дорогая моя, — сказал лорд Эмсворт. — Ты можешь простудиться в ночном воздухе.

— Я не пойду домой. Я вышла сюда, чтобы смотреть на луну и думать о Джимми. А если дошло до этого, то что вы тут делаете?

— Я пришел сюда, чтобы думать. Я страшно озабочен моей свиньей,

Императрицей Блэдингской. Она два дня отказывалась от пищи, и молодой Белфорд говорит, что она не станет есть, пока не услышит настоящей зов или крик. Он очень любезно научил меня ему, но к несчастью, я его забыл.

— Я удивляюсь, что у вас хватило решимости попросить Джимми научить вас свиным зовам, когда вы так поступили с ним...

— Но..

— Как с прокаженным или как с чем-то таким. Все, что я могу сказать, это, — что если вы вспомните его зов и Императрица станет есть, вам стыдно будет не давать мне разрешения выйти за него замуж.

— Дорогая моя, — с чувством сказал лорд Эмсворт, — если, благодаря искусству молодого Белфорда, удастся заставить Императрицу Блэдингскую снова принимать пищу, я ни в чем не откажу Белфорду. Ни в чем!

— Вы даете ваше честное слово?

— Я даю свое торжественное слово.

— Вы не допустите, чтобы тетья Констанция своей бранью заставила вас взять ваше слово обратно?

Лорд Эмсворт выпрямился.

— Конечно, нет, — гордо сказал он. — Я готов выслушивать мнения твоей тети Констанции, но есть известные обстоятельства, где я требую права действовать соответственно своему собственному суждению.

Он замолчал и задумался. Начиналось со слова «свинья»...

Где-то поблизости послышалась музыка. Прислуга, закончив дневной труд, освежалась граммофоном экономки. Для лорда Эмсворга эти звуки были лишним беспокойством. Он не любил музыки. Она напоминала ему его младшего сына Фредерика, бесцветного, но упорного певца и в то время, когда он сидел в ванне, и вне ее.

— Да, я совершенно определенно помню начало. Свинья... свинья...

— Уу...

Лорд Эмсворт сделал прыжок на месте. Точно его коснулся электрический ток.

— Уу... Кто похитил мое сердце? — вынул граммофон.

— Тишина летней ночи была сотрясена торжествующим криком.

— Свинья... у-у-ей!

Открылось окно. Показалась большая лысая голова. Голос с достоинством произнес:

— Кто там? Кто это так шумит?

— Бич! — воскликнул лорд Эмсворт, — выходите сейчас же сюда!

— Слушаю, ваша милость.

И прекрасная ночь немедленно стала еще очаровательнее от присутствия домоправителя.

— Бич, послушайте, что я вам скажу.

— Слушаю, ваша милость.

— Свинья—у-у-ей!

— Слушаю, ваша милость.

— Теперь сделайте вы так.

— Я, ваша милость?

— Да, так сзывают свиней.

— Я не сзываю свиней, ваша милость, — холодно сказал домоправитель.

— Зачем вы хотите, чтобы Бич это кричал? — спросила Анджела.

— Две головы лучше одной. Когда мы оба заучим это, так будет не важно, если я снова и забуду.

— Да, да. Живее, Бич. Выталкивайте скорее из груди, — оживленно торопила его девушка. — Вы не знаете, по это вопрос жизни или смерти. Пободритесь, Бич! Надуйте легкие и действуйте.

Домоправитель намеревался холодно объяснить лорду Эмсворту, что не его дело стоять и практиковаться в лунном свете, как созывать свиней. Этому он собирался предпослать заявление, что он служит в замке уже восемнадцать лет. Если, — продолжал бы он, — его милость смотрит на дело с другой точки зрения, то его, Бича, тягостной обязанностью было бы предложить свое увольнение от должности, входящее в силу через месяц, считая с этого дня.

Но вмешательство Анджелы делало это невозможным для человека с рыцарской натурой и с сердцем. Отцовская нежность к девушке, родившаяся в те дни, когда он стал разыгрывать — и очень убедительно, — потому что его фигура поддавалась перевоплощениям, — роль гиппопотама для

ее детских забав, — сдержала слова, которые он хотел произнести. Она смотрела на него ясными глазами и даже воспроизведение свиних звуков казалось такой незначительной жертвой ради нее.

— Слушаю, ваша милость, — сказал он тихим голосом, с лицом бледным и серьезным в лунном свете. Я постараюсь удовлетворить ваше требование. Я только предварительно предложил бы, ваша милость, чтобы мы удалились на несколько шагов дальше от помещения для прислуги. Если меня услышит кто-нибудь из младших слуг, это повредит моему положению, как силы дисциплинирующей.

— Какие мы чурбаны — воодушевленно воскликнула Анджела, — подходящее для этого место — возле стойла Императрицы. Тогда, если это будет действовать, мы и увидим, что это действует.

Лорд Эмсворт нашел это сначала несколько непонятным, но мгновение спустя схватил смысл предложения.

— Анджела, — сказал он, — ты очень умная девушка. От кого ты унаследовала разум, не знаю. Только не с моей стороны.

Миниатюрная резиденция Императрицы Блэдингской выглядела в лунном свете очень уютной и привлекательной. Но даже и за прекрасными вещами в жизни всегда скрывается печаль. В настоящем случае это подтверждалось длинным, низким корытом, слишком красноречиво полным до краев сочными отрубями и жедудями. Пост, очевидно, все еще продолжался.

Стойло находилось на порядочном расстоянии от стен замка, так что лорд Эмсворт широко мог пользоваться обстоятельствами и репетировать по дороге со своей маленькой компанией... К тому времени, как они встали вдоль перил, его два ассистента были великолепно обучены.

— Начинаем, — произнес его милость.

В летней ночи разнесся странный сложный звук, заставивший дремавших на деревьях птиц ракетами вылететь со своих мест. Чистое сопрано Анджелы звенело пронзительно, как

голос дочери деревенского кузнеца. Лорд Эмсворт присоединил к нему свой высокий тенор. Басовые ноты Бича, вероятно, испугали птиц больше, чем какая-нибудь из других частей программы.

Они замолчали и прислушались. В будуаре Императрицы послышалось движение тяжелого тела. Раздалось вопросительное хрюканье. В следующую минуту холст, прикрывавший входное отверстие, откинулся и показалось благородное животное.

— Начинаем!—снова сказал лорд Эмсворт.

Еще раз сотряс тишину ночи музыкальный крик. Но он не вызвал ответного движения со стороны Императриды Блэдингской. Она стояла неподвижно, подняв рыло, с висящими вниз ушами, с глазами, устремленными куда угодно, только не на корыто, где, по праву, она уже должна была бы рыться и уплетать с аппетитом. Холод разочарования пополз по спине лорда Эмсворта и сменился приступом бурного гнева.

— Я должен был знать, что это так и будет,—произнес он с горечью.— Этот молодой бездельник обманул меня. Он сыграл со мной шутку.

— Нет, он не делал этого,—возмущенно воскликнула Анджела.— Не правда ли, Бич?

— Не зная обстоятельств, мисс, я не рискую высказывать свое мнение.

— Так почему же это не производит тогда действия?—спросил лорд Эмсворт.

— Нельзя же ожидать, что это так сразу и подействует. Мы, ведь, расшевелили ее, не правда ли? Она вот теперь и обдумывает. Еще раз—и это подействует. Готовы, Бич?

— Готов, мисс.

— Так, когда я скажу три. И на этот раз, дядя Кларенс, умоляю вас не выть так, как прежде. Этого было достаточно, чтобы отогнать любую свинью. Пусть льетса совсем свободно и легко. Ну, теперь, раз, два, три!

Эхо замерло вдали. И в это время чей-то голос произнес:

— Хоровое пение?

— Джимми!—воскликнула Анджела, поворачиваясь на месте.

— Алло, Анджела! Алло, лорд Эмсворт! Алло, Бич!

— Добрый вечер, сэр, счастливи снова увидеть вас.

— Спасибо. Я провожу несколько дней в приходе у своего отца. Я приехал сюда с поездом в пять-пять.

Лорд Эмсворт раздраженно оборвал этот обмен любезностями.

— Молодой человек,—сказал он.— Что вы подразумевали, говоря мне, что моя свинья отзовется на этот крик? Она и не думает.

— Так вы неверно делали.

— Я делал это так точно, как вы меня учили. Кроме того, мне помогали вот этот Бич и моя племянница Анджела...

— Послушаем-ка образец.

Лорд Эмсворт прочистил горло:

— Свинья у-у-ей!

Джемс Белфорд покачал головой.

— Ничего похожего,—сказал он.— Вы должны начинать «у» низко в миноре, тянуть ноту две четверти в темпе четыре четверти. Отсюда переходите на более высокую ноту, пока, наконец, голос, несясь полным *scendo*, достигает резкого «F» на естественной гамме и, задержавшись на две запоздалые полуноты, разбивается ливнем случайных фиоритур.

— Спаси, господи, мою душу!—сказал пораженный лорд Эмсворт.— Я никогда не буду в состоянии сделать это.

— Джимми сделает за вас,—сказала Анджела.— Теперь, когда он мой жених, он будет членом нашей семьи и постоянно будет тут находиться. Он может проделывать это каждый день, пока не кончится выставка.

Джимми Белфорд кивнул головой.

— Я думаю, что это было бы самым умным планом. Сомнительно, чтобы простой любитель мог когда-нибудь добиться настоящих результатов. Тут необходим голос, упражнявшийся в открытых прериях и приобревший богатство и силу от состязаний с бурями. Тут вам нужен мужественный, загорелый, обветренный голос с намеком в нем на шуршание шелухи от зерна и на шопот вечер-

него ветерка в кормушке для скота. Вот такой...

Опершись руками на перила, Джемс Белфорд вадудся на их глазах, как молодой воздушный шар. На его скулах выступили мускулы, лоб его собрался в складки, уши, казалось, засветились. Потом, на самой высоте напряжения он издал звук, подобный, по прекрасному сравнению поэта, звуку великого аминь...

— Свинья, уууууу.....уууууу...ей!

Они смотрели на него в священном трепете. Медленно ослабевая в горах и долинах, замер оглушительный рев. И вдруг, в это время, как он замирал, на смену ему пришел другой, более мягкий звук. Какой-то захлебывающийся, булькающий, чавкающий, сосущий, протяжный звук, точно тысяча усердных людей ели суп в иностранном ресторане. И, услышав его, лорд Эмсворт издал крик восторга.

В следующем, № 10 „Мира Приключений“ будут напечатаны между другими литературными произведениями:

А с с е п с а н и т а с —

большой фантастический рассказ социального значения;

Х и т р о с п л е т е н н а я м е с т ь —

исторический рассказ;

**О Вольтере, графе Сциборе Мархоцком
и разбойнике Миките —**

исторический рассказ;

В с т р е ч а —

рассказ из эпохи минувшей гражданской войны;

Р а с с к а з о м и л о с т и;

Н а д п р о п а с т ь ю,

В о л о с ы В е р е н и к и;

С л о н о в о д с т в о —

юмористический рассказ.

В СТРАНЕ

ШИВОРОТ

НА

ВЫВОРОТ

Поверите ли вы, что есть страна, где:

Рыбы вылезают из воды и надуваются воздухом, как гуттаперчевые шары?

Олени такие крошечные, что их можно принести домой в кармане и целиком исжарить на сковороде?

Взрослые мейведи высотой всего в пятьдесят дюймов?

Рыбы карабкаются по деревьям и подмигивают глазами?

Страна такая существует, и Дарвин много лет тому назад назвал ее «Страной шиворот-навыворот». По словам Кервета Уэльса, английского инженера, прожившего шесть лет на Малайском полуострове и строившего там железные дороги, Дарвин только наполовину описал эту страну.

Представьте себе, что вы гуляете по берегу и в это время из воды вылезают рыба, перебирается по песку и лезет на дерево.

Я подождал,—говорит мистер Уэльс, и рыба спустилась и снова ушла в воду.

Кажется, нет сказки, которая могла бы соперничать с этим рассказом. Но такая рыба действительно существует, и вы можете видеть ее в музеях под названием *Periophthalmus Schlosserii*.

Представьте себе охоту за оленями, ростом всего в девять дюймов. Этих оленей вызывает из леса тем, что барабанят пальцами по пальмо-

вому листу. Представьте себе, что вы снимаете лесных карликов, таких диких, что даже соседние туземцы редко видят их; что вы пробираетесь по местности, которая не занесена ни на какую карту, и находите курорт, куда дикие слоны приходят брать грязевые ванны, когда чувствуют, что скоро умрут; что смотрите на бои рыб, где чешуйчатые воюки натренированы, как дерущиеся на боях петухи; что встречаете птиц, запечатавающихся своих самок в дуплах деревьев на время высиживания яиц и целые недели держащих их на стрихниновой диете.

Все это испытал Уэльс и еще многое другое.

— Однажды,—рассказывает он,—я шел в джунглях и почувствовал жажду. Один из сопровождавших меня туземцев подошел к дереву и отрубил кусок толстой ветки длиной в три фута, осторожно держа ее в руке так, чтобы оба обрезанных конца ее были на одном уровне. Он сказал мне, чтобы я встал на колени и раскрыл рот, и вылил из такого крепкого с виду дерева струю чудесной холодной воды.

Я подошел к той же самой ветви и срезал кусок ее, но он оказался сухим. «Вы наделали слишком много шума,—сказал мне туземец —и вся вода

Мальчик с летучей лисцей.

утекла в корни». Я потом много раз пробовал срезать ветви и всегда находил воду, если подходил тихо, и ветка оказывалась сухой, если я спугивал ее.

Уэльс нашел на Малайском полуострове также растение, которое складывает ветви, закрывает цветы и расплывается на земле, если вы не только дотронетесь до него, но даже дохнете на него. То же растение спокойно стоит лицом к лицу с резким ветром. Когда буйвол пасется на краю поляны, целое поле этих растений расплывается по земле.

Уэльс видел птицу, размерами с курицу. Эта птица кладет яйца почти такие же большие, как она сама, закапывает их в дыре, покрытой прутьями, и когда яйцо лопаются, птенец вылетает и прямо садится на вершину дерева, потому что крылья и все перья его совершенно окрепли уже в скорлупе.

На Малайском полуострове проходят очень обильные дожди. В год выпадает до 250 дюймов, а девятидюймовый ливень за три часа—самое обычное явление. Уэльс рассказывает, что ему часто случалось отправляться утром пешком на работу, а возвращаться днем на лодке, потому что во время ливня вода в реке поднималась со страшной быстротой и заливала поля на два-три фута.

Проклятием джунглей были насекомые. Чтобы хотя с некоторым спокойствием жить в туземной хижине из пальмовых деревьев, приходилось внутри ее ставить палатку, защищавшую от различных существ, населявших крышу. Первыми торопятся тараканы, поедающие пальмовые листья. Потом приползают ящерицы, за ними скорпионы, крысы, мыши, сороконожки, лягушки, пауки и другие существа, все питающиеся друг другом, пока не является змея, которая поедает их всех.

Вести хозяйство в джунглях—дело не легкое. Обыкновенное кушанье—дыпленок

три раза в день, который приготавливается вам поваром-китайцем. В джунглях держат дыплат в курятниках сотнями, но яиц не достанешь нигде. Яйца—доход повара, он получает их в придачу к дыплатам и их нужно уже потом покупать у него.

Уэльс однажды отправился с малайским мальчиком на рыбную ловлю. Мальчик взял с собой около двадцати удочек, дли-

ною фута в два, и воткнул их на рисовом поле, закинув крючок в болотистую воду, стоящую на поле. Потом он принялся обходить удочки и снимал с каждого крючка маленькую рыбку, длиною дюйма в три. Поймав с сотню таких рыб, мальчик с инженером вернулись на сухую почву и малаец стал бросать рыб на землю. Рыбы мгновенно надувались воздухом и лопались, как резиновые шары.

Малайцы не любят работать. Большая часть их пищи не требует приготовления, а растет, не требуя ухода. Малайцы только возделывают рисовые поля. Обезьяны они учат лазить по деревьям и сбрасывать отсюда кокосовые орехи. Обезьяны знают два малайских слова: «зрелое» и «зеленое» и бросят вниз такой орех, какой скажут.

Малайцы так не любят беспокоить себя работой, что уверяют, что один из их любимых плодов съедобен только тогда, когда сам падает с дерева. Когда плоды начинают созревать, малайцы огораживают дерево, чтобы защитить его от животных. Внутри загородки они строят хижину, в которой сидят и жуют бетель, пока плоды не созреют и не упадут сами.

В джунглях все, даже живущие там европейцы, носят туземную одежду. Эта одежда состоит из «саронга», что означает обертка. Она похожа на мешок, фута в четыре длиною и такой же ширины. Этот мешок одевают через голову и умеют очень красиво драпировать. Женщины носят еще короткие кофты. Саронги шьются из ярких шелков, прекраснейших оттенков.

Девушка-туземка в национальном костюме.

Юмореска И. ИВАНОВИЧА

Иллюстрации В. СЕЛИВАНОВА

Светила обычно окружены спутниками.
(Нач. астрономия)

В Дымтресте ждали нового Зава. Кацмуравейник подтянулся. Никто не опоздал более 120 минут, кроме Сюкина. Сюкин был ответственным хранителем журнала своевременного прихода на службу, или сокращенно: Жюхр. Когда он вошел, крысовод Пригтыкин, заведующий архивом, громогласно ему объявил:

— Большой рефрактор наготове!

— Как звездное небо? — спросил

Сюкин.

— «Сириуса» пока невидно. «Малый Пес» исжевал себе всю бороленку. «Глаз Тельца» вылезает из орбиты, — волнуется.

— По чему заметно?

— По «Млечному пути» — ходуном ходит.

Сюкин хихикнул.

— Временное за-

тмение...

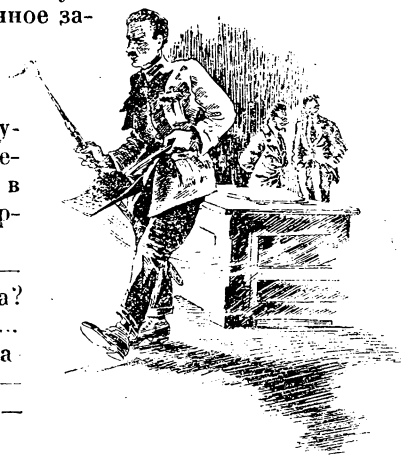
Жди ка-

никул...

Завхоз Гужеедов перетряхал золу в печке. Рассердился.

— Опять — тарабарщина? Волынщики...

— Нет, а барщина, — астрономия, —

пояснил Сюкин.—Ликвидните-ка безграмотность, Пал Палыч.

— Еще кого ликвидирут—вопрос...— донеслось из печки.

В дверь протиснулся пухлый ворох бумаг, плюс—пухлая секретарша с глазами коровы.

— Где все рассылные? Не дозвонишься...— с трудом вытиснулась в коридор.

— «Альдебаран» или «Глаз тельца» в поисках «Гончих Псов». — Сюкин подмигнул Притыкину: «Убывает»?

— На ущербе. Опять завертелась по прежней орбите,— хихикал другой «астроном».

— Но в иной плоскости эклиптики. Ха-ха!.. Хвост кометы!.. Хо-хо! Центр потеряла!..

Пишбарышня Гулькина, с ожесточением насиловавшая машинку, перелохнула и попудрила нос:

— Как вы, граждане, не умничайте, а понять все можно...

— Вам ли не понять! Ведь и вы, Тамарочка, к созвездию «Большого Пса» причастны,— съязвил Сюкин.

— Звездочка «ню», шестой величины, — подтрунивал Притыкин. — Ныне—идет попятным движением...

— И ничего подобного!.. — пишбарышня надула губки и с удвоенной энергией обрушилась на машину.

— Тьфу!.. Обормоты! — Гужеедов выругался и вышел, оставив за собой след золы.

— Чего «Волопас» злится?—спросил Сюкин.—Ишь ты, целую угольную шахту отрыл...

— Ключ от кабинета Зава потеряли. Замок ломать пришлось, так вот ищет задним числом.

— «Что потеряешь раз, того уж не вернешь» — зашел Сюкин. — С нашим прежним Завом многие что-нибудь потеряли... Даже своих «спутников»... Анна Пална! — лягнул он

вторую машинистку, что, ваш жених нашелся?

Та сердито встала и, хлопнув дверью, вышла.

«Астрономы» заржали.

— Тоже хвост угасшей кометы...

— «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой бывший хвост»...

Сюкин и Притыкин увлекались астрономией и, благодаря своему злому жаргону, терроризовали сослуживцев, плохо понимавших их язык. Архив, где Притыкин разводил крыс, помещался рядом с кабинетом Зава, в кабинет из Архива вела заколоченная дверь. На языке «астрономов» Архив именовался Пулковской Обсерваторией, а замочная скважина—большим рефрактором. Вся канцелярия имела свои астрономические имена: Зав—«Большой Пес» или «Сириус», Помзав—«Малый Пес», секретарша—«Глаз тельца», ревкомиссия—«Рыбы», казначей—«Козерог», главбух—«Водолей» и т. д.

Теперь Зава перевели, ждали нового

Сюкин послонялся по канцелярии:

— Что это у нас как будто сыро?

— Это от отчета. Водолеева работа, кивнул в машинистку Притыкин. — Оправдывает старик свое название.

Машинки грохотали. Сюкин подошел к ретивой девице.

— За что вы ее так истязуете?

— Спешно велено...

— Сколько же листов?

— Отчеты не листами, а пудами веряют,—опять отозвался Притыкин.

Наконец, Зав явился. Он проследовал в кабинет в сопровождении помощника.

— Прямым восхождением,—подмигнул Сюкин.

Притыкин отправился на дежурство в «обсерваторию». В дверь заглянул Главбух, кивнул на кабинет Зава:

— Что, как там?..

— Противостояние «Большого» и «Малого Пса», — шепнул Сюкин.

Часа через полтора Притыкин излагал Сюкину «бюлетень»: «Пулковская обсерватория» доносит на месте «Сириуса» пока большая туманность. «Малый пес» лягнул «Козерога», говорит не дело финлицам по «Трокадерам» таскаться. «Рыбы» должны произвести спектральный анализ «Козерога» на предмет целостности кассы. Затребованы списки всей системы «Большого Пса». Держись, «Кастор»...

Прошло несколько дней. Появилась новая секретарша—девица в красном.

— Вступаем в знак «Рака»,—констатировал Сюкин.

— Бедный «Глаз Тельца»—вздыхнул Притыкин.

Новая секретарша обосновалась в кабинете Зава,—шла какая-то спешка. И «обсерватория» не дремала. «Большой рефрактор» все время находился в действии.

Канцелярия, вместе с Землей, вертелась спокойно еще несколько дней. И вот, в разгар спешки, из мировых бездн появилось блуждающее тело в юбке, видом похожее на просфору. Тело без доклада проследовало в кабинет Зава.

Сюкин широко раскрыл глаза:

— Отметим несвоевременное несвоевременное несвоевременное «неведомого светила»...

Из кабинета доносился взволнованный говор голосов: мужского тенора и женского баса. Быстро вылетела раскрасневшаяся секретарша.

— «Рак» сакшптки свернулся — констатировал Сюкин.

Через минуту метеором пронеслось неизвестное светило, тоже похожее на рака.

Прибежал «с поста» Притыкин и захлебываясь доложил Сюкину:

— Необычайное возмущение в межпланетных сферах. В момент прохождения «Рака» через «Сириус», вы-

нырнула «Большая Медведица». «Сириус» сразу потух. «Рак» вспухнул. «Медведица» возмутилась, из ее недр потоком хлынули «Скорпионы», «Гидры» и «Драконы». Внимание, «Поллукс»!...

Близнецы долго заливались веселым смехом.

Земля вертелась... Вдруг, в «Дымтресте» пронесся слух о сокращениях. Когда однажды к Зава в кабинет прошел Помзав с подозрительной бумажкой, Сюкин не утерпел и отправился к другу в «обсерваторию».

р
приключений.

В тот же момент дверь отворилась, Зав с Помом появились на пороге.

— Я вам говорю, — это неисправимые лодыри и вообще, — говорил о ком-то Помзав, — насмешники в общем и целом... Всем прозвищ надавали и вообще... Они и вас «псом» каким-то именуют и вообще... по щелкам подглядывают...

— Хорошо. Мы потом обсудим этот вопрос... Не волнуйтесь...

— Да вот, поговорите с Завхозом, если не верите мне...

Через несколько дней из звездной системы «Дымтреста» было вычеркнуто только одно созвездие — «Близнецы». Все остальное на месте, и попрежнему вертится вокруг своего центра.

Премируемые на Литературном Конкурсе 1927 года рассказы напечатаны:

В № 8: Сила неведомая,
На Сыр-Дарьинском берегу,
Крапива.

В № 9: Старые мертвецы,
Зуб за зуб,
Из другого мира,
Аким и Мишка.

Очерк И. Р.

Никто не знает, как летают птицы... К такому выводу неизменно приходили после всех бесчисленных наблюдений и работ, предприняемых с целью объяснить полет птиц.

Теоретические опыты насчитываются сотнями, но ни один из них не имел серьезного значения. Птиц и самых разнообразных насекомых снимали обыкновенным фотографическим аппаратом, затем снимали для кинематографа. Скальпель физиолога разобрал по частям трепещущий мотор птицы... Но птица хранила свой секрет. И установленные из опыта принципы, примененные затем к этой волнующей загадке, оказывались бессильными или даже явно противоречили наблюдаемым фактам.

Можно было прежде говорить, что если применить известные законы сопротивления среды живым существам, способным летать, поневоле приходишь к заключению, что летание очень трудно, если и не совсем невозможно: что летание требует от животного большой затраты двигательной энергии, и что оно является без сомнения самым утомительным из всех способов передвижения. Но факты отрицают все эти заключения и показывают их нелепость.

Инженер Емихен, прекрасные труды которого по аэродинамике хорошо известны, сделал попытку выявить странные по сравнению с физическими законами аномалии полета птиц. Как бы птица ни летала, мускульная затрата энергии у нее очень незначительна. Это факт, который подтвердили самые тщательные испытания. Отсюда, стремление подражать форме птицы, стремление, стоявшее так дорого человеку, начиная с Икара...

КРЫЛЬЯ ЖИВЫЕ и КРЫЛЬЯ МЕРТВЫЕ.

Если взять чучело птицы в положении планирующего полета с распушенными крыльями и хвостом, мы увидим, что оно не сможет сделать того планирующего спуска, который мы наблюдаем у живой птицы. Какова бы ни была высота, с ко-

торой вы бросите это чучело птицы, оно со свинцовой тяжестью упадет на землю.

Если сопротивление, испытываемое этой безжизненной массой, оставалось бы таким же и у живой птицы, то у нее должна была бы быть замечательная атлетическая мускулатура.

Но самые строгие биологические исследования мускулов птицы не показали ничего ненормального как качественно, так и количественно. Это обыкновенные мускулы, очень немногим превосходящие мускулы соответствующих по размеру млекопитающих.

Ясно, что мертвое крыло не имеет уже никакого значения и поэтому нужно изучать живое, чувствительное крыло. Раскрыть тайну полета птицы могут только ее движения, ее усилия, рефлексы. Но еще вчера тайна эта оставалась неизвестной.

АППАРАТ, РАСКРЫВАЮЩИЙ ТАЙНУ.

Три французских ученых, Маньян, Хюгенар и Планиоль, посвятили долгие годы на изучение акродинамики. Их работе мы обязаны, кроме других блестящих достижений, записи скорости полета авиаторов, определению кривой полета птиц, аэропланов и т. п... Всего несколько недель тому назад ими был подан во французскую Академию Наук отчет о результате их наблюдений над полетами птиц.

«Чтобы прийти к этому результату—пишут ученые в своем докладе,—мы попытались непосредственно измерить напряжения летящей птицы изобретенным нами аппаратом. Мы поместили этот аппарат на спину летящего голубя, который без труда может нести эту добавочную тяжесть».

ЗАПИСЬ НАПРЯЖЕНИЯ.

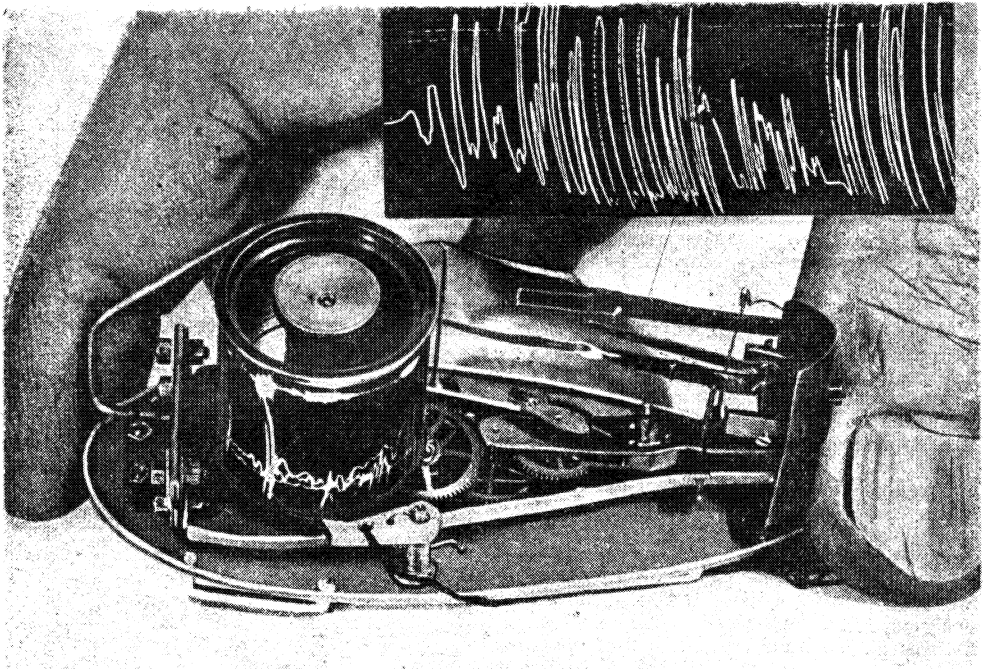
Акселерограф, изобретенный Маньяном и Хюгенаром, представляет настоящее маленькое чудо механики. Длина его 7 сантиметров, ширина 3 сантиметра, высота также 3 сантиметра, а вес всего только 55 грамм. И, несмотря на его миниатюрные размеры, он позволяет записывать на-

пряжения птицы в вертикальном направлении и движение ее крыльев.

Этот аппарат с заведенным часовым механизмом просто надевается на приспособление вроде корсета, охватывающее тело птицы. Шея, крылья, лапы, хвост остаются свободными. Крепкая шелковая нитка, привязанная к лапкам, раскручивается с катушки и позволяет измерять скорость и останавливать полет птицы после сделанного ею известного перелета. Пружина освобождает при полете записывающий цилиндр. Этот цилиндр имеет в диаметре 2 сантиметра и продлевает свой единственный круг в 6 секунд.

сов, делающих запись, началось бы только, когда птица в полном полете. Таким способом можно будет совершенно освободить птицу в нескольких километрах от ее голубятни, куда она принесет, несколько минут спустя, подробный «отчет» о своем путешествии. Цилиндр, вместе с записью усилий и амплитуды ударов крыльев, отметит также и время, благодаря вибрирующему острою, приведенному в движение полетом птицы.

Конечно, автомату нельзя передать разум животного, но точное знание свойств аэродинамики птиц, наших учителей в этой области, может помочь авиации достигнуть скорых и поразительных успехов.

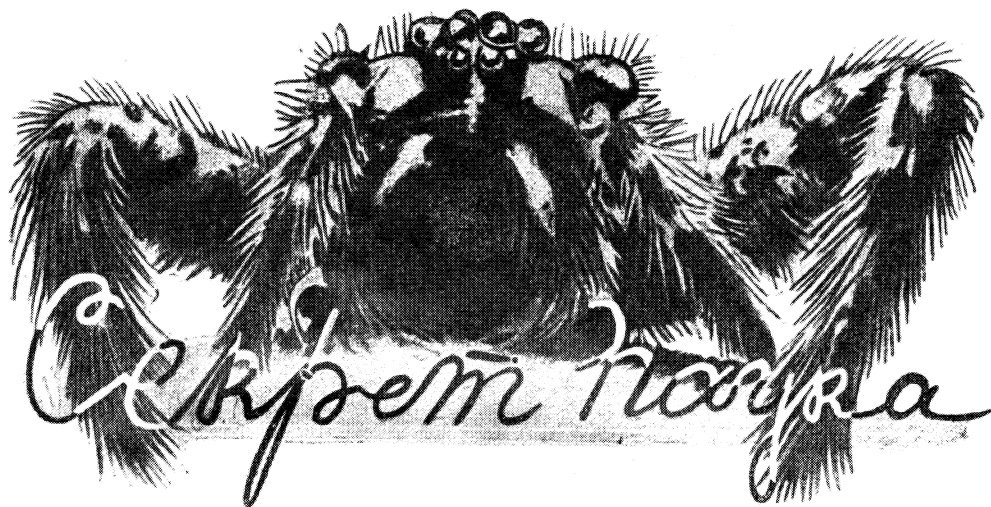

Различные записи, добытые учеными таким способом, показали, что отлет голубя вызывает значительные усилия. Кривая полета, которая изображена здесь на рисунке, начинается в тот момент, когда птица спущена с высоты 1 метра 50 с. от земли. Птица удаляется с очень незначительной скоростью, сильно хлопая крыльями, делая ими в секунду от 6 до 8 ударов. Усилия достигают при этом такого напряжения, что в это мгновение голубь должен выносить свой собственный вес, умноженный в 4 раза.

Эта кривая, начертанная в некотором роде самой птицей, раскрывает нам много интересного. Надо думать, что ни одна фаза птичьего полета не останется теперь неисследованной. Маньян и Хюгенар, действительно, присоединили к своему аппарату добавочный механизм, управляемый ударами крыльев птицы, и функция которого заключается в том, чтобы освобождать цилиндр записей после некоторого количества ударов крыльев так, чтобы движение стили-

ЛЕТАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК.

Если птичий полет совершается с почти совершенно незначительной затратой двигательной энергии, то это происходит оттого, что птица имеет поддержку в окружающей атмосфере: это естественные ветры и ветры, созданные ее движением. Дело заключается в том, чтобы знать, в какой пропорции смогут авиаторы завтрашнего дня использовать эти силы, сегодня почти еще не эксплуатируемые. Некоторые техники даже предвидят, что настанет день, когда человек одной только мускульной силой, с помощью самых простых приспособлений, сможет подниматься на воздух и двигаться в воздухе так же легко, как он ходит теперь по земле или плавает... Сегодня мечты, завтра—действительность... Но на этот раз мечта благоразумна, потому что многие спортсмены, велосипедисты и состоящие в беге, затрачивают гораздо больше энергии, чтобы двинуться с места на земле, чем если бы им нужно было лететь.

Известный английский писатель Уэльс как-то сказал, что если человек когда-нибудь перестанет властвовать над нашей планетой, следующей «расой, овладевшей землей, будут пауки».

Есть поверье, что эти существа, такие непривлекательные с виду, перебрались к нам из каких-то других миров, но, как бы то ни было, пауки поражают человека удивительной сообразительностью, изобретательностью, смелостью и жестокостью.

Как тонка и кажется непрочной нить, сплетенная пауком! Сфотографированная через микроскоп, увеличивающая в 2.000 раз, нить эта кажется толщиной с лошадиный волос. Человеческий же волос, увеличенный во столько же раз, был бы толщиной в шесть дюймов. И паук такой непрочной, почти невидимой нитью, опутывает животных, во много раз больших, чем он сам!

Паук сплошь да рядом нападает на лягушек, змей, ящериц и даже летучих мышей и птиц.

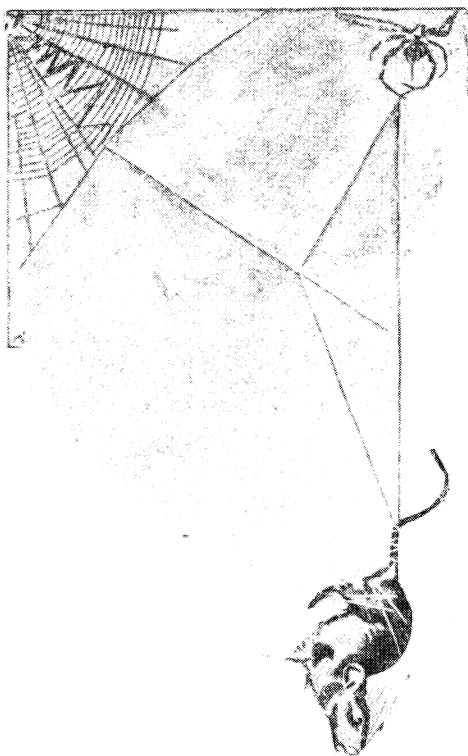
Лягушки—самое любимое блюдо паука. Когда он голоден, он первым делом отправляется на ловлю лягушек. Наблюдения показали, как быстро исчезали лягушки из аквариума, поблизости с которым основался паук.

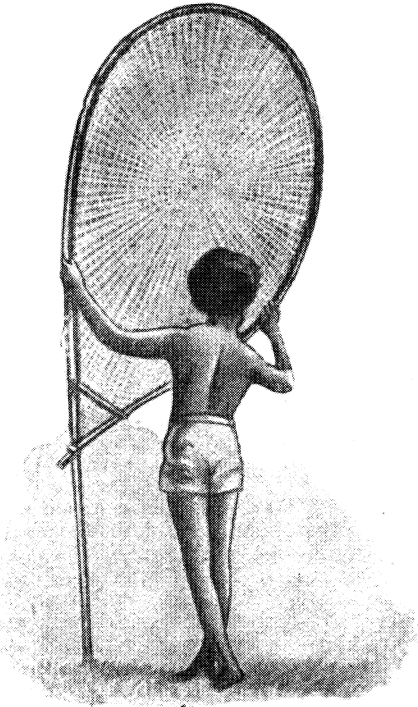
В Батавии нашли однажды змейку, длиной в 9 дюймов, которая попала в сеть к пауку. Тело этого паука было не больше горошины. Он свил сеть в форме конуса, с конца которого висел канат толщиной с обыкновенную шелковую нитку для шитья. Еще живую змейку нашли подвешенной на этом канате. Голова и хвост ее были опутаны множеством таких нитей.

Такая же участь постигла и мышшь. Она, вероятно, спала, пока паук обматывал паутиной хвост. А чтобы поднять мышшь с полу, паук очень удачно воспользовался петлей и показал этим настоящее инженерное искусство.

В Новой Гвинее паузасы пользуются паутиной для рыбных сетей. Паук Новой Гвинее относится к видам лесных пауков и плетет гигантскую паутину футов 6—7 в диаметре. В эту паутину пауки уловляют птиц с такой же легкостью, как наши домашние пауки ловят мух.

Паукас ставит в лесу бамбуковую палку, верхняя часть которой пригнута и подвязана так, что образует большую петлю.

Эта петля очень удобная рамка для плетения паутины. Темно-коричневый лесной паук, размером с орех, замечает это удобное для плетения паутины место и, конечно, подьзается им. Папуас же затем ловит этой доставшейся ему даром сетью—рыбу.

Если человек говорит о своем завоевании воздуха, то паук может доказать, что он много веков уже пользуется воздушными сообщениями. Пауки—искусные воздухоплаватели. В теплый день почти всегда можно видеть паука, предпринимающего прогулку по воздуху. Паук взбирается на высокую точку, опускает оттуда несколько нитей и несется затем на них, подхваченный ветром. Эти паучьи воздушные корабли находятся иногда на больших высотах. Моряки видели их даже в сотнях миль от берега.

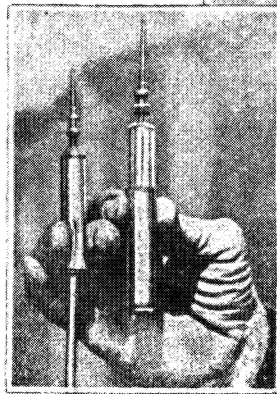
Чего бы ни достиг человек, если бы он был в состоянии делать канаты, прочность которых соответствовала бы прочности нитей паутины! Сколько перекинулось бы воздушных мостов, поддерживаемых канатами, толщиной с обыкновенную веревку!

Полный переворот произошел бы в инженерном искусстве, если бы люди могли взять хороший урок у паука и узнать секрет, как плести веревки по его способу.

Усыпляющие пули

Таким, повидимому мало правдоподобным названием, можно окрестить недавно изобретенные пули, предназначенные для ловли диких животных.

Особенностью этих пуль является небольшая ампула с усыпляющей жидкостью и тонкое, соединенное с ней, пустое внутри острие. Когда такая пуля попадает в тело животного, жидкость быстро распространяется по кровеносной системе, и животное погружается в глубокий сон—столбняк. Этим самым делаются излишними сложные западни-ловушки—сонное животное связывают и кладут в клетку. Действие усыпительной пули сказывается и тогда, когда ею наносится даже самое легкое ранение. Чего доброго—скоро кто-нибудь додумается до таких же «гуманных пуль», которые будут усыплять солдат противника, выводя его из строя во время сражения и лишая его возможности вернуться туда в продолжение более или менее значительного времени...

ВЕЛИКАЯ ЗАДАЧА БЛИ

Есть изобретения, которые предчувствуются, ожидаются, предсказываются. Их появление неминуемо, их будущее значение ясно для всякого и все-таки, когда, наконец, они приходят в свет, их влияние на жизнь оказывается во много раз могущественнее, чем это думали раньше. Так было с изобретением железных дорог, с успехами авиации, то же самое ждет и беспроводную передачу энергии.

Успехи радиопередачи заставили иобретателей задуматься, нельзя ли использовать свойства электрических волн для того, чтобы передавать таким же способом десятки и сотни лошадиных сил. Вначале ответ был обескураживающе отрицателен. Но в последние годы, особенно после работ Маркони, в этой безнадежности как будто блеснул луч надежды. В стремлении уменьшить мощность радио-станции, Маркони, работая с короткими радио-волнами, построил замечательную антенну, которая

позволила посылать радио-волны по одному направлению. Пересылаемые таким образом радио-сигналы между Лондоном и Канадой могли восприниматься только вдоль этой линии. Тем самым впервые Маркони добился, хотя и в малом масштабе, беспроводной передачи энергии в одном направлении. Немедленно заработала творческая мысль и других электротехников. Вспомним опыты Тесла, заставившего гореть электрические лампочки, снабженные небольшой спиралью в сильном электрическом поле переменного тока; не менее удачные результаты дали работы Штейнмеца, Томаса и ряда других выдающихся экспериментаторов.

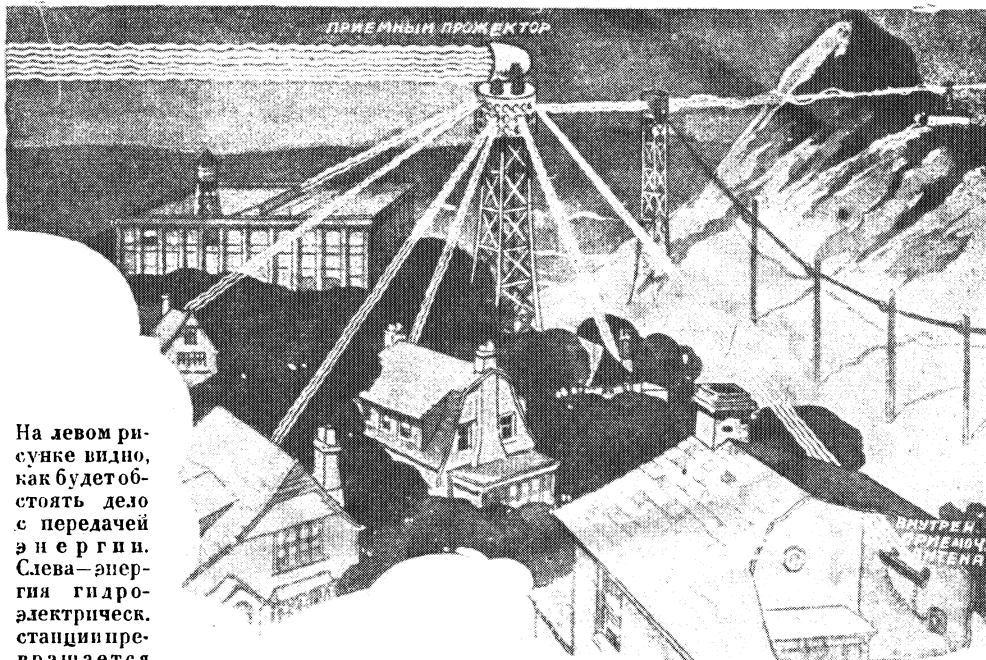
Что же надо, чтобы передать электрическую энергию без проводов? Необходимо превратить ее в электрические колебания огромной частоты с возможно малой длиной волны и, затем, при помощи особых металлических зеркал, отразить их, подобно пучку света по желаемому направлению, где другой такой же электрический проектор должен их перехватить и превратить в обычный электрический ток. Задача эта, несмотря на кажущуюся простоту решения,—все-таки еще колоссально трудна, но зато ее удачное решение открывает перед техникой необъятные перспективы.

К о р а б л ь

Древние римские летописцы рассказывают, что император Калигула, знаменитый своими жестокостями и сумасбродствами (конь Калигулы в сенате!) велел построить однажды для себя на озере Неми около Рима замечательный корабль невиданных размеров и роскоши. Предание говорит, что на корабле были мраморные храмы и бассейны, шелковые золототканые паруса, зеленые висячие сады и фонтаны, что корпус его был построен из драгоценнейших сортов дерева и что весь он был изукрашен

ЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

На левом рисунке видно, как будет обстоять дело с передачей энергии гидроэлектрической станции превращается

в колебания большой частоты и посылается радио-прожектором в виде узкого пучка невидимых для глаза лучей. Справа, на высокой башне виден такой же приемник, от него по разным направлениям расходятся радио-лучи меньшей силы, воспринимаемые небольшими антеннами внутри домов и заводов. Справа же видна небольшая передаточная станция, превращающая радио-волны в обычный электрический ток, идущий по проводам.

Если этим мечтам суждено будет осуществиться, то это произведет в технике

целый переворот. Излишними станут длинные и дорогостоящие медные проводники электропередач—их заменят собою мощные потоки электрических излучений. Эти же излучения могут сделаться страшнейшим оружием военного дела, стоит только направить такой электрический луч на какой-нибудь металлический или просто электропроводящий предмет, как в нем возникнут столь сильные индукционные токи, что они почти мгновенно сожгут его или расплавят...

К а л и г у л ы

художественными произведениями из бронзы и мрамора. Прошли века и озеро Немн было осушено во время каких-то гидротехнических работ. Дно озера обнажилось и древней легенде суждено было воскреснуть. В иле действительно нашли остатки какого-то судна, полного редчайших произведений искусства. Помещаемые два рисунка—снимок с бронзовой головы медузы и головы волка, держащего причальные кольца, дают нам некоторое представление о ценности найденных сокровищ.

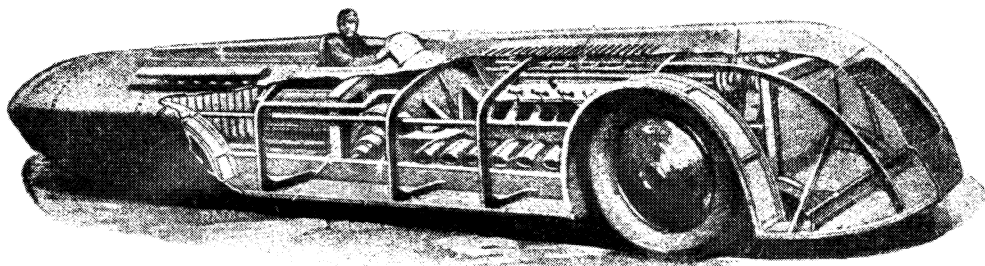

Сверх-быстрый автомобиль

В погоне за рекордами быстроты одна из американских автомобильных фирм (Санбим) построила недавно чрезвычайно интересную машину, наделавшую много шума (в буквальном и переносном значении этого слова) в спортивных заграничных кругах. Строившиеся до сих пор машины обладали мотором самое большее 500 — 600 сил, при чем, как общее правило, мотор

конды устроены с целью уменьшения лобового воздушного сопротивления. Летом это чудовище на колесах было испытано впервые известным автомобилистом Сигре-вом на плотном песочном пляже в Дай-тоне. В результате этих испытаний удалось довести скорость автомобиля до 327 километров в час (конечно, на коротком расстоянии в несколько километров)

ставился впереди. Фирма Санбим, при постройке своей рекордной машины, послала интригующее имя «Тайна С», поставила целых два мотора по 500 сил — один спереди, другой — позади шофера. На приведенном рисунке видно устройство этой машины. Бросается в глаза низкое расположение всех частей и острые концы корпуса. Такое низкое расположение обычно уменьшает опасное раскачивание автомобиля при больших скоростях, а острые

и тем самым оставить далеко позади все прежние рекорды быстроты, не превосходившие 300 километров в час. В практической жизни такие скорости, конечно, не имеют значения, так как они достижимы только на специально подготовленных и совершенно свободных дорогах, но как показатель высокого мастерства современного автостроения, последний рекорд несомненно весьма характерен.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ:

Задача № 61.

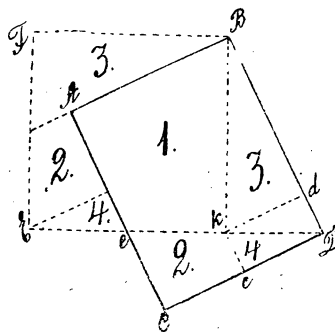
3	13	14	+
8	6	5	11
4	10	9	7
15	1	2	12

Сумма чисел каждого из вертикальных, горизонтальных и диагональных рядов равна 30 ($1+2+3+\dots+15+4$), и располагаются шары в ящике порядком, указанным на чертеже.

Задача № 62.

Так как в данном прямоугольнике стороны АВ и CD, относятся к сторонам AC и BD, как 4 к 5, то, разделив сторону CD на 2 равных части, а сторону BD — на 5 равных частей, из точек с и d восстанавливаем перпендикуляры до пересечения их в точке К. Далее тремя (минимум) разрезами по

прямым линиям eD, Bk и ck делим прямоугольник на 4 части (ABke, Ccke, BDK и

ckD), из которых и складываем квадрат EFBk, что ясно видно из чертежа.

Задача № 63.

Искомые слова — взбрызг, всплеск, в которые при 1 гласной букве входят 6 согласных: 1 (б, в, г, з, ж, р), 2 — (в, к, л, п, с, е)